

И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых

ЗЕМЛЯ СОЛИКАМСКАЯ

Традиционная культура,
обрядность и фольклор русских
Соликамского района

И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых

ЗЕМЛЯ СОЛИКАМСКАЯ

**Традиционная культура, обрядность и фольклор
русских Соликамского района**

Усолье, 2006 г.

Земля Соликамская.

Традиционная культура , обрядность и фольклор русских
Соликамского района.

Авторский коллектив: **И.А. Подюков**, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета; **А.В. Черных**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского отдела Института истории и археологии Уральского отделения РАН; **С.В. Хоробрых**, старший преподаватель кафедры истории и теории литературы Соликамского государственного педагогического института, директор Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых».

Научный редактор: **И.А. Подюков**, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного педагогического университета.

Рецензенты: **К.Э. Шумов**, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного университета; **О.В. Гордеева**, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета.

Авторы выражают свою признательность главному инженеру ОАО «Сильвинит», депутату Законодательного собрания Пермской области **Р.Х. Сабирову**, начальнику службы делопроизводства и управления делами ОАО «Сильвинит» **С.Н. Сизовой**, ректору Соликамского государственного педагогического института **И.Д. Кошкиной**, изыскавшим возможности финансирования научных экспедиций и активно курировавшим настоящий проект.

ISBN

© И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых.
© Дизайн: Широков С.Ф.
© ОГУП ИПК "Пермское книжное издательство".

• ОТ АВТОРОВ •

Соликамская земля – это древний край, о котором пишут много и охотно. Больше всего мы знаем о Соликамске как городе-музее под открытым небом, о его соборах, составляющих художественные ансамбли, признанные ныне шедеврами не только уральской, но и всей русской архитектуры. Немало написано о монастырях и посадских слободах Соликамска¹. Край, где в XVII-XVIII вв. разрабатывались медные рудники, где давно и успешно занимались солеварением, где высоко развито было торговое дело, процветало кузнечное ремесло, изразцовое искусство, иконопись, гораздо меньше известен с «крестьянской» стороны.

Территория нынешнего Соликамского района активно осваивается русскими с середины XVI века: в это время идет массовая крестьянская колонизация севера. Историки свидетельствуют, что поначалу сельская жизнь в крае была развита слабо. На огромных пространствах края дома нередко были разбросаны поодиночке, местные жители селились в починках – поселениях из одного-двух дворов². Постепенно сюда охотно начинают перебираться не только охотники и рыбаки, но и ремесленники и пахари. Как указывает Г.Н. Чагин, в начальный период существования поселения на месте нынешнего Соликамска селились в основном русские, пришедшие из Северного и Центрального Поморья³. Поэтому, кстати, в архитектуре соликамских храмов столь заметно влияние зодчих, создавших неповторимую красоту Великого Устюга, Вологды, Каргополя.

По данным переписи 1579 г., в Соликамском уезде было 23 деревни, 11 починков и 3 займища. Всего это было 162 двора с населением 205 человек мужского пола. Те, кто заселял Соликамские земли, были выходцами не только с Русского Севера (Великий Устюг, Вятка, Вологда), но и из пермских земель (Чердынь, Кунгур). Историки отмечают, что количество пришедших людей в крае резко увеличивается во второй половине XVII века. Охотнее всего заселялись наиболее плодородные земли Соликамского уезда (в прошлом он включал еще и Косьвинское, Обвинское и Иньвинское поречье).

¹ Из недавно опубликованных работ назовем книгу Г.Н. Чагина «Города Перми Великой. Чердынь и Соликамск». (Пермь, 2004), коллективное издание Г.А. Бординских, Н.Ф. Федосеева, Ю.С. Чиркова «На перекрестках времен и дорог. Соликамский район: история и современность». Пермское книжное издательство, 2004.

² И.И. Словцов. Деревня Соликамского края в XVI в. – Пермский сборник. Кн. I. М., 1859.

³ Г.Н. Чагин. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004, с. 163.

Постепенно и на территории, смежной с городом Соликамск, формируется значительное сельское население. Очевидно, многие из тех, кто шли на соляные промыслы, оседали в окрестностях города, ведь город нуждался в продуктах, в изделиях и услугах сельских ремесленников (кузнецов, плотников, строителей, ямщиков, шорников)¹. Близость знаменитой Бабиновской дороги, которая через Уральские горы связывала Россию с Верхотурьем и Восточной Сибирью, обусловила активное участие соликамских крестьян в ямщичестве.

В то же время соликамская земля оставалась территорией со своей сугубо крестьянской жизнью и культурой. Севернорусское начало, постепенно дополненное и элементами финно-угорской традиции (от территориальной близости к коми-пермякам), не могло не сказаться на особенностях местной речи, на характере фольклорной и обрядовой традиции края. Проведенные в 80-х годах XX века работы пермских диалектологов по изучению говоров Соликамского района (О.П. Беляева, А.П. Шварц, А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева) показали, что край отличает яркая языковая специфика. Авторами «Словаря говоров Соликамского района Пермской области» (Пермь, 1973, сост. О.П. Беляева) обследована по большей части центральная часть района (населенные пункты Бараново, Верхнее Мошево, Вильва, Володино, Жуланово, Осокино, Пегушино, Половодово, Тетерина, Толстик, Тюлькино и др.).

Свыше 6420 словарных статей в деталях характеризуют не только обиходно-бытовую крестьянскую речь соликамцев, но и являются наглядными свидетельствами старого, традиционного уклада жизни, иллюстрируют основные занятия обитателей края в прошлом. Одна из особенностей Словаря - обилие характерных именно для края этнографизмов. Это названия бытовых предметов, одежды, обуви, орудий труда, домашней утвари, пищи. Специфически местные слова – это слова типа *байка* - зыбка-качалка для младенцев, *берестенник* - мочалка из бересты, *бруснялка* - деревянное орудие типа мялки, с помощью которого обивали семенные верхушки конопли, *вареник* - топленое в русской печи молоко, *вершиница* - рабочий сарафан из домотканого холста, *водяница* - деревянная кадка для воды, *возовуха* - большая телега для парной упряжки, *восмигрядка* - телега, верхняя часть которой образуется из восьми продольных жердей, *долгуша* - телега на де-

¹ Н.В. Устюгов. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVIII века. - В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962.

ревянном ходу. Стоит добавить сюда слова *затёрник* - полотенце, *горбун* - женское платье старинного покроя, напоминающее сарафан, *лохманы* - вид обуви типа бахил, *скуты* - портянки из домашней шерстяной ткани, *печор* - небольшой лыковый плоский короб, который носят за спиной, *луда* - кушанье, приготовленное из толочка, размешанного в простокваше...

Соликамский говор до сих пор хранит слова, отражающие колоритные характеристики края, связанного прежде всего с солеварением (известно, что крестьяне в крае занимались соледобычей и самостоятельно, особенно по рекам Мошевица и Усолка). Специфически местным является обозначение выходов на поверхность воды с большим процентом содержания соли *рассол*: «Рассол по речке по Мошевице выходит; коровы там лижутся» (с. Жуланово); «На Усолке качали из земли рассол лошадьями» (д. Тетерина). Также связаны с соледобычей слова типа *воротяшка* - простейшая грузоподъемная машина, состоящая из вала с рукояткой, на которую наматывается канат или цепь для подъема рассола, *соленая грузка* - работа на погрузке соли, *солянка* - баржа для перевозки соли, название рабочего на соляных промыслах *каталь*. По рассказам старых людей, работа на соли была сопряжена с большим риском. «Вода ведь кипит, как каша, соль-та варится. Доска вот прогнется, и улетишь. Ой, сваривались люди, заживо сваривались» (г. Соликамск, зап. от А.И. Пачиной, 1907 г.р.).

Соль - не единственное богатство края. Большой лексический пласт соликамских говоров отражает активно бытовавшее здесь в прошлом баржестроительство и судоходство. Это слова *баржевик* - купец, владеющий предприятием по строительству барж и их продаже, *беляна* и *дровяница* - баржи для перевозки дров, *двадцатьятка* - баржа длиной в 25 сажений, *дёнка* - основание для укладки дров при сплаве, *конь* - крепление из бревен на барже, соединяющее нос и корму, *кулевозка* - род баржи для перевозки товаров, *мертвяк* - толстое дерево, закопанное в землю на берегу реки и используемое как опора для пристающих плотов и судов, *лыжина* - плаха, используемая как нижнее основание баржи, *тёлгас* - настил из досок на дне баржи, *присека* - парная тумба на пристани для причаливания судна, *карша* - затонувшее дерево, опасное для судов.

Жизнь на большой реке, которая является своеобразной транспортной артерией и во многом обеспечивает пропитание обитателей края (за счёт рыбалки), напрямую отражается в лексике, связанной со строительством и использованием лодок. Примечательно в связи с этим бытование в Соликамском районе разнообразных названий лодок. Это слова *вишерка* - плос-

кодонная лодка, *долблянка*, *бат*, *ботник* (название небольшой долбленной лодки), *косная лодка* - узкая, лёгкая, остроносая лодка, *разливистая лодка* - лодка с плоским дном, *ухватная лодка* - плоскодонная лодка, которая использовалась при сплаве леса для подтягивания плотов, *орляна* - большая лодка для перевозки грузов.

Соликамский лесной край интенсивно использовался и в прошлом, и в советское время как поставщик древесины. Поэтому так представительна в соликамских говорах лексика, связанная с лесосплавом. Это слова типа *весновать* - сплавлять лес весной по большой воде, название особой укладки леса при сплаве, скрепленной прутьями *глухарь*, слова *матка* - баржа с лесом, *выгонка* - сплав леса, *заплов* - сооружение из бревен, которым преграждают движение леса по реке, *мулить* - сплавлять лес вроссыпь, отдельными бревнами, *плавь* - пять-шесть плотов, соединенных вместе для сплава, *канбарец* - рабочий, занятый на сплаве леса, *ссорицик* - рабочий, который должен снимать зацепившуюся за что-либо на берегу бечеву баржи, *челено* - звено бревен в плоту. Контексты словоупотреблений сообщают нам колоритные подробности сплавного дела: «Лес плавежом плавили; на берег реки навозят брёвна костром, а когда река побежит, их сталкиют в реку; плавили по Усолке-реке» (д. Володино); «Ухватчики выезжают с манильным косяком, на ухватной лодке, матки с лесом к берегу подтягивают» (с. В. Мошево).

С лесопроизводством связаны также слова, характеризующие способы лесного промысла. Это слово *кокша* - способ укладки дров в круглую поленницу, *сутунок* - толстое бревно, которое распиливают на плахи, *пятерик* - бревно длиной до 10 м (5 сажень), *кубовник* - дрова определенной длины, складываемые в форме куба, *вздымка* - засечки на деревьях для сбора живицы, *чертить* - счищать с деревьев кору, готовя их к рубке, *дуборница* - дерево, с которого снята кора, *жаровое дерево* - высокоствольное, прямое, с ветвями только на вершине, *булына* - небольшая поляна посреди леса, *выкорень* - дерево, вырванное с корнем, *выпалка* - деревья, упавшие на землю от ветра, бури, *гарник* - выгоревший участок леса, *замоина* - затонувшее дерево, покрывшееся песком, *кулиса* - определенные участки, на которые разбивается лесосека при валке леса, *кysonка* - разновидность пилы, используемой на лесозаготовках, *ледянка* - ледяная зимняя дорога для вывозки леса, *мелкоросье* - мелкий лес, *лежина* - упавшее дерево, *суземка* - большой ельник, *стойник* - большая роща, *рям* - непроходимое место в лесу, *ситовое дерево* - гнилое, *корёв* - лесная чаща.

Лексика говора - показатель особенностей быта и способов хозяйствования населения края в прошлом. В соликамских говорах нередки слова, отражающие наличие в крае и отхожих промыслов. Это слова из сферы валекатов (*вахлять* - катать валенки, *катка* - валяние шерсти), лексика, обозначающая понятия ямщицкого дела (*пряжка* - расстояние в 20-30 верст, которое проезжают не кормя или не меняя лошадей; *погонная лошадь* - идущая в обозе сзади, без ямщика, сменная лошадь).

Особенно многочисленна в соликамских говорах, детализирована лексика, связанная с хлебопашеством, что является наглядным свидетельством высокого уровня земледелия в крае в прошлом. Среди этих слов мы встречаем особые народные названия участков пахотных земель - *поддолица* - небольшая полоса земли, припаханная к наделу, *повыток* - земельный участок, *плице* и *паленина* - поле на месте выжженного леса, *охлесток* - полоса, клин, *опалок* - место, на котором выкорчеван и сожжен лес под посевы, *удворное поле*, *удворица* и *обдворина* - примыкающие к дому участки земли, *дальние поля*, *суземье* - поля и луга, значительно удалённые от деревни, находящиеся за лесом, *пахоть*, *пахотина*, *паханина* - пахотная земля, *сугонье* - конец полосы, гона, где производился поворот во время пахоты.

К названиям способов обработки земли следует отнести слова и устойчивые сочетания типа *пахать на одноорку* - производить пахоту без предварительной обработки почвы, в целую, *пахать перепарки* - повторно вспахивать паровое поле с целью тщательной подготовки его под осенний посев озимых («*Перепарки пахнут второй раз весной с назьмом, потом сеют озимовое*» - с. Вильва), *пахать в склад* - пахать особым образом, когда при пахоте образуются два вала земли, из которых один ложится на другой. Неслучайны также номинации и характеристики видов почв (*буза*, *журун*, *желтяк* - неплодородная песчаная почва, *бухара* - плохой, малоплодородный участок пашни), слова, используемые для обозначения сельскохозяйственных орудий труда и полевой технологии (*ларник* - часть сохи, металлический лемех, *логарь* - ручка сохи, за которую держится пахарь, регулируя её ход, *ножовка* - соха с металлической режущей частью, *переслежина* - след от лошади и сохи, остающийся в поле после пахоты, *плица* (*плича*) - совок для зерна или муки, *остроя* и *островник* - специально устанавливаемые на поле сучеватые жерди для просушки снопов («Когда жнут в дождь, снопы вешат на острои; остроя, она сучеватая» - д. Толстик).

Хорошую развитость в крае земледельческой традиции демонстрируют также распространенные в говоре названия разных видов семян и стадий

зрелости злаков (*озимовое, зимовое* - предназначенное для посева осенью зерно, *сузелень* - недозрелое, в состоянии восковой спелости зерно: «*Сузелень рожь жнётся - дак ставить полной суслон нельзя; он разопреват*» - Толстик), названия сооружений и предметов, так или иначе связанных с переработкой, хранением зерна (*житенка* - небольшой амбар для хранения зерна, муки, *мякинница* - хранилище для отходов, получаемых при просеивании зерна, *малазея* - большой амбар для хранения зерна).

Зафиксированное в Словаре соликамских говоров богатство лесопромышленной и земледельческой терминологии – красноречивое свидетельство того, что соликамцы в старину активно занимались лесодобычей и хлебопашеством. Для этнографов и фольклористов это еще и знак устроенности и основательности здешнего крестьянского быта, а значит, надежный показатель развитости в крае собственной обрядовой традиции, по которой в прошлом и строилась жизнь. В предлагаемом читателю сборнике дано полное описание календарной обрядности в районе, приводятся реконструкции таких семейных традиций, как свадебный и похоронный обряд, обряд проводов в армию. В нем подробно представлены такие аспекты народной магической традиции, как демонология и колдовство, народная медицина. В сборнике публикуются образцы таких жанров соликамского фольклора, как обрядовая лирика, былички, заговоры, лирическая песенная поэзия.

Основой описания народной духовной культуры стали оригинальные рассказы жителей края; составители стремились отразить в публикации особенности соликамской живой речи: её синтаксический строй, специфическую местную лексику и фразеологию (в конце книги дан список основных информантов, от которых получен использованный в книге фольклорно-этнографический и языковой материал). Для удобства читателей в конце сборника приведен также краткий справочный словарь использованных в тексте книги местных слов и выражений.

С добром и уважением!

Жить на земле предков. Что может быть желаннее и ответственнее? Родина, дом, отец и мать. Простые слова и сложные чувства. Лёгкое пренебрежение, недопонимание в молодые годы и щемящая грусть по утраченному в зрелые.

Земля наших отцов. Она крепка корнями поколений, просолена потом. Благодаря их трудам, мы выросли и окрепли. Благодаря их стараниям, мы имеем возможность двигаться дальше, работать, жить и... И возвращаться назад, туда, где нас ждут и любят.

Наша земля. Она крепка памятью поколений, знанием истории рода, города, края. И сегодня уже мы, каждый из нас, должны помнить о тех, кто имел смелость следовать своему сердцу и интуиции, кто ставил невыполнимые задачи и решал их, кто писал историю.

Земля наших детей. Она создаётся нашими трудами. И только так. И пусть нам хватит сил. А наградой станет память сыновей.

С уважением,

Ростям САБИРОВ,
главный инженер
ОАО «Сильвинит»,
депутат Законодательного
Собрания Пермской области

Соль земли камской.

«Отчизна? Что выше тебя, что дороже? Кровь? Но кровь нет без Отчизны. Любовь? Но разве любовь к близкому человеку способна заменить и вытеснить любовь к Отчизне? Прекрасные порывы души? Но кому их посвящать, как не Отчизне. Родина-Мать, ты одна, только ты одна способна овладеть всем сердцем, всей душой гражданина, любящего тебя, готового умереть за тебя». Эти строки, написанные в далекие 70-е годы, не потеряли для меня актуальности и сейчас. Память о достижениях наших предков, любовь к прошлому и настоящему нашей Родины, уважение к доблестному труду наших ветеранов. Из этого складывается понятие Родины.

«Соль земли», - так говорят о людях, чей трудовой вклад в развитие Прикамья и всей страны стал сутью их жизни. «Соль земли», - так говорят о жителях земли соликамской, талантливых в песне, игре, выдумке.

С уважением,

Ирина КОШКИНА,

Ректор ГОУ ВПО

«Соликамский государственный педагогический институт»,

кандидат педагогических наук,

доцент, обладатель почетной медали

The International Award

«UNITED EUROPE»

• Глава I • КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Календарные праздники и обряды - это исторически сложившаяся система членения годового времени, которая составляет одну из основ всей традиционной культуры¹. Народный календарь организует хозяйственную деятельность, многие стороны бытовой жизни крестьянина; к датам народного календаря приурочиваются многие семейные ритуалы, гуляния молодежи, с календарем также связан и обширный пласт традиционного фольклорного репертуара.

Счёт и представление о времени в народной культуре несколько отличаются от нашего современного его восприятия. Основой народного календаря в русской традиции, его структурообразующим элементом стал церковный православный календарь. Именно к праздникам и почитаемым дням, дням святым приурочивались многие народные традиции. В то же время календарные праздники и обряды - это система, формирование которой своими корнями уходит в глубокое прошлое. В календарной обрядности русского населения Прикамья в конце XIX - первой половине XX вв. мы видим напластования различных исторических периодов. Это и следы древнего культа предков, аграрной магии, общинные традиции почитания местных праздников, православные ритуалы. Все эти элементы к нашим дням тесно переплелись между собой. Этот целостный феномен, связанный и с магическим, и с природно-хозяйственным осмыслением времени, мы и называем народным календарем.

• Время как феномен традиционной культуры •

Представление о времени складывается на основе нескольких циклов: суточного, недельного, месячного, годового. Одной из временных категорий в народной культуре был также век как срок человеческой жизни. В течение дня, недели, года одно время считалось «хорошим», благоприятным, другое, наоборот, «плохим». Материалы Соликамского района показывают, что в суточном цикле к «плохому» времени в старину обычно относили полночь. Так «плохим» в селе Половодово считали период от полночи до двух часов ночи. Старые люди говорили, что именно в это время человек остается без ангела-хранителя: «У каждого человека есть свой ангел-хранитель. В

¹ С.М. Толстая. Полесский народный календарь. Москва, 2005, с. 9.

двенадцать часов ангел-хранитель летит к Господу Богу и докладывает про все дела. И поэтому с двенадцати до двух часов ночи нечистая сила шибко на человека нападает» (с. Половодово, зап. от М.М. Мазуниной, 1921 г.р.). В категорию «плохих» («сердитых») попадали и отдельные праздники и праздничные циклы, на которые, как правило, распространялись запреты на работу. К таковым в соликамской традиции можно отнести Конанов и Ильин день (18 марта, 2 августа; здесь и далее даты приведены по новому стилю), а также Благовещение (7 апреля). «Плохим» считался и високосный год: «Високосный год, он бывает на скотину: скот падает; на людей бывает - люди умирают, болеют» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Некоторые временные периоды наделялись статусом переходности. Прежде всего это время летнего и зимнего солнцестояния. Для обозначения времени летнего солнцестояния в Соликамском районе пользовались термином *межённые дни*: «Межённые дни - дак это самые долгие дни, в июне, юле; когда дни-те будут прибывать да убывать да, на межах-ту, туда и сюда - меженные дни» (д. Толстик).

Организация времени, времяпрепровождение крестьянина зависели от сезона и типа хозяйственных работ. В зимнее время принято было сумерничать: «Сумерничали. Как не сумерничали, ночь годовалая, перед печкой сидят, прядут девки. Огонь пока рано зажигать, а уже темно, отдыхать лягут. Если «ночь годовалая» - длинна очень ночь, её пока скороташь» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.); «Раньше сумерничали стары-те старики. Жалко керосин. Вечером полежат» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

В летнее время труд был более напряженным. Для обозначения временных промежутков использовали, например, термин *уповод* - рабочее время, равное только половине дня с утра до обеда или с обеда до вечера: «Я только один уповод сёдни проробила» (с. Касиб); «С утра до обеда уповод прожала» (д. Володино). Слово *уповод* (отрезок в 2-3 часа) обычно связывают со словом *повод* - изначально так называли срок от одного кормления лошади до другого. При полевых работах, особенно во время сенокоса и жатвы, принято было обедать в поле, *паужнать*. Термин *паужна* в говорах Прикамья используется в разных значениях. В Соликамском районе он известен и как название обеда, и как название приема пищи между обедом и ужином в поле. В селе Верхнее Мошево и д. Тетерина известно и обозначение приема пищи между завтраком и обедом или между обедом и ужином - *маленькая паужна*. Обедали в поле лишь до Семенова дня (14 сентября),

считалось, что после этого световой день становится короток, и можно работать без обеда. Повсеместно с Семеновым днем связывалась поговорка «Сенька паужну украл».

В крестьянском быту не требовалось четкого определения времени, особенно в суточном цикле, поэтому до появления в деревнях первых часов-«ходиков», а также при полевых работах часто прибегали к старинным дедовским способам измерения времени. О способах определения времени в течение суток в народной среде бытует множество рассказов. Начало дня обычно связывали с пением петухов: «Утром вставали - петухи будили. Петух запоёт, и пора вставать» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.); «Петух пропоёт, надо просыпаться, вставать. Петухи пели, видать, по часам. Несколько раз, понятно, и вечером поют, некоторый дурак и вечером поёт» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.); «Знали уже люди время, если я в семь встаю всегда, я и без часов встану. Это уже привычка, первый петух пропоет - шесть часов» (с. Касиб); «Вставали, петухи были, запоят дак, петух в пять-шесть часов поёт. Раньше ведь рано вставали, не спали долго-то. Он утром поёт. Счас уж это всё забыто» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичкова, 1928 г.р.). Распространенным способом измерения времени днем были наблюдения за тенью: «Летом возмёшь, по своей тени пройдёшь, да и всё. Когда солнышко в зените, так тень коротенька. Когда солнышко за горизонт пойдёт, тень длинна получается» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.); «На солнышко встаешь и считаешь тень шагами. Сколько шагов, столько и часов, это и часы» (с. Касиб). В других случаях измеряли тень от соломинки: «Соломинку отломают, вот по этому пальцу [по большому] миряли её. Я счас пашу, да ещё миряю когды. Так на солнышко поставишь - будет тень, по этой тени и смотришь, сколько время» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

За основу расчета времени в годичном цикле использовались церковные святцы. Кроме устного и книжного календаря, в народной традиции бытовали и особые, изобразительные формы календаря. В посёлке Сим у старообрядцев этнографами был зафиксирован деревянный резной календарь, исполненный в форме шестигранного бруска¹. По его граням будние дни отмечались простыми линиями, а праздники - крестами. Изобразительный календарь бытовал в деревне Лызиб, в нем месячные циклы были нанесе-

¹ Г.Н. Чагин. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX в. Пермь. 1993, с.63.

ны красками разных цветов по всей длине матицы¹. В прошлом подобные календари имели широкое бытование у русских, особенно в северных территориях². Кроме циклических календарей, известна традиция ведения и составления линейных календарей, в которых фиксировались исторические события, заносились сведения о погоде. Во время полевых исследований в Соликамском районе был обнаружен вариант такого календаря, представляющий особый интерес для изучения местной календарной традиции и народного счета времени.

• ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ •

Праздники и обряды Великого поста

Календарным сроком начала весны у русских Среднего Урала считалась Пасха, собственно весенним признавалось время с Пасхи до Троицы или Троицкого Заговенья³. Однако уже во многих обрядах, приуроченных к празднованию Масленицы и особо почитаемых дней Великого поста, прослеживается весенняя символика. Среди праздников, сроки которых, как правило, приходились на время Великого поста, особо выделяются Конанов день (18 марта) и Благовещение (7 апреля). В научно-исследовательской литературе этот цикл праздников принято называть ранневесенней обрядностью⁴. Многочисленные предписания и запреты на работу в эти праздники связываются с негативными представлениями о ранней весне, которые характерны для славянской культуры в целом⁵, а с другой, со стремлением обеспечить благополучие на предстоящий земледельческий сезон, что наглядно прослеживается в представлениях и ритуалах Конанова дня.

• Конанов день

День святого мученика Конона градара (18 марта) почитался русскими

¹ Г.Н. Чагин. Указ. раб., с. 64.

² С. Жегалова. Деревянный «справочник» // Советский музей. 1985 №4, с. 33-37; О.Г. Баранова Русские деревянные календари в собрании РЭМ // ЖС. 1998 №3. с. 25-28.

³ А.В. Черных. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. Пермь. 2002., с. 260.

⁴ Т.А. Агапкина. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. Москва, 2002. с. 5.

⁵ Т.А. Агапкина. Указ. раб., с. 33.

Соликамского района особо. В других районах Прикамья столь развернутого почитания праздника нами не отмечается, хотя о нем знали в Юрлинском, Чердынском и других северных районах¹. День святого мученика известен в районе под разными названиями: **Конан**, **Конан день**, **Конанов день**, **Конанов день**, **Конана града**, **Конна награда**, **Коннаграда**, **Коны грады**, **Конноградов день**. В народной этимологии по-своему обыгрывалось название святого, использованное для номинации праздника. Созвучие названия праздника словам «конь» и «град» объясняет ритуалы и поверья, соотносимые народной традицией с праздником. Считается, что святой мученик Конон градарь родился в Назарете, жил в городе Мандоне, где занимался огородничеством. Он был богобоязненным человеком, добрым, простосердечным, незлобивым, но пострадал за веру в Христа. Когда его привели на суд, он непоколебимо и твердо исповедал свою веру. Мучители вбили ему в ноги гвозди и гнали перед колесницей.

В народе Конан считался одним из покровителей коней, поэтому во многих деревнях Соликамского района к этому времени приурочивали освящение коней. Большое освящение коней у часовни совершали в Нижнем Мошеве, где Конанов день считался престольным праздником: «В Нижнее Мошево ездили коней святить на Коныграды, там у часовни служили» (д. Зуева). В селе Вильва освящение коней на праздник совершал каждый хозяин во дворе дома: «На Кононов день лошадь свою водят на улицу, водой польют. Каждый хозяин сам это делает» (с. Вильва, зап. от Е.Я. Баяндиной, 1913 г.р.); «Конанов день, я слышал, лошадей кропили. Приведут к воде, к луже, напоят её, а потом брызнут, и всё» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.).

С Конановым днем связывались многочисленные запреты на выполнение в этот день определенных видов работ и действий. Запреты вводились, чтобы защитить себя и скот от грозы и града: «Конону граду, чтоб Господь батюшка спас от грому и граду» (с. Касиб). «В этот день мать, она уже совсем старая была, сказала: «Не работайте в Конанов день. В Конанов день ни стучать, ничего нельзя. Колоть дрова нельзя» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.); «Скота держали. Скоту, грит, вилами нельзя давать. Вот гром, грит, идёт, скот на поле ходит, дак вот из-за этого» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс); «Коны грады, гово-

¹ А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX - XX в.: Материалы и исследования. Кудымкар, 2003, с. 268-269.

рят, стукать нельзя, резать нельзя. Дескать, пушше гремит, если чё делаешь» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Вот в Конаградов день ничего не стучали, чтобы летом града не было большого» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). Одним из запретов, связанных с этим днем, был запрет на употребление пищи: «Бабушка не ела и не пила в этот день» (с. Касиб); «На Конан-града мать с свекровкой всё у нас. Вечером поест поздно, утром встанет и целый день не ест. Конана-града, 18 марта, не ела» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р.). Нарушение запрета могло повлечь и наказание грозой: «Ездила я к свёкру и свекрови. Мужчина там колет дрова, как раз в этот Кононов день. Я ему ещё и сказала: «Ты чё сёдня, Андрей, колешь дрова-то, вроде праздник?» - «Да некогда». Ну и ладно. И потом, говорит, мы уехали на покос летом, с покоса приезжаем, гроза была. И у них, говорит, раму вынесло. Одна же рама летом. Вынесло раму. И вот столько воды прямо на самом полу было» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.).

• Благовещение

Благовещение (7 апреля) считалось одним из самых больших годовых праздников: «Благовешенье ведь праздник всех больше праздников» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.); «Благовещение мама у нас почему-то великим праздником считала. Такой большой праздник считался» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.). На Благовещение распространялись строгие запреты на любую работу в этот день: «Ничё не давали делать нам старухи» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Никто уж палеч о палеч не колонёт в этот день» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). Повсеместно с Благовещеньем связывалась поговорка: «Птичка гнёздышко не вьёт, красна девица косу не плетет»; «Дескать, птица гнёзды не вьёт, и девка косы не плетёт» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

Пасхальные праздники

Великий пост завершался пасхальными праздниками. К циклу пасхальных примыкают Вербное воскресенье и Великий четверг. Последняя неделя перед Пасхой - Страстная (или Страшная) - наполнялась подготовкой к одному из главных годовых праздников: «К Пасхе вообще всё мыли: стены, потолки. Всё песком продраят, берёстовым вехтем. Это всё в Страшную не-

делю делают - неделя перед Пасхой. Всё делают - четверг, пятница, суббота, всё делают» (с. Касиб).

• Вербное воскресенье

Вербным воскресеньем повсеместно у русских¹, в том числе и в Прикамье², называли праздник Вход Господень в Иерусалим. Разнообразные действия совершали в этот день с веточками вербы: «Вербу приносили, на неё цветочки делали. У нас вот такая божница была, как полочка, наискосок так в переднем углу, туда ставили» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.); «Вербно, в церковь ходят, вербу принесут, цветочки сделают, свята вода есть, поновишь её, вербу» (с. Касиб). Вербные ветки с Вербного воскресенья в дальнейшем использовались в ритуале первого выгона скота. Наиболее интересные сведения о предписаниях, связанных с тем, как идти за вербой и для чего необходимо хранить её в доме, получены в деревне Лызиб: «Чтобы скот водился, в Вербное воскресенье бегали до солнышка за вербой, потом корову-то выгонять будешь, вербу-то вкидывашь, чтобы скотина была хороша. Вербу-то мужик приносил, баба не ходит, до солнышка всё, за солнцем-то нельзя. Вербу с цветочком каким-нибудь ставили за матицу, чтоб враг не шёл. Вербу-то можно и в хлев, вереск нельзя только там держать» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). «Вербно, тоже не стирайся, ничё не делай. Ходили по вербу. У меня на божнице вон стоит. Вербу-то, умрёт, говорят, человек, надо-де класть в ноги вербу-то» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс).

• Великий четверг

По количеству магических действий, приуроченных к этому дню, Великий четверг занимает особое место в пасхальной обрядности русских. Основное содержание ритуалов Великого четверга - обеспечение благополучия на предстоящий период. Это позволило этнографам утверждать, что именно с этим днем в прошлом у восточнославянских народов связывалось начало нового года³.

Одну из основных групп действий Великого четверга составляют ритуальные действия животноводческой магии, значительно доминирующие в

¹ В.К. Соколова. Весенне-летние календарные праздники и обряды русских, украинцев, белорусов. Москва, 1979, с. 97-98.

² И.А. Подюков. Круговорот жизни: Народный календарь Прикамья. Пермь. 2001, с. 36-37.

³ Д.К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Пг, 1916. Вып. 1, с. 222.

комплексе четверговой обрядности жителей Соликамского района. Рано утром, до солнышка, шли в хлев и смотрели, в какую сторону головой лежит скот. По этим наблюдениям определяли благополучие будущего года: «На Великий четверг на двор сходишь, смотришь, куда головой скотина лежит. Это раньше было, а сейчас чего? Она чтобы на север не лежала. Там какие-то запуки были, не помню я. Нам токо мать всё наказывала: «Ну-ко, посмотрите, куды легла корова-то». Вечером придёт, спросит у нас, где она лежала» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.); «В Великий Четверг как скотина в хлеву лежит, так и жить будешь: если на солнышко головой - жить будешь, если против - скоро умрешь» (д. Никино); «Вот ещё смотрели, как скотина во дворе лежит: на север головой, так год звериный будет, может корову медведь задрать, а на юг, так всё хорошо будет» (с. Вильва, зап. от Н.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Смотришь, куда она лежит: если на север - зверёзный год будет, зверей много, на юг - рыбный» (с. Касиб). Также высматривали, будет ли жив скот во время пастбищного сезона: «Ещё ко свиньям ходишь, смотришь, в какую сторону они лежат, должны лежать на солнышко мордой, тогда это хорошо, до осени доживёт» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.). Какой скот погибнет летом или будет задран «зверьем», также определяли в деревне Лызиб при помощи гадания: «Ещё со скотиной ходили. Вот глаза завяжешь и идёшь на двор, имашь скотину-то. Знаешь, сколько медведь убивал, по две, по три коровы-то, по две лошади, оно лишко ведь было. А у меня бабушка староверка была, дак у неё никто не убивал. Она на Великий четверг ночью сходит, завяжет глаза, хватат скотину-то и говорит. Ежели она поймает скотину, значит, уже в году-то скотинку всё равно кто-нибудь да убьёт, так надо сделать, чтобы скотину не поймать. А всё равно, каку поймашь, ту медведь убьёт. Поймает, глаза-то развяжет, посмотрит, каку убьёт-то. Ещё ведь хлебом тут, жевакотиной кормили. Раньше вот такие нарушники были, пекли хлебушко на сочнях, большие такие сделашь, квашёнку на их накладёшь с яйцом, так и садишь в печь на пол-то. Метлой заметёшь пол-от, посадишь. Ну, и вот этот нарушничек берёт, идёт имать-то, и пока чавку не перечавкает, не поймает. А как поймает: «Это уже не наша скотина». Всех перекармит, животина-то чавку-то берёт, а котора скотина на убуйство, та хлеб-то не берёт, чавку-то эту. Тогда уже знают, на убой скотина-то» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

Чтобы сохранить скот в пастбищный сезон, прибегали к следующим действиям: «Тесто делали сдобное, на этом сдобном тесте стряпали мед-

ведя, чтобы он не ходил, коров наших не давил, просили его. Стряпали это на Великий четверг и носили всё в лес, медведя большого настряпашь и тащишь его, там поставишь его на елочку или на берёзку и говори: «Не трогай нашу скотину, медведь, ты, медведь, медведя жри. Три еминь». Это утром тоже до солнышка относили» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Чтобы коршун или другие птицы «не таскали» куриц, в Великий четверг поступали следующим образом: «Чтобы коршун куриц не ел, и филин, он хорошо куриц-то носит, вот утром завяжешь петуху глаза, отпустишь его, он походит, походит, ему некуда деваться, падет и лежит, как медведь» (д. Лызиб зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.); «Две тынины ещё крест-накрест обвязывали соломой, чтобы ястреб цыплят не таскал» (д. Камень); «Коршуну глаза вязали на Велик четверг: это чтобы куры в огороды не ходили. Кур-то держали, вот огороды-то и завязывали» (д. Лызиб).

Особой сакральностью наделялись хлеб и соль Великого четверга, почитание которых известно в Соликамском районе повсеместно. Хлеб и соль наделялись способностью защитить от болезней и сглаза и широко применялись в животноводческой магии, в ритуалах первого выгона скота, лечении болезней: «А хлеб и соль в Великий четверг до захода солнца надо положить. А потом солью и этим куском хлеба скотину первый раз провожаешь. Солью скотину посыпать, а хлеб размочить и ей скормить. Верили тут люди, что сглаз бывает» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.); «Это свекровушка ложила накануне богушку, к иконе соль положит да хлебушко. Неделя пройдет, она скоту скормит» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс); «На Великий четверг всегда ставили соль. Хлеб клали тоже на канун этого. Он лежит целый год. А потом уже кто куда, кто скоту раскрошит, он уже высыхает. Хлебушко, скотина если заболит или чтобы человека не изурочили, или скотину не изурочили, вот этой четверожной, так и называется, солью всегда посыпали. Бросят крупиночку, чтоб не изурочился человек или скотина. И хлебушко уже скотинушке скормишь, там корове или кому отдашь. Целый год лежит» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Соль на Великий четверг в посуде положим, хлебушка кусочек. Скотинку надо посолить, чтобы не урочилась. Корова отелится, соли посолишь на кусочек, и ей скормишь. Не нами заведёно, что надо, то делаешь. Или на волю будешь выпускать, скормишь» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931 г.р., родом из д. Зуева).

Для обеспечения «успеха» в животноводстве прибегали и к таким действиям: «Собирали три навоза в горсть - брали со двора у одиноких женщин

и ложили их в гнёздышко, чтобы скотинушка велась» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.); «На четверг-то вереск домой приносили, им опять, как первый раз вот скотину выпускать, погоняешь» (с. Вильва зап. от А.Н. Мальцевой); «Чтобы скот имелся, до солнышка ещё бегали за вереском в лес» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). В других районах Прикамья мотивировка принесенного вереса выглядит иначе, он, как правило, не связывался с животноводческой магией, а служил оберегом жилища и хозяйственных построек¹. Ветками вербы с Вербного воскресенья в Великий четверг хлестали овец: «Овечек хлещешь имя. Хлещешь, по-моему, в Великой четверг. В этот Четверг утром рано встаешь, вербу берешь и овечек хлещешь. Чтобы овцы жили и никуда не отбегали. Ведь терялись раньше. Я дак хлестывала» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.). К Великому четвергу также приурочивали подрезание хвостов у коров: «Вот ещё коровам хвост подрезали в четверг-то до комля, это чтобы молоко потом «не срезать» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

На магии подобия была основана символическая «уборка» огородных культур: «Ещё в Велик четверг-то ходили все убирали из огорода и говорили, это чтобы всё хорошо в огороде велось, вот ходили, всё щупали, перебирали, там картоф, морковь, чего есть» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Особыми свойствами наделялась и четверговая зола, которой посыпали капусту и овощи в огороде, чтобы их не ела мошка и черви: «Золу выгребают из печи в этот день, помогает в огороде, ее хранят» (с. Касиб).

Среди ритуалов, направленных на обеспечение общего благополучия в доме, самым распространенным является счет денег: «Надо деньги три раза пересчитать, чтоб велись» (с. Касиб); «Чтобы деньги водились, на Велик четверг их считали, там перевернут денежку с одной стороны на другую, или в одну сторону считаешь, из руки в руку, потом обратно считаешь, и обязательно «Отче наш» читать надо» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Чтобы «велась» новая одежда, её также следовало три раза перетряхнуть и пересчитать: «Всю одежду новую три раза пересчитаешь, одёжа чтоб велась» (с. Касиб). К подобным действиям для благополучия следует, видимо, отнести информацию из села Касиб: «Ещё ходили в три расадника, чтобы в доме не было ни снохи, ни старухи, а только молодухи»

¹ И.А. Подюков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усольские древности: Традиционная культура русских конца XIX - XX вв.: Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX - XX вв. Усолье, 2004, с. 162.

(с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

Среди ритуальных действий Великого четверга выделяется перебрасывание через дом пасхального яйца, «чтобы жить лучше было» (д. Лызиб). Из сообщения, правда, непонятно, используют при этом прошлогоднее яйцо или яйцо «нынешнего» года: «Ещё на Велик четверг, утром встаёшь, ещё солнышко не было, через дом перекидываешь яйцо, чтобы жить лучше было, веселее, чтобы скот водился, чтоб болезнь не была никакая, надо перекидывать через дом. Встанешь и кидаешь, чтобы всё перелетело и дом не задело, крышу-то. Заденет если, ничего не выйдет, а не заденет, хорошо пролетит, значит, болеть не будешь. Чтоб болезней-то не было, от болезней говоришь, всего семь букв, скажешь, и всё, и бросай скорей. За каждой буквой слово, вот и получается молитва-то из семи слов. Все перекидашь, если задевать крышу-то будешь – весь год будешь болеть, а если не заденешь – болеть-то не будешь. Первое слово молитвы на «З» было» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

Великий четверг был одним из дней подготовки к празднику Пасхи. Именно к этому дню приурочивалась уборка и мытье домов. Одно из названий этого дня - Чистый четверг - напрямую связывали с обычаями наведения чистоты: «В Чистый четверг уже к Пасхе моешь в избе всё, потолки, кругом всё моешь. Вот и Чистый четверг» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой); «На Великий четверг, он как Чистым ещё считался, мыли больше. К Пасхе моют избы, для этого бересту надирают. Тонко надирают на полосочки и клубочком сматывают её, и клубок до того износится, потом таким останется, в печку его. Снег приносили, больше зернистый, несвежий, от земли ближе, снегом терли. И потом ещё гороховой соломой. И щёлок делали, золу заваривали» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.); «В Великий четверг, кто понимает, дак в избах моют, баню топят, везде все моют, стираются» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р.). В некоторых случаях мыть избы на Великий четверг собирались помочью: «В Великий Четверг из соломы делали вехти, ими мыли пол и потолки в доме, чтоб чисто было. Кирпич толкли, им и мыли, скребли всё, золой ещё мыли. Три-четыре человека мыли, соседи у нас моют, потом в другой дом переходят. Козлы ещё делают, потолки-то высоки, не достанешь враз, вот козлы и переносят из дома в дом» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.). Уборку на Великий четверг проводили и с магической целью - чтобы в домах не было клопов и тараканов, мышей и крыс: «Всяки были старухи. Кто опять на Великий четверг в избах мыли, чтобы клопов не имелось, тараканов не было, никого»

(д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Гнус из голбца выносишь, чтоб мышей, крыс не было» (с. Касиб). От тараканов избавлялись и другим способом: «Тараканов в Великий четверг в коробочку и хоронить на речку уносят, перво-то кипятком ошпарят, иных живых унесут и так по речке отправят, они и уйдут» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

Схожие комплексы четверговой обрядности были характерны и для других районов Прикамья¹. Традиции Великого четверга в Соликамском районе на фоне других районов Прикамья характеризуются меньшей вариативностью и относительно слабой развитостью комплексов, связанных с охотой, рыболовством, собирательством.

• Пасха

Пасха у русского населения считалась одним из самых почитаемых годовых праздников. Празднование Пасхи обычно растягивалось на всю пасхальную неделю. Важное место в праздновании занимали церковные службы: «На Пасху шибко молились. Светлый праздник» (с. Городище, зап. от Е.И. Поповой, 1915 г.р., родом из д. Бакалдиha); «Вот на Пасху-то всю ночь не спят, всю ночь с вечера Богу молятся. Всю ночь поп водит вокруг церкви, где остановится, если там трава, её вырывать, эту траву-то, тащишь домой потом да и в ботинки, в сапоги кладёшь, чтобы ноги не болели. Мы ходили, останавливались семь раз у церкви, с девяти часов и до пяти часов утра, всё ходили. Придёшь, тогда стряпать начинаешь, колокол как сбрыкат, значит, уже подъем, а ещё, верно, колокол-то сбрыкат, чтобы домой сходить, так придёшь к девяти часам-то, потом ещё раз к обидне сходишь. Старики да старухи которые, они и остаются стряпать, а молодёжь-то в церкву идут. Как настряпают, тогда ещё в церкву принесут еду-то. Пирог рыбный тут, мясной ещё, картовные наливники стряпали, и из проса, пшено-то - это так просо называли раньше, тоже шаньги стряпали. Сваришь тут его, наверх сочня положишь, как картовные равно что» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

¹ См: А.В. Черных. Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области. Пермь, 2003, с. 13-17; И.А. Подюков Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району. Пермь, 2003, с. 31; И.А. Подюков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усольские древности: Традиционная культура русских конца XIX - XX вв.: Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX - XX вв. Усолье, 2004, с. 162-164.

Праздничный пасхальный стол всегда отличался обильной стряпней. «Пасху встречали - готовили. Пекли какие-то хворосты, на молочном, на сдобном. Просто толстенькие, как сочни» (с. Касиб, зап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р., родом из д. Уловки); «Покойна мама напекёт блинов, шанег» (п. Тюлькино). Праздничный досуг дополнялся гостеванием у родственников и знакомых: «Сейчас Паска - Паска. Раньше отмечали - Ой, Христова Паска! Бражки сделают да пируют, ходят. Сёдня я у тебя посидела, завтра к другим, вот и ходим по деревне» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс).

В некоторых деревнях на Пасху принято было украшать дома соломенными шарами: «На Пасху соломенные шары ещё делали, их дома весили. Раньше у нас какие-то кержаки были, верующие. Оне на нитку солому делают, как шаром. Дак они из соломы граничатые получаются. Я сама видела, но не делала. К матнице гвоздь прибьют и вешают» (с. Касиб).

Символом пасхальных праздников было крашеное пасхальное яйцо. Обычно яйца красили накануне праздника, в субботу. Самым распространенным был способ окрашивания яиц в отваре луковой шелухи: «Кто какой краской, но обычно красной - в луковой шелухе. Лук переберем, в кастрюльку положим шелуху, водой зальем. Вскипит, яички туда. Потом кушай» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Яички красили луковым пером, и голубеньким тоже сделаешь, синькой-то. На божничку яйцо клали. Там и хранили. Потом в горшочек глиняный складывали, хранили дак» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.). Для получения зеленого цвета использовали и отвар из березовых листьев: «От виника листьями красили» (с. Вильва). Иногда на яйцах писали «Иисус Христос». В деревне Бельская отмечали, что к Пасхе всегда оставляли яйцо, снесенное курицей весной этого года первым: «Вот первое яйцо принесет курица, его метили и оставляли на Пасху» (д. Бельская, зап. от А.Г. Пантелеевой, 1924 г.р.).

Одно пасхальное яйцо, как правило, клали на божничку: «Ложили на божничку, оно всё лежало, лет десять-двадцать лежит, потом убирали. Кладёшь в горшочек, криночки такие, там и хранили. Криночки ставишь на повить» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.); «От Пасхи до Пасхи лежит. Эти яички убираешь, за иконой лежат. Опять снова кладёшь» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р.). По поверью, пасхальные яйца обладали способностью отводить и тушить пожар: «А я слыхала, их копят всё-ко, если случай пожар, бросают яички эти на пожар, и пожар утихает» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.); «Где пожар, в то время спасают эти

яички, кидаешь дак, где пламя, туда бросаешь. Эти яички не выкидываем. Год пролежат они около иконки у богושки, потом спускаем в подвал. Там оно как отдельно. На повити, там сено, где что» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931 г.р., родом из д. Зуева); «Но вот пожары были, бросали в сторону, где не горит, немножко отставал пожар. Пока горел дом, там одна баба принесла из дому, яички лежали в божничке. Она три яичка приносила, бросила на пожар. Пожар ушёл в сторону, где не горит» (п. Тюлькино, зап. от А.П. Поповой, 1920 г.р.); «Их накопишь, накопишь. Где горит пожар, эти яички кидашь, и тогда гореть не будет, да. Вот у нас горело. И весь прямо сюда этот огонь. Ой!.. Бежат мужики. Я говорю: «Нате яички, в огонь кидайте». Они уж у меня года три-четыре, старые уж яички были». - «Да не потушим». Я говорю: «Кидайте». Стали кидать. Этот дым и ветер пошел на поле. А то бы вся деревня сгорела» (с. Касиб, зап. от А.И. Жулановой, 1924 г.р., родом из д. Мыс). Повсеместно был распространен обычай христосоваться - обмениваться пасхальными яйцами и произносить пасхальное приветствие: «Обязательно христосовались. Вот идёт человек, навстречу попадёт, это уже обязательно похристосуешься с яичком, всё, выдавали» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). Крашенные яйца ребятишки приносили и к качелям: «В платочек на Пасху завяжешь яичко и бежишь на качулю – хвастаешься. Чё, ведь похвастаться надо маленьким-то. Там его и съедали» (д. Лызиб).

Главным детским и молодежным развлечением на Пасху и Пасхальную неделю были качели. Качели устраивали как на деревенских угорах, площадях, так и на гумнах и повитях: «Девки на повитях соберутся, песни поют» (с. Городище, зап. от Е.И. Поповой, 1915 г.р., родом из д. Бакалдиha); «Качули вешали раньше, качались. Из верёвок повешают на перекладины, доску эдак положат большую, и человек пять сидут на доску, на конца станут. Когда-то на козлах, когда-то на повитях вовсе. Но у нас тут в Столбовке козла были высокушши, раскачаться, дак вовсе тут душа у нас вылетала» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.); «На цепи качели делали. Доску длинную ложат, на качули качаются. Двое на ногах с той стороны, с другой стороны, а посередине так садятся, песни поют да» (с. Вильва, зап. от Н.В. Габовой, 1928 г.р.); «Взвоз на повитях был – повитник, везде качели делали, где гумна были. За Касибом гумна, туда бегали. Потом, когда церковь закрыли, у церкви стали качели делать. У Бельских такая качель была высокушая, туда ходили качаться» (с. Касиб); «Это испокон веков эти качули были. Четыре столба, метров по десять, по двенадцать в высоту. Вот так

их поставят в яму и через метров пять-шесть второй такой же поставят - четыре. И перекладину поставят толстую такую из леса. Это мужики перед войной делали, а в войну уж нет. В колхозе цепей было много. Потому что воза возили - сено, солома, а задавлять-то воза надо чем-то. Вот они, значит, цепи нам дадут, пять цепей, и ребята залазят туды вверх, высоко, и качулю сделают из цепей, из пяти цепей делают качулю. Цепи тонкие были, с колечками, блестящие. Вот и качались, доску большушшу возьмут и качаются. Человек десять, восемь сядут» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

В некоторых деревнях качаться на качелях начинали только с понедельника Пасхальной недели, а не в сам праздник, в воскресенье, что считалось «греховным». Нарушение запрета могло повлечь за собой и определенное наказание: «На качулях катались. В Зуевой у нас весилась качуля дак, весело было. В саму-то Пасху вообще-то, люди-те говорили, конечно, грех. А мы молодёжь были, мы ничё не понимали, всё равно качались. Паска есть Паска, соблюдать надо, грех качаться. А ничё, по-хорошему обходилось» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931 г.р., родом из д. Зуева); «В первый день Пасхи нельзя качаться. Это строго запрещалось, нельзя, потому что в первый день Паски будешь качаться на досках, это уже мама рассказывала, что вот этими досками, концами, ты Христа распинаешь. А уж там всю неделю качайся, можешь день и ночь качаться, с качели не слезать. Но первый день очень запрещали качаться. В Пасху Бог наказал, случай был. Это был сорок четвертый год. А качелю вешали всегда, там у нас за Вильву идти, очень высокая гора, на той горе делали козла. Специально козла делают, и на цепях вешали качелю. Девушка была, Анна, она в самую Паску: «Пойдём да пойдём». Мы с ней очень дружили. Мама мне говорит: «Ой, токо, ради Бога, я тебя прошу, не ходи на качелю, не качайся. В первый день нельзя, Христа распинаете». Пришла я к ней. «Пойдём, на качелю сбегам». - «Не, я не буду. Ты иди, а я за тебя подежурю». Я не пошла. Она ушла. Прошло чё-то часа два-три. Вот церковь-то стоит. А чё же это, подле церковь-то, ограду кто-то ползет. Она на четвереньках ползёт, вся в грязи. Сели десять человек на эту доску, раскачались ребята сколько могли, там выше козел выбрасывало, и цепи-то порвались. Кого с горы бросило, кого к доскам, кого по столбам. У одной девчонки дак из роту, из носу, из ушей кровь шла. А её тоже ко столбу в грязь бросило. Она боялась домой-то идти, мать ее заругает. Вот Бог как наказал, раз нельзя в первый день качаться, а они качались, цепь порвалась, и их всех ударило. Мать её подошла ко мне, так

по голове меня гладит и говорит: «Золотая же твоя головушка. Вот почему же ты вот не послушала, ты пошла, она не пошла». Потом домой пошла, матери рассказываю. «Вот так, дочь дорогая, помни всегда, я тебе правду сказала. Вот хорошо, что ты послушала, что ты не пошла. А бог его знает, чтобы бы было...» (с. Вильва, зап. от Пантелеевой, 1925 г.р.). Подобные запреты на качание в первый день Пасхи были известны русским и в других регионах Прикамья¹.

• Радольница

Радольница - пермское название дня поминовения умерших, приходящегося на вторник второй недели, следующей после Пасхи, известного в других регионах как Радуница². В Соликамском районе также известен этот поминальный день: «Радольница после Пасхи, во вторник она бывает» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.). Однако поминовения умерших на кладбище, как это совершается, например, в южных районах Прикамья³, обычно не происходило, ограничивались лишь посещением церкви и поминальной трапезой в доме: «Радольница по всему свету. После Пасхи во вторник Радольница. Яички красили, шаньги пекли. На кладбище на Радольницу не ходили. А снега когды - где-но. Како Велико говинье, долгое Велико говинье, дак ходят кто-то-си, а кто-то не сходят, сыро. У нас кладбище вон где на горе, у нас часто снега, куда пойдёшь, пешком идти надо. Ничё не отмечают так-то» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.); «На Радольницу шаньги стряпали, олади. Поминали» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.).

Весенние праздники от Пасхи до Троицы

• Обычаи и обряды, связанные с половодьем

В цикл весенних обычаев русских Северного Прикамья и Соликамско-

¹ Сайгатка-2003: Календарные праздники и обряды русских Чайковского района Пермской области (конец XIX – первая половина XX в.): Сборник фольклорно-этнографических материалов (сост.: Черных А.В.). Пермь, 2003, с. 19.

² Русские. Москва, 1999, с. 528; Т.Н. Золотова. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Омск, 2002, с. 99-100; В.К. Соколова Весенне-летние календарные праздники и обряды русских, украинцев, белорусов. Москва, 1979, с. 119-123.

³ А.В. Черных. Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области. Пермь, 2003, с. 27-28.

го района входили обычаи, связанные с началом ледостава и половодья. Смотреть, как ломается лёд, как начинается ледостав, ходили всей деревней: «Когда лёд по реке идет, тогда у нас людей собирается на берегу, и кому надо, и не надо. Смотрят» (п. Тюлькино). Во время «большой воды» в деревнях проводили молодежные гуляния - катание на реке в лодках: «Катались по Каме весной, девки песни поют. Выйдем на серёдку Камы, да и пронесёт, к берегу унесёт» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.); «На лодках катались. Здесь Вильва речка называется. Мы весной катались. Черёмуха зацветёт, и ходили, катались на лодке. Из клуба придём, сюда на мост. Там всё зальёт, не знаешь, где берег, где чё. Черёмуха биль-бело цветёт в воде! Просто так вечером катались, песни пели. Вот черёмуха начнёт цвести, вода-то тогда большая сильно, всё заливало, катались» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

Почти повсеместно существовала традиция «дарить реку»: «А первый раз в реке плывёшь, надо деньгу бросить, чтоб не утонуть – подарить Каму» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.); «Когда поедешь на первом пароме, тогда денежку бросали» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

• Егорьев день

Егорьев день (6 мая), известный в некоторых северных районах Прикамья как день первого выгона скота¹, в Соликамском районе, по нашим материалам, никак не был связан с животноводческой обрядностью. Егорьев день известен в местной традиции прежде всего как день сева капустной рассады: «А капусту, рассаду, шестого мая, в Егорьев день сеют, я уж всё шестого мая сажу, как мама сказала, так и я» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

• Первый выгон скота

Ритуалы первого выгона скота, как показывают наши материалы, не были в Соликамском районе столь развернутыми, как в других регионах проживания русских². В основном они сводились к благословению перед выго-

¹ А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX - XX в.: Материалы и исследования. Кудымкар, 2003, с. 223-225; Г.Н. Чагин. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX в. Пермь. 1993, с.105-196.

² Юрлинский край, 2003, Указ раб., с. 223-226.

ном скота: «Со двора выгоним, да пошёл с богушком...» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс); «Со словами выпустим и все. «Господи, благослови, Бог. Иди, скотинушка, на волю, и домой приходи» (с. Касиб). Первый выгон не приурочивали к какому-либо дню, говорили: «Если поспела трава - надо выгонять» (с. Касиб). В некоторых вариантах в первом выгоне скота использовали ветки вербы, припасённые с Вербного воскресенья: «С Богом отправляли. Вербу ставили на Вербно воскресенье, это я слышала, их там затыкали туда во двор. Этой веткой стегали балек» (д. Сорвино, зап. от Е.П. Петуховой, 1931 г.р., А.П. Логиновой, 1932 г.р.). В других случаях скот кормили четверговой солью: «Хлеба кусочек берут. А отрежешь хлеб и этой четверговой солью посолишь» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Первый гром, первое кукование кукушки

В весенней обрядности всегда обращалось внимание на первые признаки пробуждения природы, первые звуки, первые плоды, такие первые природные явления как гром и гроза, и все они связывались с приметами и поверьями. Широко был распространен обычай «кувыркаться» во время первого грома, чтобы во время летних работ не болела спина: «В первый гром раньше переворачивались кувырком» (с. Вильва); «Нас старухи надали: «Девки, идите катайтесь, спины не так болят, переमेкивайтесь». Мы тоже перемекивались на полянке. Что скажут, то и делали» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Перемекиваются, конечно, надо быстрее перемекиваться, первый гром. А вот говорят, что земля стрясётся, должен человек страстись, перевернуться» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). В селе Вильва фиксировали, сколько раз прогремит гром во время первой грозы: «Четыре раза – звериный год, звери будут... Это бабушка у нас, покойница, говорила...» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Особые приметы и поверья связывались с первым кукованием кукушки. Раннее кукование обещало холодный, неурожайный год: «На голый лес кукует, так голодный год будет» (с. Вильва). Примечали, с какой стороны слышали первое кукование: «Если в глаза - плакать весь год будешь, в затылок - умрёшь» (с. Касиб); «В глаза, дак ревить весь год будешь» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.); «В затылок, дак чё-то мало наживёшь - в затылок-то» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс). С началом кукования кукушки связывали наступление теплой погоды, считалось, что с этого времени можно купаться: «Кукушка закукует - можно

купаться» (с. Касиб).

• Обычаи начала сева

Весенний период был наполнен полевыми работами, одними из основных при этом были пахота и сев, посадка огородов. Пахать под яровое обычно начинали по погоде: «Если земля пускает, конь не вязнет - паши, через два-три дня земля на солнышке просохнет, и можно сеять» (с. Касиб, зап. от В.А. Журавлева, 1934 г.р., родом из д. Дубы). Закончить сев зерновых при благоприятной погоде старались к Николину дню (22 мая): «К Миколину дню отсевались» (с. Вильва).

Посеять огородную рассаду также старались к Николину дню: «До Миколина дня надо рассаду посеять» (с. Касиб). Особые обряды известны лишь при посадке капусты: «Капусту садишь - крапиву ставишь, чтобы мошка капусту не ела, говоришь: «Не ешь, мошка, капусту, ешь крапиву» (с. Касиб).

• Вознесение

Праздник Вознесения, приходившийся на сороковой день после Пасхи, связывали с вознесением Иисуса Христа на небеса, в народе считалось, что во время от Пасхи до Вознесения он ходил по земле. В некоторых районах России, Поволжья, на юге Прикамья¹ пекли особое обрядовое печенье - лесенки, чтобы «помочь» Христу забраться на небеса. В традициях Соликамского района с этой же целью стряпали пресные шаньги – кулики, по которым «Иисус Христос на небеса пойдёт». Подробное описание обычая получено в деревне Лызиб: «После Пасхи уже Вознесенев день, тут Христос на небеса пойдёт, тут опять кулики стряпали, мост на небеса-то. Вот кулик-то делают, сочень разделяют, чего надо кладут, картошку ли чё, и так вот по краям зашпиывают, девять зашпиров должно быть, и девять куликов-то сделаешь, сперва так, чтобы один другого меньше, один на другой кладут, они так горочкой и лежат, потом остальные уже делают, а сверху яйца со сметанкой делают, нижние-то всё белышом убирали, желток только со сметанкой наливали наверх. Они такие делались долгонькие, не круглые, а долгонькие. Вот по этим сочням в первую очередь праздник-то тоже и считается. Ещё вот трубочкой свернут сочень-то, а внутрь кашу, крупу-то накладываешь, пшено ли, там

¹ В.К. Соколова. Весенне-летние календарные праздники и обряды русских, украинцев, белорусов. Москва, 1979, с. 184-185; А.В. Черных. Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области. Пермь, 2003, с. 34.

кашу на молоке, на масле, пусто-то не должно быть. А вот ещё косичкой делали, только не вертели, а защипывали по краям сочень очень глубоко, как косичка получалась сверху-то. Этот опять родителям в голову клали, а потом через три дня убирали и кормили ими скота, родителям-то кладёшь, которые умерли, только говоришь: «Вот вам шанежки, родители мои, поминайте меня хорошо, я вас поминаю, вы поминайте меня. Три еминь, три еминь» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

Троицкие праздники

• Семик

Семик, приходящийся на четверг недели перед Троицей и открывавший праздники и обряды троичского цикла, почти повсеместно в Соликамском районе известен как день поминовения умерших. «Семик – это седьмая неделя от Пасхи. Поэтому Семик называется. Приносили с собой на кладбище все, как обычно на обеды делают. Скатерть на могилку стлали, ествы все эти развоят. Обязательно нужны были яйца, но на семик яйца не красили, варёные яйца обязательно. Все поминки начинали с яиц. Яйцо очистят и на четыре части нарежут» (с. Касиб); «А Семик он тоже не в числе бывает. На него ходят на кладбище. Поставят на могилки пироги, кто шаньги, кто чё, и ходят с каждой могилки до другой, кто по своим только. Это раньше всё ходили. А сейчас сам собой со своими этими, к знакомому подойдёшь, и всё» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой); «Семик праздновали. Стряпали разную стряпню. Эту стряпню носили на кладбище. Там на могилку укладывали. Я ходила на кладбище. Раз в год ходили на кладбище. В разное время бывает он» (п. Тюлькино, зап. от А.П. Поповой, 1920 г.р.). Как и на Пасху, на Семик в некоторых традициях было принято красить яйца: «Яички в Семик и Пасху красили луковым пером» (п. Тюлькино, зап. от А.Н. Белкиной, 1930 г.р.). Другим календарным сроком поминовения была Троицкая суббота. В с. Вильва отмечали, что помянуть можно было в Семик, Троицкую субботу, а в последнее время допускается поминовение и в саму Троицу. Тех умерших, кому не отметили годы, на кладбище помянуть было принято обязательно в Семик: «Если первый год лежит, обязательно в Семик идти» (с. Касиб).

• Троица

Троицкая обрядность русских Соликамского района - один из самых раз-

вернутых обрядовых и игровых циклов в годовом круге праздников и обрядов. Праздники Троицкого времени называли в крае круговыми, и едва ли не самое заметное событие этих праздников – вождение молодежью хороводов (кругов).

Главный символ троицких праздников - березка. При всей общности обрядовых действий с березкой на Русском Севере, материалы показывают, что даже в одном из районов Прикамья для этих обрядов характерно разнообразие и вариативность. Некоторые рассказы информаторов достаточно полно передают и обрядовые действия, и эмоциональную атмосферу праздника:

«В Троицу берёзку собирали, берёзку поставят, большущую, с края принесут два-три мужика и закопают. Берёзку-то с корня брали, там её мужики всё брали, тут же и заговаривали. Заговаривали берёзку-то, чтобы весёлая была, не блёкла чтобы. Мужики забывают, ну и заговаривают, старики придут, тоже заговаривают, старушка ли придёт, тоже заговаривает. Она всю неделю стоит, как придёт, так и стоит. Кто придёт, уж три «Аминя» обязательно скажет. Потом ходили, играли, каждый тащит бидоны и карнатки небольшие, такие с наведерный, полтора ведра ли, два. Всё ставят, всё закрыто, вот поставят, поплясали, песни попели, сели на лавочке, мужики наладили всё, начинают всем подавать с одного стакана, и все из одной кружки пьют. Березка будет целую неделю стоять. Первая Троица была в воскресенье, вторая – Маленькая Троица, опять играли в воскресенье, через неделю. Неделю-то робят, только вечером снаряжаются, вечером пить ходят, все сидят и пьют натошак. Яички ещё носили, тут рядом и клали, пили, пили и все рядом клали, под березку-то, три яичка положат, ещё неделю лежали, три надо было ещё, старики говорили-то. А когда белые курицы всё были, яички-то луком красили, всё было нарисовано и заговорено» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

«Березку ставили. Берёзку принесёшь, ленточки навешашь, тряпки всякие на её, поставишь под окно. А в Тюлькиной я ходила всё в Троицу к тёте Нюре покойной, у их на мосту. Мост как раз стоит, заворачивашься вот с Камы-то, и тут мост. Вот на этом мосту поставят, посреди моста берёзу большущую, наредят её. Даже женщины все, вся молодежь. «Во поле берёзонька стояла», как затянут эту песню, «во поле кудрявая была». У нас у каждого под окном берёзка, начнёт подсыхать - уберёшь» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

«Березку обрубят, потом завязывают ленточки. Троица должна быть ук-

рашена лентами. Идут в деревню с этой берёзкой. Потом, когда отпоют эти все песенки, тогда и отрывают с веткой эти ленточки, чьи ленточки, тот и отрывает. Ленточки сорвут, берёзку бросят, все вички оборваны» (д. Лызиб, зап. от У.М. Белкиной, 1926 г.р.).

«У нас тамо дома Троицу кругом играли, песни пели девки, по берёзку ходили. Утром собираются девчата и ребята с гармошкой и пошли. У нас там тракт был. Это-ко не бывало, это традиции ничё нет. Это тёмные люди были, неграмотные. А там около нас по берёзку ходили. По берёзку идут с песнями. Ребята берёзку большую, метра три, топориком свалят. Придут где качуля, это у нас тут круг звался, кон. На это место выкопают ямку, поставят берёзку и на её уже нависят ленточек, каких-то игрушечек. И песни весь день поют, ходят вокруг берёзки, долгие песни. Эти же маленькие ребята начнут залезать на неё да играть, годика по три, по четыре, да так её изломают, и всё. Нидилю ходят, песни поют девки вокруг её» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Из всего обилия информации о троицкой березке в Соликамском районе прослеживается несколько вариантов действий с ней. Один из них - ставить березки под окнами каждого дома, но не украшать их: «Березки у домов ставили раньше. Ничем не украшали, так поставят и все. Из лесу приносили, метра четыре-таки, чтоб она кудрява была, её и поставят» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.). В другом варианте также ставили березки под окнами в каждом доме, но при этом украшали одну или несколько берез: «В Троицу березы наладили. У кого были, украшали. Принесёшь, под окна поставишь, у каждого дома украшали. Мы недалеко от березы песни пели и играли, хороводы вокруг березы, гармошка играла, парни ходили вместе с нами, кадрилку танцевали» (с. Половодово, зап. от Е.Н. Олейниковой, 1926 г.р., родом из д. Рубцово). В некоторых деревнях ставили только одну украшенную березу на поляне или в центре деревни: «Троицу все празднуют обыкновенно. Ходили по берёзки. Поставят, ленточками, чем попало её украсят. На улице поставят, может, среди деревни, на полянке. На всю деревню одну. Отойдёт праздник, да и выбросят её» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р.); «Троицу тоже отмечали. Кругом собирались, песни пели, кругом ходили, берёзу ставили. В одном месте было поставлено, и тут собирались. Кружились: за руки возьмутся и ходят» (с. Вильва, зап. от Н.В. Габовой, 1928 г.р.). В некоторых случаях в деревне под окнами ставили березки, а украшали березку за деревней на лугах: «В Троицу обязательно всё уберут, подметут и идут в лес берёзку метра два рубить. И ставили их около

домов. Это накануне делают. А в сам День березки молодёжь с гармонью, вместе со всем, девушки, парни уходят к лесу на луга, выбирают чисто место, там ведь свободно можно выбрать-то на лужайках, - вот тогда берёзку украшают цветами, лентами, всем, всем, всем. Много навешают на неё и начинают хороводом ходить, петь, танцевать. Прямо на живой березке украшали. А потом вечером всё убирают с неё. А пляски-танцы всё в деревне продолжают» (с. Касиб).

В селе Касиб и окрестных деревнях в саму Троицу берёзу не ломали, не украшали и не играли под берёзой, считали за грех в праздник ломать березку. Возможно, это связано с представлениями о том, что в Троицу лес считался именинником. В Троицу только играли и водили хороводы. Все действия с берёзой здесь приурочивали ко второму дню Троицы: «Троицу два дня гуляли летом. В первый день говорили - грех березку ломать. На второй день березку ломали кудрявую, ленточки к ней привяжут и пляшут. В деревню парень березку несет. За ним гармонист с ребятами» (с. Касиб, зап. от А.Ф. Пантелеевой); «В Троицу играли кругом, девки, бабы, старики, ребята. Гармошку заберут, один-то идет с гармошкой. На другой день по березу с песнями идут. Пойдем в лес, слоим березку, тогда идем по Касибу, песни поем. Дойдем в одно место, и опять круг березки песни поем, а потом расходимся» (с. Касиб, зап. от А.С. Поповой, 1914 г.р.); «В Троицу весело у нас было. Соберёмся и гуляли до утра. Девки и ребята под окошками танцевали. А берёзку на другой день наряжали» (с. Касиб, зап. от А.И. Чистоговой, 1909 г.р.); «На второй день Троицы - это Духов день, земля именинница, березку снаряжали лентами. Потом кругом её ходили, пели» (с. Касиб); «На другой день за березками идём. Березки у дома поставим, снарядим лентами. Девки, ребята ходят вокруг, песни поют: «Во поле береза стояла...». Как вкопают березку, так она потом и стоит, пока не высохнет» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Жданковой, 1924 г.р.); «Первый день Троицы играли, а на другой день берёзку снаряжали. Кругом играли. Вот мы в лес пойдём и лентами снаряжали, всю-всю березку ленточками обвешаем. И вот под окошком тут у нас поставим березу и кругом играем. А бабы опять соберутся, сборники повесят на березку и тоже кругом играют» (с. Касиб, зап. от П.И. Рызаевой, 1935 г.р.).

Одним из запретов, связанных с Троицей, был запрет на пляски: «Первый день Троицы нельзя плясать. Грех, чтобы не топать. Ходят за березкой, в лодке за речку съезжают, привезут. Гармонист в круг. Хоровод заводят. Вот и всё, Троица хорошо проходит» (с. Касиб). Возможно, этот запрет связы-

вался с представлениями о том, что в один из троицких дней земля именинница. В других районах Прикамья подобный запрет был характерен для Духова дня, к которому и приурочивались именины земли.

Кроме действий с березкой, в некоторых деревнях Соликамского района на Троицу и на следующее за ней через неделю Троицкое Заговенье (или Маленькую Троицу), как и на Пасху, также было принято красить яйца. В некоторых случаях, правда, оговаривали, что «в Троицу яйца красили берёзовым листом» (д. Бельская, зап. от А.Г. Пантелеевой, 1924 г.р.). Крашеные яйца на Троицу или Заговенье обычно катали или играли с ними: «Яйца катали в Троицу. В Троицу ещё раз красили, а потом по угору катали. На угоре дорожка гладенька» (д. Тетерина, зап. от Д.Ф. Филиппевой, 1923 г.р.); «Потом ещё яичками-то играли, вот, кто больше яиц выбьет, игра такая была. Вот яички катают, они всё крашеные. Ямочки сделают. С одной стороны катят, с другой катят. Кто яичко разобьёт у кого, тому яичко и переходит. Играли, пока все яички не разобьют» (с. Вильва, зап. от М.А. Ушаковой, 1931 г.р.); «На Троицу играли, яички катали. Идут все к церкви, там все варили. Всё сварят, Богу старушки молятся. А мужики все соберутся, такой мяч резиновый или кожаный. Сколько-то яичек налаживают вот, и катают яички. Сшибить яички как-то надо» (с. Касиб). Подобное использование яиц, игры и другие обрядовые действия с ними характерны для русских и других регионов.

В цикл троицких праздников и обрядов входил также Духов день с запретами на работу на земле: «Земля-именинница на второй день Троицы» (с. Касиб); «Земля-именинница, тогда ничего не делают: не копают, не роют» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.). Через неделю после Троицы отмечали Троицкое Заговенье, последний день перед летним Петровским постом: «Заговенье бывает. Заговятся, да и всё. Пельмени стряпают» (с. Вильва, зап. от Н.В. Габовой, 1928 г.р.); «Троицко заговенье, пельяны стряпают мясные. А потом постное едят ведь» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.).

Собрание молодёжи в праздник называли *сходбище*, *майданка*: «Летом было сходбище, в праздник; на майданку ходили; майданка звали сходбище девичьё да парничьё. Никакого сходбища нету нонче: девки в клуб буде сходят» (п. Тюлькино). Обычно собравшаяся молодежь становилась в круг. «Кругом схватятся, песни поют. Круг-от большой, Господи, Господи. Робята с гармониями. Гармонщик сядет в круг, играют. Все песни поют. Идешь по кругу»:

Выходили красны девицы-души
Да выносили соловейку на белых руках
Да на зеленую поляночку.
Соловеечка расвищется,
Красны девицы разыграются.
Чую, чую, свекр кличет домой.
Я нейду, нейду, не слушаю его.
У нас игры недоиграны,
У нас песни недопеваны.
Чую, чую, свекровка кличет домой,
Я нейду, нейду, не слушаю её.
У нас игры недоиграны,
У нас песни недопеваны.
Чую, чую, милый кличет домой,
Я иду, иду, я слушаю его.
У нас игры доиграны,
У нас песни допеваны,
Тонки, звонки допеваны

(д. Лызиб, зап. от П.Е. Москвиной, 1906 г.р.).

Вариант этой часто исполняемой на празднике круговой (хороводной) песни записан в деревне Поськино:

Выходили красны девицы
Из ворот гулять на улицу.
Выносили красны девицы
Соловейко на белых руках.
Соловешко расвищется,
А красны девушки разыграются.
Поиграйте, красны девицы,
На своей на вольной волюшке,
На родимой на сторонushке,
Покуда замуж да не выйдется.
Неровен да черт навернется
На крючину да на горяшко,
Не ровен да замуж выйдется

(д. Поськино, зап. от Ф.Ф. Титовой, 1902 г.р.).

Многие песни Троицкого цикла обыгрывают любовную и брачную тематику:

Иванушка-гуленёк, Иванушка-гуленёк,
То ли се ли, ну ли что ли, говорят, что гуленёк.
Повадился во ленок.
Со льну цветы собирал, в воду в речку побросал,
Ко бережку, ко райку, ко богату мужику.
У богата мужичка есть дочерь хороша,
Анастасьишка, ай душа.

(д. Бугаево, зап. от А.В. Шерстобитовой, 1908 г.р. Исполнительница отметила: «Хватаются за руки, кругом ходили, пели все вместе»).

Хоровод часто водили под «Селезня». «Парень ходит кругом подле девок, где остановится, ту и выводит плясать. А девки поют:

Селезень, да догоняй утку,
Молодой, да догоняй серу.
Поди, утица, домой,
Поди, серая, домой,
У тя семеро детей,
Восьмой селезень,
Девятая сама
Да страдавотница была.

(д. Лызиб, зап. от П.Е. Москвиной, 1906 г.р.).

Широко известная песня, исполняемая в хороводе у березки, - «Во поле березонька стояла». В Соликамском районе она зафиксирована в следующем варианте:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Некому березу поломати,
Некому кудряву поломати.
Я пойду, березу заломаю,
Три пруточка отломаю.
Балалайка начнет играти,
Моего мужа разбужати.
Встань-ка, мой милый муж,
В рукомоечке умойся,

Полотенцем утерися,
На икону богу помолися.

(д. Лызиб).

Песня «Во лужах» строится на перечислении летних хозяйственных работ, хотя заканчивается также брачной тематикой:

Во лужах, лужах, лужах
Было во зеленых садах.
Вырастала трава шелковая,
Расцвели цветы лазоревы.
Уж я ту траву выкошу косой,
Я сповыкошу, сповысушу её.
Я сповысушу, сповыкопню её.
Я сповыкопню, сповымечу зарод.
Я сповымечу, сповывершу его.
Вывершу, сповывершу, сповывожу его.
Я сповывожу, сповыкормлю коня.
Поведу коня на ключ, на реку,
Со ключа-реки ко батюшке,
Ко батюшке родимому.
Уж ты, батюшка, свет родной,
Не отдай меня за старого замуж.
Ещё стар добре не ровня мне.
Со неровнюшкой гулять я не пойду,
Я нейду, нейду гулять во зелен во сад.
Лучше я во девушках сижу,
Чаще-почаще я головушку чешу.
Я мельчае трубчату косу плету,
Споалая алу ленточку вплету,
Спобастя на поляночку приду,
Спобастя я на зелену приду.

(д. Павино, зап. от М.М. Пантелеевой, 1910 г.р.).

Интересен вариант этой песни, зафиксированный в деревне Толстик:

Как-де во лужах, как-де во лужах, во лужах-лужах, во зеленых садах,
Во лужах-лужах, во зеленых садах,
Туту выросла, туту выросла, вырастала трава шелковая,

Вырастала трава шелковая.
Расцвели цветы, расцвели цветы, расцвели цветы лазоревые,
Расцвели цветы лазоревые,
Понесли духи, понесли духи, понесли духи анистовые,
Понесли духи анистовые.
То анистовы, то анистовы, то анистовы, низовые,
То анистовы, низовые.
Уж я ту траву, уж я ту траву, уж я ту я траву выкошу косой,
Уж я ту я траву выкошу косой.
Я сповыкошу, я сповыкошу, я сповыкошу, сповысушу её,
Я сповыкошу, сповысушу её.
Я сповысушу, я сповысушу, я сповысушу, сповыгребу её,
Я сповысушу, сповыгребу её.
Я сповыгребу, я сповыгребу, я сповыгребу, сповыкопню её,
Я сповыгребу, сповыкопню её.
Я сповыкопню, я сповыкопню, я сповыкопню, сповымечу зарод,
Я сповыкопню, сповымечу зарод.
Я сповымечу, я сповымечу, я сповымечу, сповыкормлю коня,
Я сповымечу, сповыкормлю коня.
Я сповыкормлю, я сповыкормлю, снаряжу коня во золоту узду,
Снаряжу коня во золоту узду.
Поведу коня, поведу коня, поведу коня ко батюшке во двор,
Поведу коня ко батюшке во двор.
Уж ты, батюшка, уж ты, батюшка, уж ты, батюшка, отец родной,
Уж ты, батюшка, отец родной,
Не отдай меня за старого замуж.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной. В комментариях к песне исполнительница отметила: «Раньше было заведёно - всё молодежь соберутся, девчата ино молодухи станут кругом играть»).

Пример круговой песни с пляской - песня «На горе-то калина», развивающая свадебную тему:

На горе-то калина, да на горе-то калина, да калина,
Под горою малина.
Там-то девка гуляла, калинушку ломала,
На дорожку бросала,
Ехал парень молодой, ты возьми меня с собой,

Назови меня женой.

Я те службу сослужу, ворона коня напою,

В чисто поле отпущу.

Чисто поле широко, убежал конь далеко.

(д. Павино, зап. от М.М. Пантелеевой, 1910 г.р.).

Круговая песня «Как на талую землю...» строится на любовном сюжете и идее ухаживания за девушкой:

Как на талую землю выпала пороша,

Как по этой по пороше шёл миленький хороший.

Ни путём, ни дорожкой - чужим огородом,

Чужим, чужим огородом, чужою межою.

Сам ко снегу припадает, в руки набирает,

В руки, в руки набирает, комом нажимает.

Комом, комом нажимает, кидает, метает,

Кидает, метает, ко милой во стену,

Чтобы вышла, выходила моя любезная

На прекрасное крылечко, молвила словечко.

Не во время, Ваня, ходишь, не в пору гуляешь.

На то Ваня осердился, пошёл, не простился.

Пошёл Ванюшка невесел, голову повесил.

Пошёл Ванюшка печален, головой качает.

(с. Половодово, зап. от А.С. Аристовой., 1902 г.р., родом из д. Ескина).

Песня «Не ходи, моя милая» воссоздает эпизоды будущей семейной жизни:

Не ходи, моя милая, зелёным-то садиком,

Да не топчи, моя милая, да духовую мяту.

Я сама мяту садила, сама поливала.

Между дубом, меж берёзки речка протекала.

Речка, речка-невеличка, очень глубоконочка.

Нельзя, нельзя воду брати, нельзя почерпати,

Нельзя, нельзя жену бити, нельзя поучити.

Проплакали мои очи все четыре ночи.

Очи, очи до полночи, до второго часу,

Пойду жене поклонюся, в ноги повалюся.

Свёкор по сеничкам похаживает,

С ножки невесту побуживает:
- Встань-ка, встань-ка, невеста,
Пойди, по воду сходи.
- Ой, нет, я не встану, ой, нет, не пойду,
Вёдра велики, вода тяжела,
Береги круты, вода глубока,
Рыба велика, рыба велика,
Рыба возгонит меня».

(д. Каравачево, зап. от А.П. Брезгиной, 1924 г.р.).

Песня «Улонька» - пример хороводной девичьей песни:

Улонька, улонька, ох, как широка,
Как с-по этой улоньке выросла трава.
Вырастала травонька шёлковая,
Расцвели цветочки алы-голубы.
Я с-по цветам хожу, на цветы не гляжу,
Кого на свете люблю, того я не вижу.
Кого ненавижу, да всегда в глазах.
Седни я, мамонька, очень весела –
Видела-видела дружка своего.
Слышала-слышала голос у его,
Ходит-гуляет в зеленом саду,
Щиплет-ломает зелёный виноград.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Печальная хороводная песня «Уж ты, воля» развивает тему любовной разлуки и любовного ожидания:

Уж ты, воля ли, воля,
Уж ты не знаешь ты моё горе.
С горя ноженьки да не ходят,
Белы рученьки да не робят,
Буйна головушка да с плеч валится,
Ой, во лице краса да изменится.
Ох, ты, орёл, орел да сизокрылый,
Полетай, орёл, да где мой милый.
Мой-от миленькой да во дороге,
Он во каторжной во работе.

Он с-по рыночку да гуляет,
Все закупочки да закупает.
(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

Близкая по тональности к песне о воле песня «Кукует кукушечка» также развивает тему невеселого житья в замужестве:

Кукует кукушечка, кукует кукушечка
Что во сыром во бору, что во сыром во бору.
Ох, я же молоденька, ох, я же молоденька,
На чужой стороне, на чужой стороне.
Мне тужить не велят, мне тужить не велят,
Ох, велят веселиться, ох, велят веселиться,
Полегохоньку вздыхать, полегохоньку вздыхать,
Ох, деверь да свекровка, ох, деверь да свекровка
Жить лихие для меня, жить лихие для меня,
Ох, деверь да золовка, ох, деверь да золовка.
(с. Половодово, зап. от Ф.П. Каравановой).

Игровая песня «Не со вечера цепочка горит» - пример «поцелуйной» песни, исполнялась в Троицких играх с целованием:

Не со вечера цепочка горит,
Со полуночи серебряная.
Со полуночи серебряная,
Горит-горит, перегарывает.
Горит-горит, перегарывает,
Мальчик девицу одманивает.
Мальчик девицу одманивает:
- Ой, ты, молодец, молодец.
Ой, ты, молодец, молодец,
Отпусти-пусти ко мамоньке.
Отпусти-пусти ко мамоньке.
- Ишо что делать у мамоньки?
Ишо что делать у мамоньки?
Погости-ко у меня, у молодца,
Погости-ко у меня, у молодца,
Погляди-ко на меня, на молодца.
Погляди-ко на меня, на молодца,

На мою часту походочку,
На мою часту походочку,
На мою ли споговорочку.
У меня походка частенькая,
Поговорка-ричь хорошенькая,
Поговорка-ричь хорошенька,
Целовать меня милешенько.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Аналогична по содержанию песня «Не со вечера рябину»:

Не со вечера рябину частым дождем мочит,
Не со вечера кудряву ветром обдувает.
Ветер дует, солнце греет, рябина алеет.
Не рябинушка алеет – мой милой далее.
Мой-от миленькой далее, не со мной гуляет,
Не со мною, со младою, с барышней иною.
Не завидуйте над нами, пойдёмте со нами,
С нами пара ворона, золотая карета.
Я во эту во карету сяду да поеду,
Я во этой во золотой разик споцелую.

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной, 1906 г.р.).

Поцелуйная тема включает и песню «Летел голубь»:

Летел голубь, сам господин,
Его сизая голубушка девушка.
Как у девушки головушка учесанная,
Трубчатая коса у ей приувязанная.
Собирались, соезжались все его товарищи.
Любовались, дивовались над голубушкой его:
- Эко дама, эко дама, эко очень хороша.
Как бы эта же дамочка жена моя бы была,
Я бы золотом усыпал, жемчугом бы ударил,
Как бы летнею порою я на тройке вороной,
Как бы зимнею порою на очаковых санях,
На господских лошадях.
Кину голубя на ручку - голубь не встряхнется.
На другую переброшу - он не взворохнётся.

Полетел мил голубок ко голубушке в садок.
Голубушка взворковала, голубочка целовала.
Голубочек взворковал - голубушку целовал.
Вышел маленький указ: целоваться девять раз.
Целоваться девять раз, девяносто про запас.

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

Плясовая «Я на камушке сидела» также связана с играми в целование и содержит образы, типичные для обрядовой предсвадебной поэзии:

Я на камушке сидела, грушу-ягоду брала.
Раз, два, три люли, грушу ягоду брала.
Тальянским платочком помахивала,
Раз, два, три люли, я помахивала.
Во новы сини зашла - дубовы ведра нашла.
Раз, два, три люли, да дубовы ведра нашла.
Поставила ведерушки на тоненький ледок.
Раз, два, три люли, я на тоненький ледок.
На тоненький на ледок, на тальянский на платок.
Я с платочком со леду да во в Китай-город пойду.
Раз, два, три люли, да во в Китай-город пойду.
Во в Китай-город пойду да плису-бархату найду,
Раз, два, три люли, да плису-бархату найду.
Плису-бархату, атласу, всю кроватьку изукрашу.
Вышел девушкам указ - целоваться девять раз.
Целоваться девять раз, девяносто про запас.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Песня «Ехал мальчик маленькой», в прошлом широко известная в Прикамье, также завершается темой целованья:

Ехал мальчик маленькой на лошадке каренькой.
Вот люли, вот люли, на лошадке каренькой.
Против машинных ворот останавливался,
Останавливался, с Машей здоровствовался:
- Здравствуй, Машенька-душа, хорошо ли без меня?
Купил шелковый платочек, принакинй и на себя,
Принакинй и на себя, спрошу: любишь ли меня?
- Я любить-то не люблю, отказать не могу.

Отказаться не могу, вдоль по горенке пройду,
Вдоль по горенке пройду да целованье заведу.
(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Песня «Ходит царь» содержит побуждение девушки к танцу в кругу и содержит типичные для обрядовой поэзии идеализации:

Ходит царь, ходит царь круг Нова города, круг нова широка.

Ищет царь, ищет царь он царевну свою, королевну свою:

- Где вы видали, где вы слышали царевну мою, королевну мою?

- Вон где она, вон где она, во Новом городе, во Новом широком.

- Выведи её, выведи её среди города, среди широка,

Заставь её, заставь её и скакать, и плясать, и скакать, и плясать.

- Скокни, царевна, скокни, гордая, царевич велел, молодой приказал,

Потанцуй, царевна, потанцуй, гордая, царевич велел, молодой приказал.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной; по свидетельству исполнительницы, песня исполнялась и на святочных вечорках).

Песня «Ой, дивья да дивья на округу» - пример текстов, развивающих тему неравного брака:

Ой, дивья да дивья на округу.

- Что, подруги мои, вы, подруги,

Что у вас да мужевья да молодые, ой, да молодые.

А у меня у младехой старичище, ох, старичище.

Старичище не отпустит на игрище, ох, на игрище.

Я от старого уходом уходила, ой, уходила,

Цветно платье под полой я уносила, ой, уносила.

Я скрывала алу ленту во кармашке, ой, во кармашке.

Я недолго на игрище проиграла, ой, проиграла,

От вечерной зари да до утряной, ой, до утряной.

Я домой-ту идти, да я боюсь, ой, да боюсь.

Ой, чую-чую я, собаки заурчили, ой, заурчили.

Старичище солезает со печищи, ой, со печищи,

Растегат свои соплицы по усищам, ой, по усищам.

Он берет же со спички да нагайку, ой, нагайку.

Да он как меня нагайкой оттянет, ой, оттянет,

Из бела тела горяча кровь пробрызнет.

Чтобы впредь таково, я не буду, ой, не буду.

На игрище уйду, домой не буду, ой, не буду
(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Приведенные в разделе хороводные, плясовые и игровые песни в целом известны и в песенной традиции Северного Прикамья, хотя их бытование в Соликамском районе отличается вариативностью, развернутостью песенных сюжетов, богатой стилистической оформленностью. Стоит также отметить общую для севера Пермского края закономерность - активное использование многих хороводных игровых песен не только на Троицу, но в ряде случаев и на праздники летнего цикла (в частности, в Петров день), а также во время проведения святочных игрищ.

• ЛЕТНИЕ ПРАЗДНИКИ •

Непродолжительный период северного лета, приходящийся на время после Троицы и до Ильина дня, не предполагал крупных и развернутых праздничных циклов: слишком насыщен он трудовыми заботами. Среди летних праздников выделяются Аграфена Купальница (6 июля), Иванов (7 июля) и Петров день (12 июля). К летним праздникам и обрядам примыкают также ритуалы вызывания дождя, исполнявшиеся в случае засухи.

• Ритуалы вызывания дождя

Самым распространенным, широко бытовавшим на всей территории Прикамья способом «вызывания дождя» служил молебен о дожде, а также крестный ход с молебном. Чаще всего моления о дожде проводили на полях: «Ходили, молились! Это знаешь, когда дождя нет, когда сухо, без дождя. Надо дождя - и Бог не дает дождя. С иконами на поле ходили» (с. Касиб, зап. от А.И. Жулановой, 1924 г.р., родом из д. Мыс); «А делали молебен, дождя когда нету. Дождей нет, засуха, хлеб не растёт. Маленький такой вырастет и на корню горит, значит, будет голод. Собирались, в церкви служили молебен, выходили с иконами, выходили в поле, просили дождь. Бога просили, чтоб он дал дождь. И бывало так, что уходили с поля, вечером шёл дождь. Они ходили с иконами, и они знали молитвы, какие надо было просить у Бога. И были случаи, что они ещё с поля не уйдут, а дождик шёл. Скажем, соберутся, вот мой участок, твой участок, этого участок, и так вот по полям пройдут с этими иконами, все просят. Каждый идёт со своей

иконой и каждый выходит на свой участок. А если в семье, может не только я одна выйти, могут все семейцы выйти с иконами. Иконы у кого какие есть, всякие...» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Ходили на поля молиться. Раньше тут у нас были всё заборы. Наша свекровка, она у нас богомольна была, его мать, так они человек пять соберутся, человека четыре, вот долго когда дождя нету. Они выходят к этому самому огороду с иконами. Молятся Богу. Только Богу помолились - дождик пошёл. Ходили на угор» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р.). В селе Вильва молебен о дожде проводили возле кладбища: «Ходили на кладбище молиться. Иконы соберут и идут» (с. Вильва, зап. от Е.Я. Баяндиной, 1913 г.р.); «Раньше ходили бабушки, молились. Старушки выйдут тут ко кладбищу, на полё...» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичкова, 1928 г.р.). В представлениях многих народов предки выступали подателями дождя, они же могли наслать засуху, поэтому моление у кладбища органически вписывается в систему традиционных мировоззренческих представлений.

• Аграфена Купальница

День Аграфены Купальницы («когда-то перед Ивановым днем») известен во многих деревнях Соликамского района, однако развернутая информация о празднике получена только в деревне Лызиб: «С Аграфены Купальницы купаются с того дня» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Вот голым-то по огороду надо на Купальницу бегать, тогда всё надо было делать, там перевернуться через верх, чтобы не болел, гром чтобы тебя не задевал. На Аграфену ещё баню топили. Первым веником попарились сразу, потёрлись, его намылят и тело-то обтирают им. У каждого свой веник, а в передний угол бани-то хозяйка свой веник поставит на комель, завечает его ещё, он так и стоит, все уроки-прикоки убирает. Вот пупы-то сдергивают, так этим же веником лечат. Вокруг пупа руками водишь по часовой стрелке-то, с молитвой всё, а потом вот комлем, ложишься животом-то на комель. Вот так и вылечивали. Ещё есть трава купальница, её раскладывашь везде в доме в праздник, и крапиву-то жгучую раскладывашь, это от клопов» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Иванов день

Среди всех летних праздников по обрядовой наполняемости заметно выделяется в северных районах Прикамья Иванов день (7 июля), праздник, который приходится на апогей летнего времени. В некоторых традициях

считали, что «купаться можно только с Иванова дня» (с. Половодово, зап. от М.М. Мазуниной, 1921 г.р., родом из д. Санниково). Считалось, что именно к этому дню травы поспевают и набирают всю целебную силу. Поэтому говорили, что «на Иванов день лист поспевает» (с. Касиб); «Косить можно после Иванова дня» (с. Половодово, зап. от М.М. Мазуниной, 1921 г.р.). За неделю до Иванова дня или с самого праздника начинали заготовку веников: «Веники всё до Иванова дни старались делать. После Иванова дни медведь обсерет лист-то, дак веник не бравый будет. Мошка, может, будет есть, чё-то такое, может, будет, вот они и говорят: до Иванова дни надо виники наладить. «Иванов день на носу, а виников ешшо нет», - говорят» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Летом Иванов день, с него начинают резать веники, до Петрова дня. Вениками парились, потом на баню на крышу бросят» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.); «С Иванова дня неделю носят веники» (п. Тюлькино, зап. от А.П. Поповой, 1920 г.р.). В некоторых деревнях сохранились ещё представления о гаданиях по ивановскому венику: «Раньше было так. Счас помню, по винику сделаем по маленькому, выпаришься, и бросали на баню: у которого пожелтеет, значит, тот умрёт, кто им парился» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Собранные травы и веники старались оставить на ночь на траве «под росу». Ивановской росе приписывались особые целебные свойства: «В Иванов день ходят в лес по веники. Травы надо собирать. Все под Иванову росу» (с. Половодово, зап. от М.М. Мазуниной, 1921 г.р., родом из д. Санниково). «Иванов день, седьмого июля, обязательно надо, чтоб обмыло ивановской росой веники, те будут полезными» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.). «На Иванов день веники готовишь. Если до Иванова дня приготовлены - кладешь под ивановску росу, на поляну в огород вынесешь» (с. Касиб); «Под Иванов день росу, травы рвём, стелем. Сильнее все травы под иванову росу. Этой травой лечимся» (с. Половодово, зап. от М.Ф. Шерстобитовой, 1907 г.р., родом из д. Борисово). Было принято также «купаться в росе», «умываться росой» на Иванов день. С целебными свойствами воды на Иванов день, видимо, связан и обычай купать коней на праздник: «На Иванов день лошадей купали, обязательно в речку водили» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

Праздник был сроком посадки репы, которую также старались посадить «под ивановску росу»: «Сегодня Иванов день, надо репу сеять» (с. Городище, зап. от М.А. Богоченковой, 1921 г.р.); «На Иванов день репу сеют» (с. Касиб); «Репу сеяли под ивановску росу» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белки-

ной, 1934 г.р.).

Иванов день был одним из «грозных» летних праздников, наряду с Петровым и Ильиным днем: «В Иванов день обязательно гроза бывает» (с. Касиб, зап. от К.С. Чекотина, 1927 г.р.); «В Иванов день у нас всё грозы бывали: «Ой, Иванов день, опять, наверно, гром будет». Иванов день поминали часто. И были грозы. А нынче не стало громов-то. Напужали там самолёты, видимо, и всё» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

Иванов день во многих деревнях был местнотимым праздником, к которому приурочивались церковные службы, крестные ходы, гостевание: «А ещё у нас Иванов день праздновали. В деревне были в Иванов день. Собирали иконы. Возьмём иконы и понесём за семь километров на поле. На поле батюшка наш выйдет, рогожку постелют и молятся. Тако браво! А то пойдут, в каждый двор заходили. Тете моей молебен с акафистом служили. Иконы-те тяжелые, да праздник вещальный был. Вечером гуляли на полянке. Полный стол гостей собирали» (с. Половодово, зап. от М.Ф. Шерстобитовой, 1907 г.р., родом из д. Борисово); «В Иванов день на поле с иконами шли с утра. Там часовенка была» (с. Касиб, зап. от А.И. Чистоговой, 1909 г.р.); «На Иванов день икону поднимали, часовенка была тут. Когда дождя нет, его на Иванов день вымаливали» (д. Лызиб, зап. от А.А. Пантелеевой, 1923 г.р.). «У нас Иванов день - скоко соберётся, отовсюду девок наедет, с гармошкой, дак до утра еть гуляют» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.).

• Петров день

Петров день (12 июля) был важным рубежом в хозяйственных работах крестьян. С этого дня начиналась страда, сенокос: «Покос начинали с Петрова дня. Только в этот день не ходили – надо ведь напироваться, а потом настрадоваться» (с. Касиб); «На Петров день как раз была страда» (с. Касиб, зап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р., родом из д. Уловки); «Сенокосить с Петрова дня начинали» (с. Вильва). Праздничное гуляние на Петров день в чем-то повторяло троицкое, также «играли в хороводы»: «Хороводы водили в Петров день. Народу многоще соберется, мы в круг встанем да по кругу ходили, песни пели» (д. Тетерина, зап. от А.И. Неверовой, 1915 г.р.). Особенно большие гуляния на Петров день устраивались в тех деревнях, где праздник считался престольным. В деревне Вавилово Петров день называли обетным праздником: «Вот у нас одно время зверь стал скот давить. Вот и назвали праздник Петров день. У нас он отмечатся. В этот день пост, да обедню служат, раньше робить нельзя было, два дня праздновали, бывало.

Кто в праздник зароды делает? Вдруг гроза возьмёт да и пожгёт - нельзя работать в такие дни» (д. Тетерина, зап. от Е.Е. Пегушиной, 1912 г.р., родом из д. Вавилово).

• ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ОСЕНИ •

• Ильин день

Ильин день осознавался границей лета и осени. С Ильина дня теряют целебные свойства травы: «С Ильина дня уже травы-то лечебны не собирают, их, говорят, медведь обоссит, обсерет, уже силы никакой у их не будет» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.); «После Ильина дни веников не ломали – на теле зуд будет. То говорили, что медведь лист обсерет. Ну, что-то ещё скажут» (с. Касиб). С Ильина дня становилась холодной вода, с чем связывался и запрет на купание после этого срока: «Купались с Иванова дня и до Ильина дня. После Ильина дня уже купаться было нельзя – вода, говорили, уже цветёт» (с. Касиб). Как и в других районах Прикамья¹, с Ильина дня начинали есть горох. Нередко поход на гороховое поле превращался в молодежное гуляние: «Второго августа Ильин день будет, мы раньше в этот день горох щипать ходили. В колхозе специально раньше для этого полосу засевали. Плишки жуём, в горохе катаемся» (д. Тетерина, зап. от З.П. Мельниковой, 1924 г.р.). На Ильин день в некоторых деревнях принято было печь хлеб из свежей муки нового урожая: «Новый хлеб стряпали. В колхозе свой выдавали хлеб. И вот особенно мне до сих пор запомнилась рожь. Иногда успевали на Ильин день нажать уже ржи, обмолотить. Но тогда какая вкуснятина по всей деревне, все пекли, трубы топятся, ух. А так всё дома стряпали хлеб» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.).

Ильин день считался одним из самых строгих праздников в году, повсеместно считали за грех работать в праздник: «В Ильин день не работают, только по ягоды до обеда ходят» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). В других деревнях в Ильин день ходить за ягодами запрещали: «В Ильин день по ягоды не дают ходить. Он, говорят, блудящий день, блудной. И сено тоже не страдают, стога не ставят». Работа в Ильин день, как показывают многочисленные рассказы, считалась выполненной впустую или строго наказывалась святым - пророком Ильей. «Это Илья-пророк ездит на

¹ А.В. Черных Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области. Пермь, 2003, с. 70-72.

своей колеснице. И на четырех конях. А он так: он по небу ездит, а кони у него такие, знашь, копыта у них подкованы золотом, искры летят, это значит, молнии летят» (с. Половодово, зап. от Н.Д. Шерстобитовой, 1923 г.р.); «Ильин день - большой праздник. Было как-то, такая погода хорошая стоит, пошли работать, у меня зарод сгорел. Другие тоже работали, сели обедать, шаньги принесли, такой вихрь поднялся, все копны подняло, на лес унесло» (с. Касиб); «Мужик в Ильин день решил баню истопить, наломал веников и повесил в чуланку, день ясный был. Вдруг воссияло, и грозой прямо как-то в веники ударило. Они загорелись, и весь дом сгорел. Соседка одна косить пошла в Ильин день, села она пополудновать, косу около себя положила. Гроза в литовку-то как раз и попала, бабу-то и убило» (с. Половодово); «Отец один раз в Ильин день сено не загребли и в копнах оставили, а сосед поехал и говорит: «Сёдни надо сгрести, пропадет сено!». Пришел домой, сел чай пить. Ворона прилетела к нему на окно. Раз прогнал, она снова, другой - она опять сидит. Говорит: «Сколько можно тебя гонять?». К ней бересту привязал горящую, и она на его зарод села, и он выгорел весь» (с. Половодово, зап. от Е.Н. Олейниковой, 1926 г.р., родом из д. Рубцово).

В некоторых деревнях, когда необходимо было выполнить в праздник какую-либо работу, считали, что надо «подарить» Илью-пророка: «В Ильин-то день нельзя работать, а если уж сено не успел убрать, кусочек хлеба вихрю-то надо положить, задобрить Илью-пророка, чтобы сено-то сгрёбёно не унёс» (с. Вильва, зап. от Н.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

Даже в советское время на Ильин день старались не работать и «попраздновать» Илье-пророку: «Редко, говорили, Ильин день бывает без дождя. Вот Ильин день всегда считали с дождем. Мать была бригадиром, женщины её начинали за неделю до Ильина дня подговаривать, выкосят тридцать соток: «А ты мне запиши по двадцать пять?» А в Ильин день тоже шли на работу, каждая несла по туеску, по бидону пива. И там до обеда ещё работали, чтобы норма была. А они, говорит, старались побольше. Сколько там покосят, потом садимся все по берег, и каждая начинала угощать: «Вот моё попробуй, моё попробуй». И еду тоже всю вместе. То по отдельности, паужна называлась, а тут, говорит, вместе, у кого что. Это обед. Тут, может, для праздника что-то и стряпаное приносили» (с. Вильва, зап. от В.В. Вологовой, 1944 г.р.).

Осенние праздники от Ильина дня до Покрова

Осенний период был напряженным в жизни крестьянина. Поэтому мно-

гочисленные осенние праздники и дни святых, как правило, служат лишь контрольными сроками уборки полевых и огородных культур. Значительный обрядовый комплекс группируется у жителей Соликамского района к завершению жатвы.

Спасы, Спасов день, Спасовы дни (14, 19, 29 августа) отмечались лишь в некоторых деревнях. Например, крестный ход с молебном проходил в селе Касиб: «В Спасов день все ходили в церковь. После икону несли два человека. Принесут, у нас на горе служили, на воде служат. У кого скот не ведется, падат, тому во двор ходили, служили» (с. Касиб, зап. от А.Ф. Пантелеевой). В селе Вильва отмечали, что в Спасов день также было принято купать коней, так как вода в это время считалась целебной: «Купают коней. Это в Спасов день купали. Спас четырнадцатого, наверно» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

До **Успения Пресвятой Богородицы, Успеньева дня** (28 августа) старались завершить уборку ржи, некоторых огородных культур: «Успеньев день - успевай, дескать, всё с полей убирать» (с. Касиб); «До Успеньева дни токо надо всё убрать с огороду-то» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

С **Семенова дня** (14 сентября), как уже отмечалось выше, в поле работали уже без перерыва на обед: «Семен паужну украл» (с. Касиб); «Семен паужну унес. Всё, уж не обедали, обеда не знали» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.). Несколько погожих осенних дней, как и повсеместно в Прикамье, называли **бабьим летом**, от Семенова дня до Пречистой: «Бабье лето у нас с четырнадцатого сентября до двадцать первого, неделю» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.).

Праздник **Рождества Богородицы** (21 сентября) известен у жителей района как Пречистая и связывался с завершением уборки: «Не жди Пречистой - поля чисти» (с. Касиб); «Пречистая - поля чистить, всё с полей убирать. Это всё убрано. И вот осталось у тебя вырезать - редька, репа, капуста. Вот и Пречистая, говорят. Пречиста - поля чистить. К Пречистой должны уж все поля убрать. Раньше-то» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.); «Причисто, значит, надо всё причистить. Надо было всё убрать в огороде - причистить. Это все овощи, кроме картошки, её дольше копали. А капусту как уже морозы покажут. Её уже под самые морозы вырубали» (с. Вильва, зап. от Волеговой, 1944 г.р.).

Воздвижение Честнаго и Животворящего Креста Господня называлось в народе **Сдвижение, Вздвижение** и также связывалось с уборкой: «Не жди Сдвиженья - репу режь» (с. Касиб); «Не жди Вздвиженья - режь репу, не

жди Покрова - режь капустку» (с. Касиб). Считалось, что именно в этот день медведи залегают в берлогу: «На Сдвижение медведи в берлогу ложатся. Счас нет мидвидей-то. А раньше-то были. Ой, как они коров-то понужали» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.). «Был такой праздник - Воздвижение, осенью. В это время медведь залегал в берлогу. Вот тогда коров нельзя было пускать в лес. И самому ходить в лес в этот день нельзя - леший хозяйничает, говорили» (д. Чашкина, зап. от Н.М. Гринчевской, 1916 г.р.).

• Ритуалы начала и завершения жатвы. Обжинно

В Соликамском районе не известны развитые ритуалы начала жатвы, хотя некоторые магические действия при её проведении все же выполняли. Принято было начинать жатву с молитвы, с благословения. При начале жатвы бросали через себя серп: «Первый раз жать пошли, через себя серп бросали, чтобы не обрезать» (д. Сорвино, зап. от А.П. Логиновой, 1932 г.р.). В посёлке Тюлькино по тому, как упал серп, замечали урожайность будущего года: «Вот жать пойдёшь, кинешь серп через себя, смотришь, как падёт, если пал стрелой в землю - к хорошему, а так лежит если - к плохому, урожая не будет в следующем году» (п. Тюлькино, зап. от А.Н. Белкиной, 1930 г.р.).

Завершение жатвы в районе сводилось к ритуальным действиям на поле с последними колосьями, а также сопровождалось коллективной трапезой, коллективным праздником по случаю окончания жатвы. Последние оставшиеся колосья принято было оставлять «Богу на бородку»: «Бородку вязали. Вот она останется, её вот так вот возьмёшь, закрутишь по солнцу и завяжешь» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.); «На бородку оставляют, не сжинают. А счас комбайны-то идут, завёрнут, дак углами, углами оставляют, вот и бородка останется большая. Только слыхала, мы уж это ничё не делали» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.). В Соликамском районе известно два варианта оформления жатвенной бороды. В одном случае последние колосья завязывались узлом, а в другом из колосьев делался небольшой суслончик, который оставлялся на поле: «Богова бородка. Суслончик ставили, не выжнут его, поставят. Сожнёшь несколько травы, завертишь, крышечку наладишь, как снопик, как суслонки ставили, закроешь, вот и всё. Не срезают. Узелок завертишь и засунешь под снопик-от. Узелком. Крышечка как сделана? Такой же снопик, тоже завязан» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.).

По случаю завершения уборки собирали праздник **обжинки**, или **общая, колхозная брага**: «Раньше жать-то кончат, дак пива варили. Справляли» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс); «Обожнуты - праздник делали, обжинки. В Октябрьскую, числа седьмого. Брагу делали, пиво делали» (с. Касиб); «Колхозна брага была, обжинки-то будут дак. В колхозе брагу сделают и вечером соберутся все тутюка» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.); «Мать рассказывала, что, когда закончат в колхозе, пойдёт к председателю бригадир и просит сколько-то там зерна, и делают общую бражку, угощение какое-то там» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.). Часто на праздник делали «молодое» пиво, называемое «приголовок». «Дрожжи подобьёшь, хмелю отваришь, сахару подобьёшь, сutki покиснёт, и пить можно этот приголовок» (д. Лызиб).

Праздник по случаю завершения жатвы и осенней уборки сохранялся и в колхозах: «Обжинки делали, я сюды пришла сначала, делали. Делали года два. Делали только в Октябрьскую революцию, вот когды делали. Но обожнуты пораньше. Две печи пива варили здися» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.); «Обожнуты, вечера делали колхозные. Пиво сварят, теленка порежут. Мясо на вечер, в каждой бригаде мясо. Деревня большая была в Мысу, четыре бригады было. Хлеб испекут, мясо, всё есть. Это подают. Пиво, брагу. С гармошкой... И пляска, пляска. Вот и колхозны вечера. Это когда с поля хлеб уберут» (с. Касиб, зап. от А.И. Жулановой, 1924 г.р., родом из д. Мыс).

• Покров

Праздник Покров (14 октября) отмечал собой границу между осенью и зимой. Неслучайно именно на Покров ждали первого снега, с покровским снегом связывались приметы и поверья: «На Покров много снегу, значит, урожай хороший будет» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). «Батюшко Покров, покрой землю снежком и меня женишком», - замуж-то выходить надо, вот девки-то и говорят» (с. Касиб). Покров знаменовал завершение всех осенних полевых работ: «На Покров хлебушко уберут с поля. В Покров почти каждой пиво варил» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). Празднование Покрова во многих деревнях дополнялось гостеванием и гуляниями, так как Покров был в ряде мест престольным праздником. Праздник открывал не только зимнее время народного календаря, но и начало свадеб.

• ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ •

Зимний период традиционного календаря по времени один из самых длительных. Самыми обрядово наполненными в зимнее время выступают Святки и Масленица, в то время как период от Покрова до Святков и от Святков до Масленицы не отмечен значительными праздничными датами. В период от Покрова до Святков соликамцы особо почитали **Казанскую** - день почитания иконы Божьей Матери Казанской (4 ноября), **Михайлов день** (21 ноября) и **Николин день** зимний (19 декабря).

В зимнее время особо примечали, когда наступают морозы и бывают оттепели. Считали, если зима не морозная - лето будет холодным: «Я слышала у старушек: морозы тоже надо. Мороза не будет - лето плохое будет» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс). В Соликамском районе знали морозы Рождественские, Новогодние, Крещенские. «Как по праздникам, так они у нас и назывались. До Рождественских - Михайловские, там Михайлы есть (21 ноября). Дальше есть Васильевские, Василии (14 января). Это как святые, вот по ним морозы так и назывались» (с. Вильва, зап. от В.В. Волеговой, 1944 г.р.); «Бывают ещё Никольские морозы, к Николину дню. К Николину дню ещё пурга бывает» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.); «Морозы Устритенские, я слышала» (Среднее, 15 февраля) (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.). Оттепели ждали к Михайлову дню. Считали также, что в январе после морозов наступает январское тепло: «Январское тепло бывает - свекровка говорила» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Начало зимы, как и в других регионах, связывалось с началом прядения льна. Начинались посиделки, которые молодежь обычно устраивала в банях или в одном из домов: «По баням ходили, теплого места нет, мы по баням ползали» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.); «В банях вечеровали, клубов-то не было. В войну-то ничего не было. Пряли в бане. Истопим баню и пряли в бане. Огня-то не было, лучину нащипам. А светильник - такая железная штука была, и тутюка лучину воткнём и поставим. И вот и дома в избе прядёшь, и в бане. С девками охота поговорить, побаловаться. Ешо ребята, вот такие же шивики придут, прибежат к нам. Вот смеху-то сколько!» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.); «Девки соберутся вечером в какой дом, прядут лен, стол стоит посередине, по стенам скамейки, у каждой девки свое место. Завалются парни с гармошкой, поют все. У которой девушки свой парень имеется, с ней садится около прядницы. А то

утащит веретено, надо ей будет идти в сени и выкупать его - целоваться. А если два кавалера к одной садятся, могут даже лен ей, осердясь, куделю ли, поджечь. Девка заплачет, а парни на улице из-за неё раздерутся. Только в вечер на воскресенье вечеров не было» (с. Половодово, зап. от А.И. Лавровой, 1920 г.р., родом из д. Родники); «На вечерки мы ходили в баню, кто куделю прядет, кто вяжет, там и ребята соберутся, кто гармонь, кто балалайку, кто карты принесет. Пока сидишь, два простня нарядёшь, начинаешь играть. Тебя на улицу вызывают парень» (с. Городище, зап. от А.В. Белкиной, 1922 г.р., родом из д. Тетерина). Посиделки, на которых девки трепали и чесали лён (нередко с угощением от хозяина после работы), назывались в крае «позовушки», «потрепухи» или «почесухи». «Раньше потрепухи, почесухи - помочи делали, а мы бедно жили, дак позовушки-те не ладили» (с. Вильва); «Иные почесуху ладили, как помочь; лён чесали; баб пяток созовёт - десятков по семь очёшут, поужинают» (д. Толстик).

С Рождества до Крещения

• Рождественский сочельник

Сочельник (6 января) можно считать одним из первых дней в зимней святочной обрядности. К Рождественскому сочельнику приурочивали первые гадания с пресным сочем: «Накануне Рожества сочельник. Сочень испечёшь и бежишь на реку, кто тебе попадёт встречу. Собака, дак злой мужик будет. А если мужик какой-то попадёт, такое имя и будет. А сочень за пазуху ложишь. Молодые-те, кто навстречу попадет, имя того и у жениха будет» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.); «Я пошла с сочем, а мне собака навстречу попала, муж непутевый и был» (с. Касиб); «С сочем бегали, с сочнями-то надо было бегать-то. Это маленька когда была, дак бегала на реку, лечу, чтоб у меня мужичок хороший был, смирененькой, чтоб меня не бил» (д. Лызиб, зап. от Е.Д. Мальцевой, 1932 г.р.); «В сочельник с сочнями бегали. Рано убежишь. Собака попадёт тебе навстречу первая, дак мужик у тебя нехороший будет, как собака. А если мужчина попадёт - мужик хороший попадёт» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р.).

• Рождество

Рождество (7 января) было одним из самых почитаемых зимних праздников. В Рождество принято было разговляться с Филипповского (или

Рождественского) поста. В деревне Лызиб к Рождеству приурочивалось гадание о будущем урожае: «Вот на Рождество-то зернышко в избе кинешь, какое зерно целее до утра, такой хлеб в году и будет. Вот овса, пшеницы, рожь расеем, гречи, ячмень, ещё там чего, надо, чтобы семь зерен-то было. Вот какое зерно до утра доживёт, такой урожай, а когда и зерна-то нет - всё утащат, утром встанешь, и хозяйка ищет» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). В других деревнях такое гадание проводили на Новый год: «В избе будем мыть на Новый год. Старики бросят зернышко, а мы ищем. Если найдешь пшеницу или рожь - богато жить будешь. А не найдешь ничего - нищая» (с. Касиб, зап. от П.С. Ярогиной, 1925 г.р.). Подобные гадания в прошлом были характерны и для других районов Прикамья¹. Как и в большинстве традиций Пермского края, в Соликамском районе в Рождество дети совершали обход домов, при этом исполняли рождественский тропарь или небольшие тексты «славок». Сам обход обозначался термином «славить»: «На Рождество тоже пели. Помню только, пели: «Христос рождается, да славите Христос». Ну, и кто придёт, там дети приходили, взрослые приходили обязательно, им что-нибудь нужно было положить, с мешком ходили, с сумкой, это уж обязательно» (с. Вильва).

«Славить ходили:

Рождество твое, Христе Боже наш,
Воссияй миру и свет разума,
Небо звезду учахуся,
Ангелы с пастырями славословят,
Наш Бог роди, родися,
Отроче млада привечный Бог.

Это всё припоют, по домам ходили, старушки, молодежь ходили тоже. Утром рано, в день Рождества, деньги, то кренделей или конфеты им дают. В Рождество другие песни не пели – грешно. Днем уже только длинные» (д. Рогали, зап. от А.В. Клочихиной, 1904 г.р.). Тексты небольших четверостиший - «славок» - либо исполнялись после тропаря, либо в том случае, если «славельщики» не знали рождественского тропаря.

«Обязательно славить ходили: «Славите, славите, вы меня не знаете, я Петровский парничок, подайте парню куличок» (с. Вильва, зап. от А.А. Жулановой, 1925 г.р.).

¹ А.В. Черных. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. Пермь. 2002, с. 141.

«Я когда маленькая была, ходила, а потом больша стала, не ходила. Славили, славили, ничего не знали. Пойдём да на речку, там чё-кося ходили, ходили мы. Я говорю: «Славлю, славлю, ничё не знаю, да дай мне, Бог, Рождество, дак мужика хорошего» (д. Лызиб, зап. от Е.Д. Мальцевой, 1932 г.р.).

• Святки

Период от Рождества до Крещения, называемый Святками, считался опасным временем. «В страстные-то вечера домовый кур пересчитывает, давит. Может, и не суседко это, на его говорят только, а может, ласка» (с. Городище). В Соликамском районе сохранялись представления, что на Святках по земле ходит нечистая сила - шуликины: «У нас вот мама на Святки говорит: «Шуликины, шуликины вот ездят. Не знаю, какие шуликины? Вот выйдите-ка, ребята, посмотрите на улицу». Тряпочки сама навешает: то на веники, то на что, в снег навтыкает. Это я уже потом поняла, что это она сама делала. А мы чё? Выскочим, постоим возле этих веников. Небольшие тряпки навесит - шуликины де проезжали» (д. Лызиб); «Говорят, на Крешенне-то шувыкыны ездят. А каки шувыкыны, что такое?» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). Термин шуликины в Соликамском районе использовался также для обозначения святочных ряженных. Более развернутые представления о выходе на Святки нечистой силой были характерны для многих районов Северного Прикамья: Юрлинского, Красновишерского, Чердынского¹. Заметим также, что мотив «поездок» шуликинов особенно характерен для коми-пермяцкой мифической традиции, хотя в Соликамском районе он не отличается развернутостью.

Святочная обрядность русских Соликамского района включала также в себя многочисленные гадания, хождения ряженных, молодежные игры.

• Святочные гадания

Святочные гадания - одна из наиболее развернутых форм святочной обрядности в районе. Основное содержание большинства святочных гаданий - узнать будущее замужество, высмотреть жениха. Многочисленность свя-

¹ А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX - XX в.: Материалы и исследования. Кудымкар, 2003, с. 248; И.А. Подюков, Н.В. Жданова, С.В. Хоробрых. Вишерская старина: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области. Пермь, 2002.

точных гаданий обусловлена мифологическими представлениями о проницаемости границ иного мира в святочный период, на чём основываются и представления о выходе на Святки нечистой силы. Для лучшего контакта иногда при гаданиях выбирали и особые пространственные локусы, где наиболее вероятно было узнать будущее, выйти на контакт с иным миром. Поэтому гадали в нежилой избе, в бане, гумне, овине, на перекрестках дорог. С этой же целью избиралось и особое время - полночь. Святочные гадания требовали и особой осторожности, строгое соблюдение ритуала, нарушение которого могло повлечь за собой прямой контакт с нечистью: «Из Пегушино мама была, рассказывала. Трое девок пошли ворожить, надо было заколдоваться или как, они принесли кожу, сели, а че-то неправильно сделали. И как двенадцать часов пришло, их на коже до Камы доволокло. Ладно, живы остались» (с. Касиб); «Бывало, что и бес приходил. Вот девки бегали на росстань слушать колокольцы. Наклонились к земле, слушают. Вдруг рядом бес стоит, смотрит. Они как побегут, к знакомой бабе на печь залезли, она им горшки на головы надела, он и отстал. Шапка у него острая красная была, да ноги все мохнатущие» (д. Тетерина, зап. от Е.Е. Пегушиной, 1912 г.р., родом из д. Вавилово).

Различных видов гаданий и их вариантов записано в Соликамском районе достаточно много, в основе своей они сходны с теми, что известны русским Прикамья и других регионов¹. Приведем наиболее типичные:

Башмачок кидать: «А вот на Крещение ворожили. Садись кто как. Через голову башмачок кидали, в какую сторону упадет. И всё говорили, где колокольчик взбренчит, собака злает, там твой суженый будет, там твой кавалер может будущий будет» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

В дугу лазить: «Тут ешшо делали так. У нас Алёшка Стёпкин был бригадиром. «Девки, пойдёте». Принесли дугу. Глаза завяжут, закрутят тебя кругом. Если в эту дугу выйдешь, значит, взамуж выйдешь. Раньше молодые были. Тут Алёша-то пошёл да налетел прямо на двери. Да чуть себе лоб-от не расколол. И больше, говорит, не буду» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р., Н.Ф. Пегушина, 1930 г.р.).

В зеркало глядеться: «У нас мама в зеркало гляделася. Впереди зеркало и сзади зеркало. Мне, говорит, вышло, за которого вышла, тот и пока-

¹ И.А. Подюков, А.В. Черных. «Суженый-ряженный, приди ко мне снаряженный»: Рецепты народных гаданий. Пермь, 1998; С.В. Стародубцева. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001, с. 140-141.

зался в зеркале. Токо надо было зачёркиваться, то задавит, говорит. А мы сами-те не ворожили» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб).

В кольцо смотреть: «Вот в девках-то мы гадали, нас тринадцать штук девок-то. Все лежат на полотах, забились, одна сидит. Кольцо подвенешно возьмёшь у родителей, раньше ведь подвенешные были кольца-то, на его волос возьмёшь, выдернешь, завяжешь и в воду. Вот в воду с кольцом положишь, потом ещё на зеркало поставишь и смотришь. Кому кот большущий вышел, мне дак кусты вышли, так правильно вот, говорили, тебе кусты - дорога, ты в Ларьково выйдешь. Тут одна девка ворожила, так она сразу, как только стала ворожить после меня, ей сразу гроб и кругом свечки стоят, сразу она бросила зеркало-то, так она всё-то три года и прожила» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.); «Бегали раньше, в кольцо глядили, в зеркало. Там жениха выглядят дак. Возьмут свечку, кольцо надо взять, взять стакан, стакан поставить на блюдечко, там ленуть водички и свой волос выдернуть из головы и привязать за это кольцо. И волосы ставишь, чтоб он не упал. Ставишь зеркало перед собой. Надо говорить: «Суженый-ряженный, выйди ко мне вот такой-то». Но и случай выйдет, а когда и не выйдет. Выйдет – увидишь, какой, значит, это твой жених. Там не один. Остальные-то на полотах лежали. А ты в зеркало глядишь» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р., Н.Ф. Пегушина, 1930 г.р.).

В овине, на гумне в бане: «Девки на овин ходили гадать. Свои же ребята узнают, что они пойдут. Они залезают, там такое гумно было или овин, там только такое окошечко-то в овин-от залезать. А они залезают, а ребята возьмут да переоденутся. Они загадывают, чё им выпадет, а им там возьмут да по ж...е - то стукнут чем, а те бежать потом, испугаются все» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой); «Ворожили, где зерно молотили, гумно называлось. Там окно такое было. Вот девушки ворожились, что нужно было в это окошко посмотреть. Если стукнут тебя, значит, сердитый муж будет. Если он тебя погладит хорошо, значит, очень хороший муж будет. Это ночью ходили, в 12 часов ночи туда, ворожили» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «На овин когда-то кто-то ходил. А уж в нашу-то пору-то не ходили. Молотили, овины были, но боялись девки ходить. Да снимали штаны, да кто пошшупат твонушку испоткой ли, рукой ли. Да кто там будет в овине сидеть-то, кого ждать, кто будет!? Да нет, это так токо присказки» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.); «А тут ещё в банях до нас вечеровали, вязали да пряли. Раньше же лён сеяли. И там какой-нибудь дедушко под-

слушат у их разговор. Они прибежат в баню погадать, кто их какой рукой потрогат, а он спрячется там. Полог же раньше в банях. Он спрячется там. Если богатой, были такие рукавицы из собачины, на лошадке же ездили в город, чтобы руки не замёрзли; и этой собачиной проведёт он по лицу или по чему там. «Ой, богатый», - говорят. А если бедный - голой рукой. А если вовсе какот-то хромой, он плетъ возьмёт, как ожгёт этой плетью. Плетъ называлась - вот такой черешок. Рассказывали старые» (с. Касиб, зап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р., родом из д. Уловки); «Слушали. Бежали на святки в овин. Пойдешь на гумно, голую задницу туда сунешь. Голой рукой если пощупат кто - плохо будешь жить. А если шубой кто заденет - хорошо. Дуры были молодые дак» (д. Самодуры, зап. от А.В. Черноусовой, 1928 г.р.).

Валенок бросать: «Валенок тоже кидали. Кинешь его через ворота, если далеко падает, в дальнюю деревню выйдешь замуж, а близко - выйдешь близко» (д. Самодуры, зап. от А.В. Черноусовой, 1928 г.р.).

Воду замораживать: «Замораживали воду. Если к хорошему, дак пупком вода застынет, а если к плохому, дак будет ямкой» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб).

Ложки морозить: «Замораживали ложки: с вечера ложки с водой в тарелке в снях оставляешь. Подождёшь, когда застынет. Бугром или ямкой, ямкой - умрешь» (с. Вильва).

Горшками: «На стол опрокинут горшки, под горшки все там накладывают, кому какой попадет. Ленточка - в девках сидеть, вехоть - вдовец, щеть - солдат» (с. Касиб).

Зеркалом наводиться: «Как-то солдатки у нас стали наводиться. Зеркало на стене, а в руках нитка. Супротив матицы девять узлов завязать надо и лешакаться. У баб мужики лицо не кажут. Сестрянка моя увидела - шинель болтается, и винтовка. А у меня темно было. А потом гроб до половины вышел. Я испугалась, зеркало бросила, закричала. Отец у меня скоро умер» (д. Лызиб, зап. от П.Е. Москвиной, 1906 г.р.).

Колодец делать: «Колодец из спичек делали и спать ложились. Приснился мне мужчина, ведро нёс в руке, идёт на реку лошадь поить. Сбылось, как замуж вышла, сбылось, узнала его» (с. Касиб, зап. от П.С. Ярогиной, 1925 г.р., родилась в д. Коначино).

Колодец закрывать: В сочельник-то (скорее всего в Крещенский) закрывали колодец на замок, он далёко, так вёдра закрывают, дак весили замок на дужку, поверху на ночь, ложились спать и говорили: «Кто придёт-то по водичку, тот твой суженый». Где-то так во сне увидишь, и попросит воду, он

и есть» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

Кто наступит: «Снег насеют. Кто первый наступит, смотрят утром, так и жить будешь. Сапогом - богатой, лаптем - бедно» (с. Вильва).

Ложки крутить: «Ложки крутили в кадцах. На ложке буквой отметишь себя и парня. Крутишь, крутишь, все ложки сгрудятся, а одна в сторону отойдет. Какая буква на ней написана, на ту и мужа звать будут. Мне ложки правду сказали, муж Ваня у меня» (д. Лызиб, зап. от А.И. Чекотиной, 1936 г.р.).

По лошади: «Помню, еще это дома, шибко смешно. Двоюродная сестра у меня была Зоя. У нас там лошадь такая была беззаяда, она плохо ходила. К нам суседка пришла, говорит: «Девки, кто взамуж хочет, идите Савраска там поймите, завяжите лошаде глаза». Кто платки, кто чё возьмёт, завязывают Савраску. Сядем верьхом. Если лошадь пойдёт к воротам, значит, в нынешний год выйдешь взамуж. Она, лошадь-то, чё, слышит, что лошади-то там едят, она всё равно идёт к лошадям, а никак к воротам не идёт, к воротам ни в какую. Ездили, ездили, Зойка до того доездила, сарафан на себе порвала на ём» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р., Н.Ф. Пегушиной, 1930 г.р.).

На месяц смотреть: «На месяц-от зеркало ставишь, сколько у тебя будет семья, столько месяцев будет» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой); «А на луну, вот на зеркало наводили. Вот скоко ну-ко у меня детей будет? На зеркало. Как наводили, я счас забыла. И вот и считают, скоко месяцев выкатится, столько и детей будет. Слушались еще, кто чё говорит, в избе какое имя поминают» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

На ростани слушаться: «На перекрёстке дороги садились, закрывались таким пологом большим, и там сидели. Слушали, где что зашумит, в какой стороне. Девушки собирались, это на Крещение вот ворожили. На Новый год 14 января тоже ворожили» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Бегали на росстань. Вот туда дорога, туда дорога, туда. И бегали, слушали. Какая девушка загадат, если ей замуж выйти, то, значит, лошадки ржут, бежат. А если нет, чё-нибудь другое» (с. Касиб, зап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р., родом из д. Уловки).

На сон: «На Новый год завет делали, что приснится» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлевой, 1935 г.р.); «Пришла домой, легла спать. Лучину же щипали, светильню жгли. Я пришла, лучинка была нащипана, этаки палочки наломала. Так две палочки положила и эту положила, и ешшо, будто как мостик, и завешшала: «Ну-ко, если я выйду замуж нынче, дак привидься

мне тот жених». Только легла, уснула, и мой хозяин заходит с книжками, в том пальте, в котором за мной после приехал, в том пальте, и книжки за пазухой. И я проснулась! Так испугалась. И думаю, неужели, чё ему жениться-то. А уж ему было двадцать три года. Я знала его. Мы познакомились, робили в Тетериной, котлованы копали в сорок шестом году после войны. Он меня знал, так мы ничё с ним не делали. Только он меня знал, что в одной избе жили все, шисят человек нас было. Он за мной потом приехал. Он был кладовщиком. Вот тако место, точно, совпадаются» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.); «Клала шапку под подушку мужскую. На самом деле приснился. Мы с ним уже знакомы были, вот он мне и приснился» (с. Касиб).

Петуха выпускать: «Выпускали петуха, корыто с водой, с зерном коровочка, с бумагой, с хлебом. Куда он будет клевать. Зерно - богатой, хлебной будет, богатой, бумага - писарь, вода - пьяница» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлевой, 1935 г.р.); «Брали ещё четыре корыта, наливали чернила, рвали бумагу, насыпали зерно, наливали воду и выпускали петуха или курицу. Куда он подойдет, такой суженый у тебя и будет, если к чернилам - муж будет учитель, если к зерну - хлебно жить с мужем будем, если вода - будет пьяница, если бумага - писарем будет» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

Петухом и курицей: «Вот ворожили на Святки-то. Вокруг стола пустят петуха и да двух куриц. Он ходит, ходит, если девке выйти замуж-то, то он на стол вскочит и курицу за собой манит, тогда уже и курица на этот стол вскочит» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

Пирожником: «Ещё пирожник крутили на полозницах. Полозницы – это сани пройдут, след оставят. Она скрипит, а ты слушаешь, какого жениха-то выговариват» (д. Лызиб, зап. от У.М. Белкиной, 1926 г.р.).

Поленом: «На Рождество-то ещё гадали. Не глядя брали полено и несли к одинокой бабе, вдове. Как приносили, считали сучки, сколько сучков, столько и детей будет» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

Прорубь запирать: «Гадали, помню, на Святки. Я пролуб запирала. Пролуб долгая, но узенькая, скот там поили. Заком вроде как закрыла. Спать легла, ключ под подушку положила. Во сне, гляжу, мужик в Сорвино едет на серой лошади, Гурю своего и видела» (д. Лызиб, зап. от П.Е. Москвиной, 1906 г.р.).

С метлой кружиться: «Раньше гадала, с метлой кружилась. На перекрестке кружишься, кружишься, до того кружишься, что она сама выпадет. Где

метла падет, там и суженый будет. Смотрели, где веник показывает, с какой стороны» (с. Касиб).

Слушаться у переднего угла: «Ещё слушались ходили. Вот опять же Алёшка Стёпин-от. У его была мать Мария, а отец был Стёпа. И вот мы тоже девки молодые, дак молодые. Бегали. «Ну-ко пойдём к Марие, послушаем». А это, говорили, надо обязательно подслушивать. Передний угол там, мы стоим. Мария-то тоже со своим Степаном к окну-то сидели, старые. Чё-то розговаривают про Марию, про кого ли. И в этот год Стёпа привёз Марию из Мыса» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р., Н.Ф. Пегушина, 1930 г.р.).

Смотрели, кто идет: «Ещё вот через окно нитку проводили, на ней груз подвешивали, потом его как-то приделывали к окошку. Девка-то дёрнет, он тряхнет. «Кто там? Кто там?» Выбегут, смотрят. Вот если парень-то идёт, он и есть суженый-ряженный» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

Снег полоть: «Снег полют, ходят. У нас сейчас тут дорога, идёт туда и сюда, и полют. Снег наберут в подол, девка бросат, бросат и через себя бросит. «Полю, полю снежочек, где мой женишочек, там собачка взлает, колокольчик взбрякат». И потом падёшь во снег. Ну и идёт, если к тебе, то собака взлает, то человек заговорит. Если замуж выйти, то человек идёт, разговариват. Я сама это ходила» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситникова); «На росстани встанешь. Две дороги: «Полю, полю снежок, где мой женишок, там собачка злай или колокольчик зазвени». С какой стороны жених. Вроде и колокольчик почудится, где-то и собаки. А собаки всегда в деревне лают» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.); «Снег собирали в юбки, бросали. Когда пойдёшь на росстань, там вот где тропки-те. Я помню, дак я чуть ноги-те не ознобила. Встанешь на колени на ростани, вот и говоришь: «Суженый-ряженный, откуда ты? Если придёшь - покажися мне, а если нет, дак нет». Бегашь, бегашь, и ничё нету. Говорят, должен откликнуться» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р., Н.Ф. Пегушина, 1930 г.р.); «Они молодые были, ворожили. Снег пололи. На перекрёстках, где в ту сторону, там снег пололи, падали. Скажи, говорит, в которой стороне мой жених. Там собака залает ли, люди кашляют, разговаривают. А если собака лает, то мужик сердитый будет, собака» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб); «Ну, я выгадала себе жениха. И точно выпало. Взяли скатёрку четыре девки, её натянули. Я за этот угол, та за тот, тот за тот, тот - над головами. «Я полю, полю снежок, где мой женишок, там собачка взлай, колокольчик созвени». И падём! И слушаю. На меня загадали:

выйдешь ты замуж. Мне было восемнадцать уже. И мы пали туды. И верно, собака взлаяла с той стороны. Девки: «Ну, всё, тебе-ка придёт жених с той стороны». В тот год я вышла замуж» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Тын считать: «А и тын считали, забереешь тын: вдовец-молодец. Молодец - молодой будет» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлевой, 1935 г.р.); «Ворожили, кто как может. Схвачу забор - холост, женат, холост, женат. И вот так и получается» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.); «Считали: пуд или сусек, пуд или сусек, пуд или сусек. Сусек - значит, богатой жених будет. А пуд - бедной. На каком слове остановится, кончится тыновник» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Чертенка вызывать: «Тоже девки от девок учились. На бумаге нарисуешь круг, потом, это, пишешь «да» и «нет» на другой стороне, и спрашиваешь, выйду ли я замуж. Если «да», значит, да, «нет» - дак нет. Имена напишут: ну-ка, чёрт, скажи имя-то. Стрелка какая-то крутится - типа чертёнок крутит. А поди, девка какая крутит. Только приставлялися» (с. Касиб).

Яйца выливать: «Из яичек выливали в миску, мукицы ложили. Если бугорок - могила, умрёшь. Купол - церковь, замуж выйдешь. Одна девушка была, дружили мы с ней. Как-то ворожили, могила ей выпала. Умерла она скоро. А я замуж в Касиб вышла, церковь видела» (с. Касиб, зап. от П.С. Ярогиной, 1925 г.р., родилась в д. Конахино).

• Святочное ряженье

В Святки легко допускалось нарушение привычных норм поведения. В Соликамском районе святочные «проказы» молодежи были одной из форм обрядового поведения: «Двери ещё заморозят - на крыльцо не выйдешь. В Святки бегали. То дрова разбросают, бегают ребята. Я утром встану. У нас как солдат полно, там дров-то. Бегали, так друг у дружки чё-нибудь такое. Двери примораживали. Накладут по дверям в снях снегу, а потом водой зальют. Утром хоть как открывай - застыло» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р.); «На Святках бегали, пакостили, бегали по деревне. Бегали, дрова разбрасывали, поленницы толкали, девки и ребята вместе» (с. Касиб, зап. от К.С. Чекотиной, 1927 г.р.); «В Святки ходили, дрова раскидывали. Под окном ведь дрова есть, ходишь, раскидывашь. Молоденьки, стары-то нет, стары-то не ходили. Где-то двери приморозим, где-то чё» (с. Касиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1930 г.р., родом из д. Конопьево); «Нам старухи чё скажут, мы бегали. Чё натакают, то и делали. Где-то вот в две-

ри воды нальем, заморозим. Где-то на стене чё-нибудь напишем плохое» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекогиной, 1926 г.р.).

Все «шалости» обычно связывались с ряжеными - «шуликинами» (шуликанами, шуликунами, маскированными): «Ряженные - раньше шуликанами называли. Вот бегали они опять же на Рождество. Кто-то бегают, это вички-то наставят, это шуликаны. Потом дрова все разбросают - это опять шуликаны напакостили. Двери обмазывали сажей. Это опять шуликаны, на кого-то надо свалить эту вину. То ремки, то штаны бабы наденут, то на ноги лапти, юбки холщовые. Пойдет, на лицах косынками завязывали, ой, шуликаны. Шуликаны на бadoгах большущих. Вот и приставлялися. Кто с метлы вот так сядет и бежит, двери обольют, пеплу насыплют, воды. У нас двери обольют с пеплом; встанем, ругаемся - а кто, иди ищи - шуликуны. Танцуют, идут, токо ногами стучают да напевают - вот и музыка. В сковородки били. Топают, набрякивают, сковороду, таз, возьмут, ложкой и бьют. На заслонке играли брякой. Стучают заслонкой. В железный таз таратонили» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.). В данном случае поведение «шалости» ряженой, а иногда и неряженой молодежи соотносилось с «проказами» нечистой силы.

Ряженье широко бытовало в Соликамском районе, о чём свидетельствуют многочисленные воспоминания информаторов: «А очень интересно было вот, на Крещение ряженные ходили, снаряжались люди, ребята, девчата. Ну, это всё молодёжь делали. А после молодые уже бегали. Но взрослые не бегали. Оденут юбки, кофты пушистые, цветастые, нашьют ленты, разные оборки нашьют, завяжутся платками большими, подшалками. Им интересно было» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Кто в кого может рядились: кто старухой, кто стариком. Бегали. Ребята молодые, девки ходили друг ко дружке, то дрова разбросают, чё-нибудь такое делали. Плясали ходили. Смеются, придут да. Хохочут. С гармошками ходили» (д. Бельская, зап. от В.М. Пегушиной, 1929 г.р.); «На Святках маскировались ходили. Они вечером пришли и чудеса наделали. Тюль была натянута, надета такая худа, подпоясана этим кушаком красным. Оденут пониток на себя. Да юбки длинны холщовы, юбки всяки были. А натянута марлю. Шубу на леву сторону вывернут, рукавицы вывернет, все лохматое. И ходят по деревне-то, снаряжятся ходят. Стучают бadoгами, идут, настукивают, стук-стук, ничего не плясали, ниче не приплясывали. Стоят: «Хозяюшка, можно зайти?» - «Можно. Ну, заходите, заходите!». Если бражка есть, дак подаёт. В страшные вечера шуликаны бегали по деревне, маскировались. Наденут шапки да юбки, вот и пляшут, ходят по деревне. Такую шапку наденут да и

всё, треуху, вывернутую наоборот, вот и ходят, шуликины настоящие. Это страшные вечера, вот в Новый год, в новгородово Крещение, в последний день все, тогда уже не ходят» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.); «Сажей намажутся да идут по избам, песни поют, пляшут. Снаряжались всяко, шуликаны. Бывало и так, на улице повалят в снег, валенки скинут, далеко закинут, ходи ищи. В окошко постучат, убежат. Поленицу развалят» (д. Тетерина, зап. от П.А. Белкиной, 1901 г.р.).

Частыми персонажами святочного ряженья были старик со старухой: «Называли шуликины да как-то. Наряжались. То шубу наденут худую, фуфайку наденут худую. Под старуху или под старика. Если вдвоем - старик и старуха» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой). Часто при ряженье использовали самодельные берестяные, а позднее и бумажные маски: «На Святки ходили, снаряжались. Маску наденут. Из бумаги покрасят, вырежут. Тоже брови сделают» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб). Распространено было и ряженье покойником: «На Святках наряжались: на доску положат человека, нарядят. Как будто покойник, белым накроют и в избу ломятся. Так хозяева заругаются - не пускают» (с. Половодо, зап. от М.М. Мазуниной, 1921 г.р., родом из д. Санниково).

К редкому в Прикамье ритуальному святочному поведению следует отнести традицию опахивания на Святки селения, зафиксированную в деревне Тетерина: «Молодые парни, на Новый год особенно, это раньше, плугом-то всю деревню обпахнут, все соберутся, один сзади держал плуг, это чтобы девки замуж не выходили из этой деревни. Вот легенда такая вот. Впрягаемся человек по десять и тянем» (д. Тетерина, зап. от В.К. Белкина, 1914 г.р.). Само «опахивание», несомненно, достаточно архаично. Один из его смыслов, вероятно, следует усматривать в магической защите селения. Логична и предлагаемая информатором целевая установка, также направленная на проведение границы и «закрытие» своего пространства. В Куединском районе, например, «девки» во время святок, наоборот, разбирали изгородь вокруг селения, чтобы скорей выйти замуж в другие деревни¹.

• Святочные игрища

Святки были периодом, когда молодежь собиралась в домах для игр. Обычно для игрищ «откупался» нежилой дом, либо молодежь напрашивалась в дом «на игру» к одиноким хозяевам: «На Святки ребята выкупят дом.

¹ А.В. Черных. Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области. Пермь, 2003, с. 104.

Всю нидилю ходим пляшем да играем» (д. Лызиб, зап. от Т.П. Поповой, 1903 г.р., родом из д. М. Вильва). Отличие святочных игрищ от вечеров, проводившихся в другое время, было в том, что на святочные игрища приходили без работы. Многочисленные интересные и своеобразные святочные игры русских Северного Прикамья, в том числе Соликамского района, давно привлекли внимание фольклористов. Большое число записей святочных игр относится к 1970-1980-м гг., значительная их часть уже опубликована¹. Во время наших полевых исследований святочные игры вспоминали уже достаточно редко. В качестве примера мы приводим несколько игр, которые не встречаются в имеющихся публикациях:

Утка шла с-по бережку, да серая по крутому,

Детонек вела за собою:

- Да, детоньки, постойте, да, малые, погодите.

Я схожу недалечко, да в ту избу во швальну,

Да в той избе во швальне да шьют шубы новые,

Да петельки шелковые, да пуговики налитые.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

«Походенцы, на Святках ходят парами «Не с-по столичку рюмочки бренчат»:

Не с-по столичку рюмочки бренчат,

Не стаканы выговаривают.

Вдоль по горенке девица идет,

Она беленька, румяньенькая.

В чисто зеркальце смотрится,

Она молодцу глянется.

- Ой, молодец, молодец,

Отпусти-ка меня к мамоньке?

- Ишо что делать у маменьки,

Погости-ко у меня, у молодца,

Погляди-ка на меня, на молодца,

На мою да на походочку,

На мою да поговорочку.

¹ В.А. Альбинский, К.Э. Шумов. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Ленинград, 1991. С. 171-188.; К.И. Прокошева. Пал, пал перстенок: Игрища и круга в Прикамье. Москва, 1999; С.В. Хоробрых. Ченчи-баченчи: Детский игровой фольклор Верхнекамья. Пермь, 2001.

У меня походка частенькая,
Поговорка - речь хорошенькая.
Целовать его милешенькая
(д. Поськино, зап. от Ф.Ф. Титовой, 1902 г.р.).

«Походенцы ходить - есть песня «С-по логу, логу»:
С-по логу-логу две сестрицы шли.
Большая-то меньшую уговаривала:
Не сиди-ка, сестрица, одна у терему,
Не вскрывай-ка, девица, окошечка.
Не ровно к тебе, сестра, сокол залетит,
Соколочек залетит - молодец зайдет,
Молодец зайдет, поцелует да уйдет
(д. Поськино, зап. от П.М., Сазоновой, 1888 г.р.).

На святочных игрищах могла исполняться также игровая песня «Ехал мальчик молодой», типичная и для Троицких гуляний:

Ехал мальчик молодой да на лошадке вороной.
Против машинных ворот останавливался.
Останавливался, с Машей здоровствовался:
- Здравствуй, Машенька моя, спала шляпа со меня.
Возьми шляпу со пола, принадлежь-ка на меня.
Принаденешь на меня - посажу возле себя.
Посажу возле себя, спрошу, любишь ли меня.
- Я любить-то не люблю, отказаться не могу,
За праву руку возьму, вдоль по горнице пройду,
Вдоль по горнице пройду, целованье заведу
(с. В. Мошево, зап. от Н.Т. Пономаревой, 1913 г.р. «Пелась в святки на вечеринках. Два человека, молодец и девица, ходили по избе, взявшись за руки, про них пели»).

Хорошо известна на святочных вечорках и плясовая песня «У ворот девка стоит» с любовным сюжетом:

У ворот девка стоит,
Бело личико горит,
Сама плачет-говорит:
- Мой-от миленький сердит.

Мой-от миленький сердит,
Ничего не говорит,
Ничего не говорит,
Во зеленый сад манит:
- Пойдем, Сашенька, в садок,
Сорвём с травоньки цветок
И завяжем в узелок.
- Я немножко погожу,
С-по горенке похожу,
С-по горенке похожу,
Узелочек развяжу,
Узелочек развяжу,
На цветочек погляжу.
Ещё вянет ли не вянет
Мой лазоревый цветок,
Ещё тужит ли не тужит
По мне миленький дружок?
С-по матушке, с-по Москве,
Петроградской улице,
Сидят девки в горнице,
Смотрят сквозь оконницу,
Сквозь немецкое стекло.
У вдовушки у вдовой
Две дочушки хороши.
Что одна-то побеляе,
Всем молодцам помиляе.
Что другая черноброва,
Завсегда плясать готова.
Она плясала, вертелась,
Парню взять её хотелось.
Она плясала, скакала,
Парню на руки упала.
На руках долго лежала,
Соскочила, убежала.
До конторы добежала.
Во конторе во новой
Стоит столик дубовой.

Как за этим за столом
Сидит писарь молодой.
- Ох, ты, писарь-голова,
Рассуди наши дела,
Мне контора не мила

(с. В. Мошево, зап. от А.П. Гилевой).

Песня «Я бегу, бегу с-по поженкам» сопровождала поцелуйные святочные игры молодежи:

Я бегу, бегу с-по поженкам, добегаю до часовенки.
На часовенке два голубя сидят.
Один голубь ничего не говорит, другой голубь разговаривает.
Завтра в городе гулянье будет, мой-от миленький гулять пойдет,
Меня, девицу, гулять возьмет, поцелует да назад уйдёт

(с. В. Мошево, зап. от А.П. Гилевой).

• Крещение

Крещение (19 января) завершало целый цикл святочных праздников. В ночь на Крещение проводили последние гадания. Верили, что именно в крещенскую ночь нечистая сила, разгуливавшая в Святки по земле, возвращается на место, стараясь задержаться в домах, поэтому и проводили охранительные ритуалы, «чтоб нечисть не зашла»: «На Крещение вообще надо кресты на окнах рисовать мелом и в бане на дверях, беса так закрепощивают» (с. Городище, зап. от Е.И. Поповой, 1915 г.р., родом из д. Бакалдиha); «Накануне Крещения обязательно крестики ставили. Всё вымоем - всё, всё. Мелом, обязательно мелом ставили на окнах, на дверях - везде мелом ставили крестики. Это чтобы вроде болезнь не заходила никакая» (д. Лызиб); «Чтобы в дом никто не заходил худой до будущего года, на окнах и дверях ставили кресты от нечистой силы. После Крещения никто из нечистой силы в дом зайти не может» (с. Половодово, зап. от М.М. Мазуниной, 1921 г.р., родом из д. Санниково); «Крестики на каждое окно ставишь и говоришь: «Выйди, нечистой дух!» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

В Соликамском районе, как мы отмечали, святочными демоническими персонажами были шуликины, от которых в некоторых рассказах информаторов и зачерчивали дома и ограды: «Кресты рисовали. Дома кресты обязательно. Заходишь вот в избу, на улице, во хлеве, во дворе и дома. А это «шуликины» чтоб не бегали. Нечистая сила. Крестики не поставили если -

нечиста сила идет» (с. Касиб, зап. от А.И. Жулановой, 1924 г.р., родом из д. Мысы).

Праздник Крещения связывали с крещением Иисуса Христа, поэтому повсеместно в прошлом в деревнях совершалось водосвятие: «У нас церковь была, дак на реку ходили люди. Воду-то на реке-то окрестят» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.); «А на Крещенье, свекор мне рассказывал, на реке вырубали прорубь под вид креста и даже приводили туда лошадей или их окропляли у проруби» (с. Касиб, зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г.р.). Почти все наши информаторы рассказывали, что святой является лишь вода, принесенная из церкви: «Святую воду в церкви берем» (с. Касиб); «Ходили старухи, нам говорили, святую воду брали да чё. В церкву ходят старухи, какую-то воду приносили святую» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

Если до церкви было далеко, крещенскую воду не освящали, а просто набирали в полночь на речке или на роднике. Считалось, что вода, набранная в особый день и в особое время, обладала теми же свойствами, что и освященная. В советское время так набирать воду стали и в селах, так как большинство церквей было закрыто: «Крещение отмечают. Раньше воду в церкви брали, а сейчас в ричке везде, можно на роднике» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Святая вода обладала очистительными свойствами, ею умывались, кропили дома, скот: «Воду из церкви приносили, приходишь, ей брызжешь» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.). В некоторых случаях и купались в проруби в Крещение: «В церкви воду святили. В двенадцать часов идут уже на речку, кропят. Прорубь делают. Там которы купаются» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

Утром в Крещение крещенской водой святили колодцы: «В Крещение ходили воду святить, раньше колодец святили, обливали. Святой водой в колодец лили. Тетка родная шибко богомольная была, она Библию прочитает, сколько молитв, освятит» (с. Касиб); «По колодцам ходили у нас, воду святили святой водой в Крещенье. В воду крестик опускали и святую воду лили» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

• Сретенье

От Святок до Масленицы практически не было больших праздников и почитаемых дней. Этот период был временем свадеб, которые заканчивались к Масленице. Особо почитался праздник Сретения (15 февраля). Название

праздника и его положение в конце зимы связывались в народной традиции с границей зимы и лета: «Устритенье быват, зима с летом встретится. Это в феврале месяце пятнадцатого. Устритенье - зима с летом встретится» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

• Масленица

Масленичные праздники в Соликамском районе также были одним из наиболее развернутых обрядовых циклов годового календаря. Основным содержанием празднования Масленицы были катания с гор и катания на конях, обильное масленичное угощение, особые обычаи с молодоженами, гостевание, ряженье и проводы Масленицы.

Празднование Масленицы растягивалось более чем на недельный срок. Началом Масленицы можно считать последнее воскресенье перед масленичной неделей, в которое, как правило, стряпали пельмени, так как в Масленицу мясного уже не ели. С этих же дней молодежь начинала готовить катушки для катания: «В Загонье робята катушку наладят, мы ходим поливам, песни поем» (д. Лызиб, зап. от Т.П. Поповой, 1903 г.р., родом из д. М. Вильва). Ритуалы Масленицы завершались её проводами в последнее воскресенье и Чистый понедельник - понедельник первой недели Великого поста.

Масленичный стол заметно отличался от обычного. «На Масленицу целую неделю пекли» (с. Половодово). Главным масленичным блюдом были блины, а также шаньги, оладьи, пироги: «Шаньги стряпали да оладьи стряпали, да вот такое стряпали, да где-то брагу сделают да пиво, вот и всё» (с. Касиб, зап. от А.Е. Пантелеевой, 1928 г.р.); «Бражку, пиво на Масленицу делали, с этого и не спивались. У Бельских бабушка была, десять ведёр, кадцу пива делала и бражки флягу, и все выпивалось. Шаньги, блины мама целую гору настряпает, а к вечеру все съедим» (с. Касиб); «На Масленую обязательно на стол подавали рыбу и рыбный пирог» (г. Соликамск); «На Масленицу неделю пекли оладьи ячменные, из белой муки только в субботу-воскресенье. Кто побогаче - всю неделю пекут из белой» (с. Половодово, зап. от М.И. Мальцевой, 1912 г.р., родом из д. Харино). Остатки масленичной пищи, приготовленной на молоке и масле, сушили и прибирали до Пасхи: «Стряпают, стряпают, потом не съедят, потом старухи-то сушили да прибирали. Нельзя есть молосно, а мы, маленькие, воровали, всё равно ели» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

Катание с гор - один из главных элементов праздника. Для катания на

Масленице могли использовать естественные угоры, берега рек, которые расчищали, заливали, устраивали помосты или раскатывали к празднику: «С горы катались даже на санках, и даже конские сани брали. Там уже очень много насядут, человек по десять, по двенадцать катались с горы» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Катушку делают на горе, по реке-то вычистят, дак далекуше» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Как не катались, у нас вон какая гора, уж как катались. Знай, держись. А катушки у нас здесь нет, у нас с горы катались» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.); «У нас угор был большущий. Мы к Масленке его поливали, чистили, воду возили на санях. Все это сделаем, а в масленку кататься идем. Да на всем катались. И на санях, и на елках прямо с горы. Елки ставили рядом с угором, ну, а потом на их-то и катались» (д. Тетерина, зап. от А.И. Неверовой, 1915 г.р.); «На Масленку мы раньше-то катались, катушку делали. У нас там в Лызибе-то берег на реку, там подладим и водой, пруд-от рядом был, большущий был пруд, водой польём и катались» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб).

Часто строили и специальные катки и катушки: «Катки уже старики делали. Специально заморозят столбы, крыльцо такое сделают. Потом тёсом настил сделают и польют водой, морозы сильные были, водой обольют и всё застынет, и катались. А каток расчистят площадь, на километр катались. По всей улице разгребут, и катались» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.); «Снег, в Масленку он прилипает, комками катают, складывают, потом наливают. Сёдня воды нальют, вода маленько уйдёт, замерзает. Наморозят, обольют, она вся как ледяная катушка» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «У нас катушку делали большую. Не из снега, столбы ставили, замораживали, она высокая, там лесенка, по ей залезали. А тут из снега. Под был до самого родника прогребён раньше. Под - дорожка, по которой катаемся, раньше «под» назывался. Как сядешь сверху - и до самого родника» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

В небольших деревнях устраивали, как правило, одну катушку, в больших деревнях и селах их могло быть и несколько: «Катушки у нас в улице делали, с этой горы все туда выкатывали. У Касиба в середине катушку делали. Вот две катушки в Касибе было. Катушки высокие были» (с. Касиб). Кататься обычно начинали с четверга масленичной недели, а заканчивали в воскресенье: «В воскресенье уже последний день катались. С пятницы начинали кататься, суббота, воскресенье» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.).

Для катания с гор использовались не только санки (их называли здесь «кочи» и «ковашки»: «Всю масленицу катались на снях да на кочах: кочами-те железные скованные санки называют у нас» - с. Вильва). «На берёсте катались» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Корыто есть, дак на корыте катаются, на санках катаются» (д. Лызиб); «Сани возьмут на конном дворе, катаются - только шум идет» (д. Тетерина). Многие приспособления для катания специально готовили к масленой неделе: «На Масленицу ковры катали. Девки из соломы навяжут, сантиметров пятьдесят такая подстилка, да на этих коврах с горы-то и катаются, а парни в последний день Масленицы ковры отбирают да и зажигают» (д. Володино); «А там табор сделают из досок. Сделают табора. Из досок. Больше метра доска, человек пять седем. По краям, в серёдку, назад сядут. Так катались» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс); «Лотки делали. Вот плаха толстая, сбивалась немножко, чтоб он не запинаясь, поливают, а сзади человек три катится» (п. Тюлькино, зап. от А.П. Поповой, 1920 г.р.); «На скачках катались. Скачки такие кованые, как санки, на их быстрее, они кованы. Он летит, так укатает» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.). «Катками» называли небольшие дощечки, подбитые железом: «Узенькие полоски прикованы были к деревяшкам, катками их звали, каткие были» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

В деревне Малая Вильва выходить в первый день кататься было принято нарядными, с ленточками: «В четверг пойдешь кататься. Ленточки опять вяжешь, покатишься с катушки, ленточки за тобой летят. Шибко браво было. Четверг - первый день, с катушки катамся» (д. Лызиб, зап. от Т.П. Поповой, 1903 г.р., родом из д. М. Вильва).

К последним дням Масленицы приурочивались и катания на конях: «На конях ещё катались. Лошадь имели, дак запрягали, и все в кошовку во колокольцы, и едем кататься. К этой Масленке уже веники привяжут, на это и на дугу, оно шумит. Веники шумят, она летит» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.); «На лошадах катались. Ленточки привязывали на дугу, на лошадку накинута, всё украсят. Или какой-нибудь скатёркой красивой. Колокольчики привязывали. А в середину, назывался, круглый, не колокольчик, а шабаркун называли, он другим звуком. А по сторонам колокольчики» (с. Касиб, зап. от А.С. Баханова, 1930 г.р., родом из д. Уловки); «На конях-то катались, это тоже в Масленку, снаредят их да. Ленточки навешают да покрывало на лошадь-то наденут. Колокольца были. Счас ни одного нету» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс). В деревне

Тетерина отмечали, что на Масленицу катались не только в своей деревне, но ездили и в соседние: «На конях мы катались по деревням. Тогда же семь-восемь деревень на одном километре было, вот мы и ездили с песнями, с гармошками. А взрослые тогда с нами вообще не ездили, одна молодежь, девки да ребята. Интересно катались, кругом как поедут - шум стоит. Розвальни, дак человек, наверно, восемь войдет. Писни ревут, хохочут. Частушки пели» (д. Тетерина, зап. от А.И. Неверовой, 1915 г.р.).

В состав масленичной обрядности русских входили обычаи, связанные с молодоженами. Как мы отмечали, масленица завершала собой период свадеб, к Масленице в Северном Прикамье часто приурочивались даже отдельные этапы свадьбы - «хлибины», гощение молодых у своих родственников: «На хлибины на Масленой зовут. Угощают. Зять приедет на хлибины в четверг» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). Чествование новобрачных на Масленицу дает повод исследователям связывать происхождение праздника с культом молодоженов¹. Разнообразные действия совершались с молодыми и в Соликамском районе (чаще всего они приурочивались к последним дням Масленицы).

Одним из самых распространенных масленичных обычаев с молодоженами была поездка зятя к теще на блины в один из последних дней недели: «К теще на блины ездили на воскресенье. Зятю блины кидашь через матицу, горы стряпаешь, много приезжат гостей-то» (с. Касиб); «Подошла Масленица, и всё, и обязательно едет жених со своей женой к теще на блины. Их как гостей принимают, как же зятя не принять, хлебом-солью встретит и за стол посадит, тут уж пир горой пойдёт. Блины масленые. Блины-то уж обязательно. Разные кушанья бывают на столе, какие уж она может готовить. Но блины-то уж обязательно. Первым делом уже блины. Кто блины пёк квашеные, кислые, а кто и пресные: молоко, яйцо, мука и всё - блины. Пирог рыбный, суп обязательно, мясо. Они могут там сутки двои-трои жить. Могут и до Чистого понедельника жить. А в Чистый понедельник уже всё, ни-ни-ни, ни одной шаньги, ни одного блина, там уже еда будет постная» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). В некоторых деревнях теща «испытывала» блинами приехавшего молодого зятя: «Молодые, кто первый год живут, по зятю в четверг ездили. Теща блинами кормит зятьев. Первый блин сверху клали, а под него остальные углом сворачивали. Так первый блин полный маслом налитый был. Зятек, давай, кушай. Который

¹ В.К. Соколова. Весенне-летние календарные праздники и обряды русских, украинцев, белорусов. Москва, 1979, с. 30.

знает - дырочку прорвет в блине, масло вниз и уйдет. А который не знает - обольется весь» (с. Городище, зап. от Е.И. Поповой, 1915 г.р., родом из д. Бакалдиha).

В селе Касиб бытовал интересный обычай, приуроченный к последнему дню Масленицы - «молодух целовать»: «Старушки бегали, нас, молодух, целовали. Пойдём, говорит, молодух целовать, да как влетят эти бабы пожилые! На брагу собирали - подадут ведь. На Целовник ведь, брагу ладят, дак они и бегают: там подадут, там подадут - так и бегают целый день. Кто-то вина давал. Они молодух целовали, и молодуха им брагу подавала» (с. Касиб). Другие информаторы вспоминали, что бытовал не только обход домов, где жили молодожены, но и другой обычай - собираться наряженным молодым людям возле катушек: «В Масленицу невест наряжали, которые вышли замуж первый год. Они на катушку приходят в косынках, в кокурках, нарядные. Стояли, их целуют, катают. У катушки стоят. Женщины подходят, их целуют. Один день только - в Человник» (с. Касиб).

Молодые были в центре внимания и на масленичных катушках, где непременно старались на них прокатиться: «Первое время сошлись с ним, пошли на Масленицу на катушку, дак на нас ездили, молодые дак» (с. Касиб); «В Масленицу на горе катушку делали, на катушке на молодых нападают да на них катаются» (д. Лызиб, зап. от У.М. Белкиной, 1926 г.р.). Принято было также катать молодых на конях: «Лошадей украсят, дуги украсят лентами, колокольчики навешают. Катались на саях, на лошадях. Вот молодых-то уж тогда катали! С таким удовольствием уже тогда катали. Кошёвки расписные, посадят их, кучер на облучке сидит, гармошка. Вот уж тогда молодые катались. И к товарищам в гости ездили к остальным» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

Пожалуй, самым интересным масленичным днем было воскресенье, в которое провожали Масленицу. Именно к этому дню было приурочено наибольшее число разнообразных обрядовых действий. Последнее воскресенье масленицы было известно в соликамских деревнях под названиями **Целовник, Человник, Прощеное воскресенье**. В деревне Володино, например, в последний день наряжали масленичное чучело: «Вот в последний день масленицы возьмут кобылу, лошадь, чучело сделают, ездят по деревне-то. Чучело-то, вот барахла всякого наташат, как человека сделают, платье оденут, веники навешают, шапку оденут, катаются, не жгут его. Вот ещё отец какой хороший лошадь даст, вот её запрягут, встанут в сани-то на ноги девки-то и так по деревне ездят, песни режут» (д. Володино, зап. от

М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.). В этой же деревне к этому дню приурочивалось и ряженье, главным атрибутом которого были веники: «В Последний день Масленицы мужик шубу выворотит, идёт по деревне, в руках веники с листьями держит, на шее тоже веники, идёт по деревне, а мы маленькие: «Говинье идёт! Говинье! Надо постное есть» (д. Володино). В деревне Тетерина вечером Прощеного воскресенья разжигали костры на катушках: «Костры жгли, где катались» (д. Тетерина, зап. от П.М. Белкиной, 1919 г.р.). В деревне Лызиб отмечали, что вечером последнего дня также зажигали огни: «На бадог наматают, наматают тряпку, зажгут её, и вот и бегали» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс).

В Целовник, а иногда и в другие масленичные дни принято было ходить ряжеными: «Шибко на Масленицу снаряжались, очень здорово. Так же шубы наденут, накрасят, маски на себя наложат всякие, подвяжут это всё и ходили. Шубы вывернут наизнанку и этим, шерстью, мохнатым всё наружу. Песню поют, натапцуются, напляшутся, к кому зайдут в избу ряженные, вот» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). В селе Вильва при проводах праздника рядились в Масленку: «Масленка бегат по деревне. Снаредятся тоже. Человек снаредится. Хоть я снаряжуся, шубу выверну на левую сторону и по деревне» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

• Чистый понедельник

Следующим днем за Масленичным воскресеньем был Чистый понедельник - первый день Великого поста. Обряды Чистого понедельника были связаны с идеей очищения от скоромной пищи, от масленичного разгула: «В Чистый понедельник уж все съедали, что было настряпано, больше уж не стряпают» (с. Касиб); «В Чистый понедельник какая стряпня останется, доедали её и больше не стряпали» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мысы); «Чистым» понедельник называли потому, что наступает Великое говинье - Великий пост. В этот понедельник всё, что было в Масленицу, вся пища жирная - там шаньги, ну, всё-всё, что было - всё это засушивали и ничего жирного на стол уже не ставили, всё это зачистивали уже. Сушили: ну, морозить уже нельзя было, даже пельмени и те сушили. Вот если остались где-то мясные пельмени, их бабушка сушила в печке. А потом на Пасхе всё это в супы ложит, а шаньги так грызть давали» (д. Лызиб). «Так и говорят, что в Чистый понедельник надо всё подчистить всё - всё, что настряпали на Масленую, всё прибирают. Вот и всё подчистить надо» (с. Касиб).

В Соликамском районе к Чистому понедельнику приурочивались также последние, завершающие обряды Масленицы. В некоторых деревнях было принято ходить доедать и собирать остатки масленичной пищи: «Мужики ходили, и бабы ходили и в Масленку, и в Чистый понидильник-от по чашка-бражки: «Иди, у меня по чашка-бражки». Придём, соберёмся» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Почти повсеместно в Соликамском районе в последний день Масленицы, а чаще всего на Чистый понедельник совершался обход ряжеными, которые «следили» за тем, как «народ постится». Нерадивых наказывали: «В Чистой понедельник снаряжались, шубу навыворот, бегают, кого увидят - хлещут венником. Мы поменьше - убегали, шуликин ходит» (с. Касиб); «Ещё наряжались кто в кого: кто в деда, кто в бабу, на лошадях в понедельник-то ездили. В деда рядились, в бороду кудель делали, сажей мазались. Запон да чё раньше был. Вицей хрястали и кричали: «Не ешьте мясное!». В Чистый понедельник тех, кто пил молоко, били вичками, чтобы знал, как надо поститься» (д. Никино, зап. от В.Г. Пантелеева, 1924 г.р.); «Вот снаряжались всяко, шубы выворачивали, раньше эти, дублёны были-то. Её выворотят и ходят, как медведи. И снаряжаются с плетью, кто молосно наестся, того плетью хлесть да хлесть. Узнавали, сказывали: «Он сегодня наелся молосну». Это в понедельник ходили, во вторник уже баню топили, умывались все, вымоются, вот все эти грехи и снимут» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

«А в Чистый понедельник тоже снаряжались после Масленки. И зайдут, если только увидят, что кто-то если ещё кушает молосное, масленое такое кушает, специально с собой носили редьку. Возьмут этого человека, так редькой лицо натрут. Тот визжит, ревёт. «Не ешь молосное, пост великий» (с. Вильва, М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). Возможно, ряжение и обход домов с целью узнать, кто как постится, приурочивались не только к Чистому понедельнику. Информаторы указывали и другие даты подобного ряженья. В частности, упоминается такое ряжение на Пасху: «Буки на Пасху ходили. Кто молосное ест, того плетью били. Они с плетью ходят. Шубы возьмут, вывернут, переоденутся, чтобы не узнали его, и ходят. Они на Пасху ходят. Вот буки ходят, пугают. Где-то на качели качаются, пугают: «Вот там пуженый идёт, вот буки идут». На левую сторону шубы наденут, рукава всё вывернут, как медвежонки. Я помню, маленький был. Они нас поймают: «Молосное едите, нет?». Если ешь молосно, то тихонько тебя плетью стукнут: «Нельзя молосно есть». В Пасху-то молосное едят, шаньги стряпают,

олады. В Паску ходили. Раньше на праздники-то шаньги не спрашивали» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс); «На Пасху мужики одевались в вывернутые шубы и ходили по деревне с вичками в руках, заходили в дома и смотрели, кто как постится. Если плохо постились, тех били вичками» (с. Коса). Не исключено, впрочем, что ряженье в данном контексте информаторами связывается с пасхальной датой лишь по ошибке.

• ПРЕСТОЛЬНЫЕ И МЕСТНОЧТИМЫЕ ПРАЗДНИКИ •

Круг коллективных праздников в любой местности дополнялся местночтимыми и престольными праздниками, которые особо почитались в той или иной деревне. Они нередко назывались не только престольными, но и «обещанными», «обетными» («обветными»): «Егорьев день, 6 мая, и день Параскевы Пятницы, 10 ноября - праздники какие-то обещанные были: обещанная пятница бывает весной и в ноябре, десятого числа, делают тогда обещания насчёт скота. Весной-то обещанный праздник живёт в май, шестого числа» (с. Вильва); «Обещанная пятница осенью, в ноябре, скотину окуривают, молебен служат, чтобы на скотину ускотья не было, чтобы плодилась» (с. Касиб); «У нас-то обещанный праздник - Спасов день» (д. Толстик).

Престольные праздники были установлены в каждой деревне или нескольких деревнях и, как правило, не повторялись: «В Вильве самые главные праздника - два, это Ильин день (2 августа) и Крещение (19 января). Церковь была здесь, а приход был большой. Чтобы батюшка мог, как-то люди из одной деревни в другую могли сюда приходить, не все в один праздник. Вот в Пегушино Петров день (12 июля) престольный праздник. В деревнях Тетерина и Белкина Успеньев день (27 августа). В Тюлькино Егорьев день (17 ноября). И ещё был у них шестого мая тоже Егорьев день. В Касибе Покров день (14 октября). В Дуброво Алену справляли второго июня. Я знаю, у меня подружка дубровская, она родилась в Алёну, в этот день они всегда отмечали» (с. Касиб, зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г.р.); «Старый Новый год справляют в Сорвино и у нас. Здесь Иванов день справляют отдельно. У нас в Сорвино Спасов день справляли раньше. Второй Спас справляли. А третий двадцать девятого бывает, дак его не знаю, где-то в Мысу ли где-то там справляли» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

Такие праздники называли также годовыми, а часто говорили о них -

«наш праздник». В экспедициях нам удалось получить информацию о престольных праздниках в некоторых соликамских деревнях. В селе Вильва, например, престольными праздниками считались Крещение и Ильин день: «В Вильве самые главные праздники - Ильин день второго августа и Крещение девятнадцатого января. Это считаются коренные вильвенские именно» (с. Касиб, зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г.р., родом из с. Вильва). В селе Вильва известны ещё два местнотимых праздника - Вильвенские пятницы (отмечался весной и осенью, некоторыми информаторами также считался престольным, и к нему приурочивалось гостевание: «Престольный Вильвенская Пятница в Вильве была», д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.); «Вот в мае, второго мая живёт Вильвенская Пятница, и десятого ноября. Мы всё ездили в гости к матери» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.). Вильвенскую пятницу называли и «Наша пятница», «Наша девята», «Осенняя пятница», чтобы противопоставить праздник соликамской Девятой пятнице: «Осённа пятница, десятого ноября гуляли» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.): «Праздник был, назывался «Наша пятница» (с. Вильва, зап. от Е.Я. Баяндиной, 1913 г.р.). В близлежащих соседних деревнях престольные праздники повторялись: «Зуева, Вильва, Соколово, Дуброво, Запольцы - это всё один приход был, всё одни и те же праздники справляют» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.). В соседней деревне Косогор престольные праздники повторяли вильвенские, собственно своим праздником считался Спасов день: «В Косогоре у нас был Ильин день, Спасов день, Крешеннё, Вильвенска Пятница, это десятого ноября, в числе. В мае, там Пятница Парасковия. Вильвенский приход был, церковь вильвенска была. Мы относились к Вильве» (д. Лызиб, зап. от Е.Д. Мальцевой, 1932 г.р.).

Тихвинская - день почитания иконы Тихвинской Божьей матери. Это местнотимый праздник в деревне Дурино (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). В деревне Дубы «Пантелеймонов день - престол, это Богу молились девятого августа» (с. Касиб, зап. от Е.А. Шибановой, 1926 г.р., родом из д. Дубы). Одним из престольных праздников в селе Жуланово был Прокопьев день: «Престол у нас - Прокопьев день» (с. Касиб, зап. от П.И. Рызаевой, 1935 г.р., родом из с. Жуланово).

В селе Касиб и деревне Бельская престольными считались Покров и Миколин день в мае. «Престольные праздники: Покров, Новый год и Миколин день весенний (22 мая). Три праздника у нас было» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). В соседней деревне Лызиб своим престольным праз-

дником, кроме того, считался Иванов день: «А в Касибе что у нас, то и там у их. У нас Иванов день только в Лызибе» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р., родом из д. Мыс).

В деревне Мыс был престольным Николин день (22 мая). «Потом Покров четырнадцатого октября был. Потом Новый год, и всё» (с. Касиб, зап. от А.И. Жулановой, 1924 г.р., родом из д. Мыс); «Спасов день у нас был на Мысу» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р.). А.С. Баханова, 1930 г.р., из деревни Уловки отмечает такие престольные праздники в своей деревне: «Праздник был летом, Петров день, двенадцатого июля, а зимой - Рождество сегого числа. Осенью двадцать пятого сентября Семёнов день какой был». В посёлке Тюлькино вспоминали такие престольные праздники: «Престольный праздник вот Спасов день девятнадцатого августа. Петров день у нас был престольный праздник двенадцатого июля, Егорий - весной и осенью» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.). В селе Касиб М.Е. Пантелеева, 1932 г.р., так рассказывала о престольных праздниках своей родной деревни: «В разных местах разные праздники справляли. Родники и Малиновка были, дак так Малина-Родники и называли. Ну, Егорьев день праздновали. В январе Крещение справляли». В деревне Порошино и Пегушино «Рождество Христовое было в Порошиной, Пегушиной» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). В Пегушиной годовым праздником был также Петров день: «Престол в Пегушино Петров день, праздник» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

Подготовка к престольным праздникам растягивалась на длительное время. К праздникам прибирали в домах, мыли: «В Пегушино праздник престол Петров день. Дак до Петрова дня всё везде вымоешь, половики постелешь» (с. Вильва); «Обязательно перед праздником-то вилки, чашки, ложки носили на реку мыть, ухваты носили, чтобы они там все заблестели, в избе всё перемоют» (с. Вильва, зап. от А.Н. Мальцевой). К праздникам готовили пиво и брагу, стряпали: «Обязательно на Ильин день пироги стряпали из шуки и обязательно ягодну шаньгу делали. Её уж перво дело на Ильин день-то. Из черники делали шаньгу-то в каждом доме» (с. Вильва, зап. от А.Н. Мальцевой); «Раньше к этому празднику варили пиво, обычно много. В это время должна была рожь поспевать, вот и варили из свежей ржи пиво. Делали брагу. И если хозяйка сварила пиво, то самое первое пиво (оно такое темное и хорошее, вкусное) она оставляла для самых дорогих, лучших гостей. В этот день пироги пекли, шаньги» (с. Касиб, зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г.р.). В селе Касиб, где отмечали как престольные праздники Покров

и Старый Новый год, отмечали, что к Покрову готовили пиво, а к Новому году – брагу: «Пива варили. У всех пиво было. В Новый год не варили, а в Покров варили пива. В Новый год бражку. Утром накуасим, вечером пьём» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб).

Одним из неотъемлемых элементов престольных праздников было посещение церкви или часовни, совершение крестных ходов, служб в домах. В советское время, хотя традиция празднования престолов сохранялась, церковные ритуалы уже не исполнялись. В некоторых случаях информаторы отмечали в прошлом лишь домашние моления в почитаемые праздники: «Сами собой молились в престольные, конечно. Мама покойная, утром встанут, Богу помолятся» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

Престольные праздники отличались от обычных тем, что к ним приурочивалось гостевание родственников из соседних деревень: «Ильин день праздник не у нас, а в Вильве его праздновали, а наши туда в гости ездили» (п. Тюлькино, зап. от А.П. Поповой, 1920 г.р.); «Ильин день у нас был праздник, это шибко хорошее. Здесь праздник был, гости были. Тогда, ой, гости у нас по человек двадцать было. Везде спят: на повитях, в той избе, под окошком, где попало! У меня брат гармошкой играл здорово, он в Боровске жил. Дак он ведь придёт сюда с гармошкой, дак вся деревня всю ночь пляшут. Человек пятьдесят соберётся» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р., родом из Пегушинского промколхоза, в д. Зуева с 1948 г.). Гостевать, ходить по домам и угощаться в престольные праздники было принято не только приезжим родственникам: «Ходим по деревне из дома в дом, да и всё» (п. Тюлькино); «У нас там околоток был, сколько домов - дом, два, три, четыре, - домов шесь; друг ко дружке ходили на Покров. А на Новый год тоже так же. Своя родня да сусиди да. Тоже друг ко дружке ходили» (с. Касиб, зап. от Н.С. Чистоговой, 1931 г.р., родом из д. Лызиб); «А свои местные мужчины обычно какими-то компаниями. Вот сегодня я у вас вечер, пришли, они сидят. Посидели, посидели, пиво попили. Пошли к соседу, там кучкой посидели, посидели. Пошли к следующему. Обхаживали. Они могут два дня ходить, а могут три» (с. Касиб, зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г. р.).

К престольным праздникам приурочивались и гуляния: «Спасов день был у нас, тоже гуляли вечерами. Как вечером пойдёшь с того конца, до другого конца идёшь, с гармонью играют и песни поют, пляшут» (с. Касиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1930 г.р., родом из д. Конопьево.); «Ильин день здесь. Раньше-то его весело отмечали. У нас к Ильину дню мошевлиана ходили на

луга, тюлькинцы и наши. В Ильин день они все, все в Зуевой. Все придут они, целую ночь и гармошки и всё тут. Утром встанут, опять все на работу идут. Вечером опять обратно все придут» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

• Девятая пятница

Самым большим и почитаемым местным праздником среди жителей Соликамского района была, безусловно, Девятая пятница, праздник, пришедший на девятую пятницу после Пасхи. Соликамск, сложившийся как один из самых значимых православных центров Северного Прикамья, значительно влиял и на сельскую округу. В городской среде в праздновании Девятой и других праздников важное место отводилось крестным ходам и церковным службам. Во время полевых исследований 2000-х гг. нам уже не приходилось встречать информаторов, прямых участников праздника, однако народная память ещё сохранила память о празднике. Рассказывали о происхождении праздника: «Татара всё нападали, татарские дети ли. Нападали они на Соликамск. Набеги делали. Потом их отбили и установили праздник Девятая пятница» (п. Тюлькино, зап. от А.Ф. Попова, 1928 г.р.). Священнику А. Луканину было известно и другое предание: «Когда-то была среди дня необыкновенная мгла, и народ, видя в этом чрезвычайном явлении прещение (???) Божие, обратился к Богу с молитвою и положил обет совершать крестный ход в девятую пятницу»¹. Однако историки склонны считать, что крестный ход и почитание праздника возникли по инициативе местного духовенства после третьего сожжения Соликамска в 1581 г. сибирским отрядом во главе с пелымским князем Кихеком² - «по обещании жителей в благодарственное воспоминание избавления от вражеского нашествия»³.

Для правобережных деревень Соликамского района важным был не только сам праздник, но и подготовка к нему и прием паломников коми-пермяков, приходящих к празднику: «Пермяки ходили, в котлах идёт, лапти на плечах несут. Специально делали для них квас. Они шли очень издалека,

¹ А. Луканин. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882, с. 76.

² Г.Н. Чагин. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии: Избранные тр. / Пермский гос. ун-т. - Пермь, 2002, с. 68.

³ А. Луканин. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882, с. 76.

дак с ночевой. Их ждали, все говорили: «Вот придут пермяки к Девятой». Старушки ребят маленьких ведут крестить» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлевой, 1935 г.р.); «Видели этих пермяков. Останавливались в Никиной. К Девятой идут. Они ведь не ездили. Они всё пешком идут. На ногах лапти, в запас лапти. Таку дорогу надо шлёпать. Чулки связаны всё полосками, полосками, пермяцкие, идут. У их красиво было связано всё, эти чулки. Гуньки какие надеты, юбки» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

Жители соликамских деревень, также активно участвовали в празднике: «К Девятой всеми деревнями ходили». В прошлом в город Соликамск стекались также жители с Соликамского и Чердынского уездов. В советское время, когда праздник уже был запрещен, по-прежнему считалось необходимым посетить в этот день церковь: «У нас на Девяту ходили в церкву в город, помолются там, и все» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

Описание праздника, выполненное священником А. Луканиным, позволяет полно восстановить его содержание. К празднику крестным ходом из села Нырб Чердынского уезда приносился чудотворный образ Святителя Николая (не каждый год, а через год или через два года), а из соседнего соликамского села Городище явленную икону Знамение Божьей Матери. В четверг, накануне праздника, духовенство, горожане и паломники встречают иконы за городом. «По совершении встречи святые иконы приносятся в собор, и начинается всенощное бдение. В четверток после всенощной и в пятницу поутру набожные богомольцы спешат удовлетворить своему благочестивому стремлению помолиться Владычице и св. Николаю: после всенощной до позднего вечера и с раннего утра до обедни неумолчно слышится молебное пение. Обыкновенно чернь и каждый пришлый богомолец считает обязанностью отслужить молебен Богоматери, святителю Николаю и св. мученице Параскеве»¹. В пятницу после ранней литургии начинался крестный ход с принесенными иконами. С крестным ходом обходились все церкви города, за алтарем каждой крестный ход останавливался, совершалось богослужение, после чего крестный ход направлялся к следующей церкви. После обхода города крестный ход возвращался на соборную площадь, где совершалось «благодарственное Господу-Богу молебствие о избавлении от нашествия вражеского»². Почитание икон выражалось и в стремлении прикоснуться к святыням или понести их во время крестного

¹ А. Луканин. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882, с. 88.

² А. Луканин, Указ. раб., с. 89.

хода. В следующие за праздником дни иконы почитались в приходских храмах Соликамска, совершались крестные ходы и молебны в домах прихожан. Активно участвовала в этом и сельская округа. Икону Святителя Николая, например, возвращали не прямо в Ныроб, а совершали крестный ход через многие села Соликамского уезда¹. Церковные торжества по случаю праздника заканчивались поздней литургией в Воскресенской церкви, где и находился в обычное время образ святой мученицы Параскевы. Заметим, что в народе сложилось устойчивое поверье об этом празднике как о благодатном времени: «Мать меня на девяти родила, вот и счастливая я. Девята-то шибко большой праздник, в аккурат девять недель от пасхи» (с. Уролка).

Представленный в настоящем разделе материал о календарных праздниках и обрядах населения Соликамского района раскрывает один из локальных комплексов календарной обрядности русских Пермского Прикамья и всего Среднего Урала. Мы видим развитость и достаточную вариативность календарных традиций, сохранность в народной памяти многих архаичных форм, и это при том, что системное изучение календарной обрядности района было предпринято только в 2000-х гг., когда многие элементы народного календаря уже вышли из активного бытования. Основой для реконструкции системы календарной обрядности стали материалы экспедиции Пермского государственного университета 2005 г., проходившей в селах Вильва и Касиб и окрестных им деревнях, а также материалы экспедиций 2000-х гг. Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых», Соликамского государственного педагогического института. Нами учтены также материалы экспедиций в Соликамский район студентов филологического факультета Пермского государственного университета (1970-80-е гг.), хранящиеся в фольклорном архиве кафедры русской литературы ПГУ.

Основой народного календаря русских Соликамского района послужил общерусский календарь в северном его варианте, правда, соликамские традиции демонстрируют и свою специфику. Наблюдается несомненное сходство с обрядностью соседних северных районов Прикамья, Чердынским и Красновишерским, в некоторых чертах и с Усольским. Однако в Соликамском районе нами не зафиксировано весенних ритуалов встречи птиц: приготовление жаворонков и «Встретенье плишки», отмеченные в

¹ Г.Н. Чагин. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии: Избранные тр. / Пермский гос. ун-т. - Пермь, 2002, с. 70.

более северных районах, хотя вполне возможно, что в прошлом они бытовали. Некоторые обряды, зафиксированные в Соликамском районе, в других районах Прикамья не отмечены: это, в частности, традиция опахивания на Святки селения, ряженье на Чистый понедельник, развитые формы почитания Конанова дня и т.д. Народный календарь в основе своей бытовал как земледельческий, цикл скотоводческих, охотничьих и промысловых праздников оказался неразвитым. Близость крупного административного, промышленного и религиозного центра - Соликамска - также сказалась на традициях сельской округи. Жители окрестных деревень были вовлечены в активную религиозную жизнь города с целым рядом местнотимых городских праздников. При том, что в Соликамском районе проживали не только православные, но и старообрядцы, наши материалы не выявляют существенных конфессиональных различий в календарной обрядности (одной из причин этого, возможно, стала слабая изученность календарной обрядности старообрядческого населения района). Можно утверждать, что, несмотря на близость крупного городского центра, а также важного одного транспортного пути (Камы), соликамский народный календарь избежал разрушения и утраты некоторых элементов праздничных и обрядовых циклов, что отмечается исследователями в других территориях¹. Интересно, что не произошло и массового распространения в сельской округе городских форм досуга.

К сожалению, к настоящему времени сложный и развитый комплекс народного календаря оказался почти полностью разрушен. Активно продолжают бытовать лишь традиции, связанные с поминовением умерших на Семик и Троицу, некоторые элементы святочной обрядности.

¹ И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский, С.Н. Смольников, Е.А. Минюхина. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. Москва, 1997, с.19-20.

• Глава II • СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Весь крестьянский семейный уклад в прошлом регулировался особыми неписаными правилами. Как и в целом на севере Прикамья, в Соликамье вплоть до последнего времени фиксируются сведения о детально разработанных ритуалах, связанных с такими значимыми этапами в жизни человека, как рождение детей, свадьба, проводы в армию, смерть и похороны, хотя исполнение самих обрядов показывает, что традиция зачастую разрушена. Во многом все эти ритуалы на разных территориях северного Прикамья близки, однако их местное применение демонстрирует творческий, креативный характер народной обрядовой сферы, имеет свою локальную специфику¹. Соликамская традиция в обрядовой сфере, ориентированной на события семейной жизни, богата на формы и весьма своеобразна.

• СОЛИКАМСКАЯ СВАДЬБА •

Наиболее детально разработан в народной культуре обряд, связанный с вступлением в брак. Это легко объяснить: брак знаменовал обретение молодыми супругами нового социального статуса, а обряд был призван закрепить отношения как между ними, так и между членами породнившихся семей.

Традиционная соликамская свадьба – один из наиболее ярких семейных обычаев, включающих целую череду особых обрядовых эпизодов. По своей структуре соликамская свадьба является типичной севернорусской свадьбой. Она близка к свадьбе чердынской, вишерской, однако выполнение многих ритуальных действий имеет здесь свою локальную окраску.

¹ См. подробно: Вишерская старина: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области /сост. И.А. Подюков, Н.В. Жданова, С.В. Хоробрых/. Пермь, 2002; И.А.Подюков. Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району. Пермь, 2003; И.А. Подюков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усольские древности: Традиционная культура русских конца XIX - XX вв.: Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX - XX вв. Усолье, 2004; А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX - XX в.: Материалы и исследования. Кудымкар, 2003; И.А. Подюков. Карагайская сторона. Пермь, 2004; И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004; С.В. Хоробрых. Усольская свадьба. Пермь, 2000.

Совпадают (как по поведению участников обряда, так и по вербальному, и песенному сопровождению) такие ключевые эпизоды свадьбы, как сватовство, рукобитье, отдавание красоты, невестина баня, расплетание косы, выкуп невесты, благословение молодых. Специфически местными можно считать прежде всего формы исполнения ритуалов. Это обрядовое ломание невестой каменки во время бани перед венчанием при прощании с красотой (д. Косинка; обычно на севере Прикамья невеста, протестуя против выдачи, во время причитания «ломала стол»), требование молодым хранить хлеб и полотенце, которыми их встречали родители жениха (хлеб затем можно было есть в трудные моменты семейной жизни, а полотенце помогало, когда роженица не могла разродиться), обычай приезжать за невестой без жениха (в ряде мест жених с невестой в день свадьбы встречаются лишь в церкви на венчании). Специфически наряжались дружки (кроме расширенных полотенец или лент через плечо, у них были при себе свежие веники), своеобразен обычай обсыпать мукой брачное ложе молодых (д. Пальники); в других территориях в свадебную постель сыпали зерно, горох, мак, хлебные крошки и прочее. Не зафиксировано в других зонах Прикамья аналогов тому, что во время шуточной бани второго дня свадьбы молодых заставляли угощать гостей пивом через банное окошко (п. Затон), что в хлебины, во время визита к теще на блины, полагалось устраивать особую баню для молодых (д. Лызиб).

Показатель специфичности соликамской свадьбы и тот факт, что в соликамских говорах фиксируется особая свадебная терминология. Так женщину, не вышедшую замуж, называют здесь *бесшамшурная* («Марья-то у Ошлаповых бесшамшурная: взамуж она не выходила; беда злая она, нехорошая» - д. Попова-Останина), *засиделка* («Да вот в засиделках осталась, хоть раньше и мало засиделок-то было; раньше бьют, да все равно взамуж отдают» - с. Вильва). Не приглашенные в гости соседи и знакомые, пришедшие тем не менее смотреть на свадьбу, назывались словом *смотрельщики* («На свадьбе скоко смотрельщиков перебивают... Кака была дурность. Браги ведро да пива ведро ставят смотрельщикам» - д. Харюшина). При этом в районе весьма употребительно другое слово в этом же значении - *пучеглазники*, характерное для севера в целом (с. Касиб). Свидетеля у жениха и невесты называли *поручитель* («Без поручителей-то не венчали в церкви-то раньше» - с. Осокино), момент, когда невеста прощалась с девичеством, назывался здесь *вытое* (д. Володино). Словом *обсадить* характеризовали редкие случаи, когда старшая сестра выходила замуж раньше старшей

(«Анна, позор какой, обсадила старшую сестру, первой выскочила взамуж» - с. Вильва; чаще в Северном Прикамье для этих целей использовались устойчивые выражения типа *под колоду засунуть, палицу наложить*). Первая невестка в семье жениха величалась *большухой*, и у неё было больше права, чем у последующих невест (с. Касиб).

В ряде случаев совместная жизнь молодых начиналась без свадьбы. О выходе девушки замуж без согласия родителей здесь говорили: «*выйти замуж самокруткой*» («Я самокруткой замуж убежала, отец не отдавал дак» - д. Пегушино). В основе термина - слово *окрутить*, которое одним из значений имело значение 'обвенчать' (слово фиксирует один из наиболее символических моментов церковного венчания - круговой обход молодых вокруг аналоя). Брак, заключенный тайно, без огласки (также в случаях несогласия родителей) назывался свадьба *убегом* («Раньше называлось убогом: ежли меня сватают, а не отдают - я так уйду, окромя всякой свадьбы» - д. Толстик; «Анну убогом увезли; опосля мириться приезжали, дак их в избу не пустили» - с. Вильва). Как и в других регионах, свадьба убогом впоследствии оформлялась проведением *мировой*, совместного пира родителей молодых. «Придут прощение просить. Падут отцу сначала в ноги: «Тятя, прости». Потом матери, а потом их как крестят. Потом уж чё, начинают пельмени стряпать, вино пить. Песни уж тут не поют» (с. Половодово).

Время проведения свадеб традиционно - осень, окончание полевых работ или зима. «Раньше свадебки-то играли зимой да осенью, в мясоеды. Там и работы все полевые закончатся, да и самое время скотинку колоть» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «Обычно свадьбы проходили раньше, когда Масленица будет, к Масленице обязательно свадьбы делали» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

Распространенный сюжет, связанный со свадьбой, - рассказы о том, что девушку-невесту «из дому соседко выгоняет». Ей перед сватовством может *поблазнить*: «Я в девках была когда, раз спать легла рано. Вдруг слышу, где-то стучит. Я на печку, лежу, к трубе прижалася. Слышу, вроде как кто-то на чердаке ходит. Так до утра. Утром-то как дало чем-то по воротам, даже дом затрясло. И всё. Пошли потом во двор - никаких следов. Это перед тем как замуж выходить мне-ка. Из дому выгонял» (с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной).

Если старинные свадьбы длились не менее трех-четырех, а то и более дней, то в позднее время ограничивались двумя-тремя днями, а иногда и просто свадебным вечером. «Свадьбу-то шибко мы уж не разыгрывали.

Свёкор-то сказал, нам, мол, некогда, чахотка в карман полезла, вот быстрёхонько все собрали и сделала» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). Сворачивание, редуцирование свадебного обряда особенно заметно к сороковым-пятидесятым годам XX века.

• Сватовство

Обязательный начальный элемент свадьбы – особым образом обставленное сватовство. «Сватать ходили. Нынче ведь познакомились, сошлись, и всё. А раньше нет. Даже раньше так сватали, что ни жених, ни невеста не видели друг друга» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Сватовщики придут к невесте, посватают. Хочешь, не хочешь, ты не видал даже человека, всё равно отдадут. У жениха отец своих уже там сватовей или кого, уже из своего поколения выберет, и они идут сватать. Вот пришёл: «У вас есть товар, а у нас есть купец, вот, пожалуйста, ваш товар, а наш купец». И жениха с собой брали» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Сваты-то зайдут, скажут: «Мы за добрым делом пришли, за сватаньем». - «Проходите, пожалуйста» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.).

Сваты обычно приходили в дом будущей невесты вечером, демонстрировали свой статус особым поведением, в частности, долго отказывались садиться. Родители невесты по этикету долго не соглашались, находя разные предлоги. «Когда меня сватать пришли, Василий лошадь пригнал, входит, а сам не садится, говорит: «Я за добрым делом приехал, свататься». - «Нет у нас работников», - мама-то говорит» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.). Соответственно, сватовство требовало умения уговаривать. «Для сватовства были специальные свахи, обычно только женщины. Это были или родители жениха, или родственницы. То и родственницу как-нибудь посылали. Согласие на брак высказывала не девушка, а родители. Если у жениха что-то было (деньги ли, ещё чего-нибудь), то они давали согласие, а девушку никто не спрашивал» (п. Бараново, зап. от Л.Г. Григоренко, 1958 г.р.). «А иногда ещё было, что и постороннего зазывали, чтоб он красноречив был да обаятелен чтоб. Сватья-то приходили в дом невесты поздно вечером, это чтоб на случай неудачи и чтоб не было посторонних никого. Через како-то время, ну, по договорённости, сваты приходили снова» (п. Бараново, зап. от М.Г. Першиной, 1919 г.р.). «Шли сватать невесту авторитетные люди, которые умели разговаривать хорошо. Они говорили разные слова: «У нас есть сокол, у вас есть лебёдушка. Мы хотим её посватать за такого-то». Сваты могли прийти с гармошкой, и у них было веселье. Всё

в праздничном духе, с песнями» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). «Вот как-то вечером пришли сватать меня, значит, родители евоны с кумом, отцом крестным его. Да я и не знаю, о чём они говорили-то, а свадьбу-то решили устроить через месяц» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.).

После того, как родители выказывали свое положительное отношение к жениху, сватов усаживали за стол. «Сговорятся, сядут за стол. Уже договорятся когда, значит, помолвка будет, когда это всё, назначают день свадьбы, это они уже всё за столом. А невеста вообще этого вовсе не знает. Потом, когда они уже всё это обговорят, всё обдумают, всё решат, тогда отец невесты попросит выйти девушке. Она выйдет к ним. И ещё, понравится ли вам наш товар - всё вот такие присказки были. Сговорятся, всё - свадьбу делают» (с. Вильва зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Ещё задаток давали, невеста что-нибудь должна была дать, сватать придут, дак чтобы им уже не уходить, тельник давали чаще» (*тельник* - пояс; д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.).

Хотя окончательный уговор совершался позже, уже в момент сватовства стороны могли скреплять свою договоренность битьем рук. «Посватались, и потом я видела только, что отец-то мой со сватом по рукам стукнули, а потом к столу все пошли. Угощали-то, ну, тогда ведь было чем угостить-то, хозяйство свое, а готовили-то мы с матерью. А что у нас было? Пельмени, как обычно, сало с капустой да мясные. Да пироги, пироги уж были всякие: и грибные, и рыбные, и ковриги, и куличи разные были, да и уж, конечно, шаньги были; а пиво-то какое варили, густушное, раньше пиво-то умели варить, сейчас дак такого и никто и не пробовал, и не умеют вовсе» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.).

Уже во время угощения сватов могли исполняться некоторые свадебные песни. Прежде всего, это песни, обращенные к жениху:

Как на талую землю выпала пороша,
Как по этой по пороше шёл Ваня хороший.
Ни путём, ни дорогой, чужим огородом,
Чужим огородом, чужою межою.
Сам ко снежку припадает, в руки набирает,
Комом пожимает.
Как да талую землю комом пожимает.
Он кидает, он бросает ко милой во сени,
На прекрасно на крылечко.

Мила молвила словечко:

- Не во время, Ваня, ходишь, не в пору гуляешь.

Как у батюшки гости со двора съезжают,

Как у матушки гости шубы надевают,

Двери открывают.

У меня, молодой младеньки, все же спать ложатся.

(с. Половодово, зап. от И.А. Якимовой, 1928 г.р.).

• Пропитьё, Помолвка, Рукобитьё, Обрученьё

После того, как сваты получали согласие (обычно через несколько дней после сватовства), начинался сговор, пропой невесты (родители *рукобили*). «Молодуха тогда реветь начинала. Так она любовь свою показывала к родному дому, родителям своим. А ешшо печалилась, да как, об доле-то своей нелёгкой во чужих-то» (п. Бараново, зап. от М.Г. Першиной, 1919 г. р.). «Пропивали невесту, потому что сватовщики приезжали всё время с самогоном. Они устраивали попойки за невесту. И вот пропивали. А когда пропьются, невеста должна подчиниться отцу, и пойдёт» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Ну, пропили, ну, погуляли, попили сват да сваха, родители девкины - это пропитьё. Родственники жениха и невесты до венчания собирались обязательно, обговаривать, договариваться. Кто что ставит, кто кабанчика режет, кто самогон ставит» (п. Бараново, зап. от Л.Г. Григоренко, 1958 г.р.). «Обещание дадут, что невеста не откажется от жениха. В какой день назначена свадьба, она будет ждать того момента, какой день придёт, и она уже не откажется от того дня, дожждётся, когда эта помолвка кончится, уже будет готовиться к свадьбе. Помолвка проходила дома у невесты. Приходили опять же жениха дружки, там два человека, отец жениха, может даже сватью взять с собой ешшо. Сватья - сказительница, она очень много знала шуток, прибауток, чтоб токо невесту высватать за этова, за своёва жениха. Потом помолвка уже прошла, невеста уже не может ни с кем дружить, с другим пареньком. Он не может дружить с другой девушкой уже. Может год пройдёт, ждать будут невесту, если она молодая. Жених уже в годах, а она ещё молодая, а помолвка уже прошла. Они будут ждать, пока она подрастет, там год, два, три. А может, если она уже в таком возрасте, может токо месяц пройти. И ждал жених, раз помолвка прошла, то нельзя уже, раз согласие дали, то уже нельзя изменить никому» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

На просватанье пели молодым:

Тут сидят же два отрока, да отрок со отрочицею,
Молодец со девицею, молодой со хорошею.
Они сидят, обручаются да кольцами меняются.
Раскачалась груша зелена перед яблоней садовою.
Прирасплакалась Анна Ивановна перед своим родимым тятенькой,
Перед своей родимой мамонькой:
– Вам нельзя ли думу раздумати,
Вам нельзя ли мысли размыслити,
Что меня да замуж не выдати?
– Ох, дитя, ты, наше дитятко, ох, дитя наше милое,
Нам нельзя думу раздумати, нам нельзя мысли размыслити.
Зелено вино выпито, по рукам у нас ударено,
Восковая свеча теплена, Господу Богу помолено.

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

«На просватанье свекровь приедет, жених. По иную несколько раз приезжают девку, иную быстро отдадут. Приедут - тут говорят: «Мы пришли не сидеть, не беседовать, за добрым словом, за сватаньем. У нас есть жених, у вас невеста, надо их свести в одно место» (д. Оськино). На этот день нередко приезжали и гости, друзья жениха. Жених привозил подарки подругам невесты. После сватовства, просватанья устраивалось обручение. «Обручение живет через недели через две, надо ведь пиво наварить на свадьбу. После обручения девишник, утром он, а потом свадьба (д. Рогали). «Обручение проводят: рыбной пирог испекут, холодец делают, окорок принесут за стол». Невеста сидит за столом, круг стола девки, поют. Она руками хлопает об стол. Падат на стол, встает и падат. Иная все руки разобьет, бывало, столешницы раскалывали, если девку силой отдают. Вот она и ревёт что моленьки» (с. Половодово). Пели на обручение «Что у нас были гости»:

Что у нас были за гости?
Это были у нас обручнички,
Это были у нас разлучнички.
Хочут разлучить с родимым тятенькой,
Хочут разлучить с родимой мамонькой,
Хочут приручить да к милу муженьку.

(с. Половодово).

«Тут ужин соберут, с женихом ужинают, с девками. Жених подарки на поднос вывалит, дарит каждой девке. Подшальники дарил. На тарелку под-

шальник сложишь и стакан кверху дном, полный, подшалок на стакане, стакан с пивом, с брагой. Невеста подносит - надо взять стакан и не пролить. Кто выльет стакан - это уж позорно» (с. Половодово).

В обручение пели песни и жениху. Типична в этой ситуации песня «Круг Казани, круг городу»:

Круг Казани, круг городу, круг Сибири богатая,
Тут и издил, и поиздил удалой добрый молодец.
Он и спрашивал путь-дороженьку он ко тестеву терему,
Он ко тещиной горнице, ко невестинной светлице.
Выходила краса девица на круто красно крылечико,
Заводила добра молодца во свою во светлу горницу.

(п. Бараново, зап. от С.А. Петуховой).

Другая песня жениху «Через матушку Волгу-реку»:

Через матушку Волгу-реку,
Через матушку широкую
Настланы мосты калиновые,
Переходы рябиновые.
По тем переходичкам туто шёл-прошёл
Свекор лютой.
За собой он душу-ягоду ведёт,
Он ведёт и наказывает:
- Не гляди, душа, в Волгу-реку,
Заглядишься да выпадешь.
- Уж я выпаду, не выпаду,
За тебя не поймаюся,
А поймаюсь-поймаюся
За Ивана Васильевича.

(с. Половодово).

Пелась на обручение также песня женатым свадебжанам:

Ишо кто у нас на обручение богатой, да богатой,
Он и часто к обидне ходил,
По пятеречке людям дарил.
- Уж вы, люди, вы, люди убогие,
Вы молитесь, люди, Богу за меня,
За меня, за богатину, да Ивана Васильевича,

За мою жену барыню, да Анну Кирилловну.
(с. Половодово).

Как своеобразная «репетиция», исполнялись в обручение также песни, которые затем повторялись на свадебном пиру. Про невесту пели «Где был сокол, где соколенка была»:

Стоит садичек раскрашен всякими красками -
Голубиными, зелеными, желтыми, синими.
Татьянушка с той горы да с высокия,
Всех подружек созвала
Да за высокий стол садила,
Сама садилась выше всех,
Голову клонила ниже всех,
Говорила речь важнее всех:
- Как я буду замужем жить,
Как я буду свекра называть,
Как я буду свекровку называть?
Назову я свекра батюшкой,
Назову свекровку матушкой,
А милого дружка Иванушкой.

(с. Половодово).

• Посиденки

Вечер в доме невесты, где происходило соглашение между родителями жениха и невесты о браке, назывался *посиденки* или *сговор* («Посиденки был: руку дадут, невеста уйдёт в куть, ревёт. Через неделю после посиденок, накануне свальбы, обрученьё было» - п. Тюлькино). Этим же словом, впрочем, называлось и собрание подруг у невесты перед свадьбой для подготовки приданого («Перво раньше просватаньё было, потом посиденки, а потом обрученьё» - с. Вильва). На посиденки приходил также будущий жених.

«Нюркой звали девку, она выходила в Белкину. Девочек созвала, подружек, пельмями настряпали. Жених-от был слепой, а она не знала, невеста, что он слепой. Только маленько зрячий был, маленько. Девки сядут, пельмями варят, сварят, ему дадут пельмянь. И должна девка девке давать пельмянь. Пельмени передавали. Жениху подадут. Он тычет, тычет, попадёт пельмянь-то, два, а надо один чтобы. А девкам-то стыдно хохотать-то ведь, он

не видит дак. Вот оне молчали, молчали и давай хохотать. А нас на полати посадили, маленьких-то. Нам глядять охота, посиденок раз какой-то, посиденок звался. Потом она притащила, Татьяна, лопата большая, вот такой челпан хлеба и пельмяни закрыла. Это я помню шибко хорошо. Закрыла пельмяни, не стала давать исть, это така традиция. «Давайте целуйтесь!» Должен жених невесту поцеловати, а девки должны с парнями. А парней не было, вот потом каких-то парней с улицы созвали, они давай целоваться с девками» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Иногда (в случаях, когда у невесты не было родителей, при бедности) в посиденок проводились и собственно свадебные ритуалы. «В город одна выходила девка, мы и не знали. Она только нас созвала: «Айда, посидим ко мне, сегодня у меня жених придёт». И всё. Матери у ей не было, она сама сосваталась с им. Посидили мы у неё, тоже уже закрывали, не знаю, чё закрывали, каку-то еду лопатой. Тоже целовались» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Девичник, Баня, Красоту отдавать (садить)

Обязательный предсвадебный ритуал - устраивание встреч молодежи, девишников: *коренного*, незадолго перед свадьбой, и *маленького*. Устраивался, впрочем, и «мальчишник». «В жениховой избе девкам быть не положено, на мальчишник приходят только бабы: плясать, обхаживать гостей. А в гостях сидели сваты, женихова родня да товарищи его. Бабы собирались молодые, больше из солдаток, бывалые. Они плясали, пели, жениха обыгрывали всяко» (п. Бараново, зап. от М.Г. Першиной, 1919 г.р.).

Во время маленького девичника готовилось приданое, распевались и разучивались свадебные песни. Пример песни, исполняемой во время маленького девишника, - шуточный наговор о недавно состоявшемся сватовстве:

Да ещё что у нас были гости за гости?

Да ещё что же у нас засватали?

Да не скота ли рогатого?

Да не коня ли, коня вороного?

Да не меня ли да младешеньку?

(с. В. Мошево).

Главное действо девишника - прощание невесты с красотой, символом девичества. «Делают девишник, красоту садили, вот как посадили: невеста с лентами ходит неделю и в церковь с лентами тоже, а потом уже в

доме жениха ее окружали» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «Убрушны с вечера до утра придут, песни поют. Невеста плачет, кулаками по столу хлещет. Бывало, столешницу в шпелы позабьёт. Потом за ней придут, с дивьей красотой прощались. Она поревёт, свечку перед иконой затеплит и молится. Если девка честная, то ленточку кладёт в Евангелие, бывало, у невесты ленточка отпотевала, если одманет» (д. Харино, зап. от М.И. Мальцевой, 1912 г.р.). «Красоту отдавала, ревела, плакала. Это считается, что красоту отдаёт, сама себя отдаешь жениху. А вроде она не хочет идти за его. Дак столешницу ломала кулаками, ревела, что не хотела идти за его. Всё равно отдали, всё равно пошла» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Обычный символ невестиной красоты - красная ленточка. «До свадьбы еще невеста у иконы молится, а тут сделана с угла на угол верёвочка, и на ей такие лоскутки всякие навязаны. Икона-то в углу, невеста на её молится, а верёвочка с угла на угол протянута, не там, где икона, а вот, где двери. Потом невеста начинает дарить свою красоту, эти ленточки снимает и девчонкам раздаёт» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «На девшишнике невесте косу разрывали за столом. Она сама сядет на лавку, причитает, девки поют» (д. Ескина).

«Песни девки поют. Песни две споют, потом начинают невесте косы расплетать. Она опять не дает, барахтатся. Напустятся на ее, все равно растеребят, раз такой закон. Расплетут косу, песню опять поют. На тарелку положат ленточку, тарелку она подружке передвигат. Поют «Покрасуйся у родимой мамоньки». Потом припоют «Подыми-ка ты дивью красоту что на русы-то на волосы». Она тарелку на голову поднимат. С каждой подружкой невеста схватываются, ревет» (с. Половодово).

«Когда косу расплетают, у неё все подружки перед тем. У кого мало, у кого много: все-все подружки. Начинают расплетать косу, начинают песни петь. Невеста плачет, слезами обливается вся. Подруги все расплетают косу. Девичник назывался. Расплетут, а на свадьбу уж она едет с заплетенной косой. Её уж украсят всю лентами, и всё» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Ещё косу расплетут, потом баня будет, невеста там каменку ломает, потом её за полотенце ведут в избу» (д. Косинка, зап. от М.Д. Макаровой, 1907 г.р.). «Девичник-то был, тамока косу расплетали и в баню ходили. В баню со мной подружки ходили, там, значит, косу расплетали, попарили меня веничком липовым, волосы травками всякими там, уж сейчас и не помню, всякие травы были. А потом, по обычаю, ленточку я

свою через лево плечо перекинула, ну, это вроде всё, простилась со свободною жизнью. Как помыли меня девки, я и говорю им: «Спасибо вам, подруженьки, вы и в баньке-то меня попарили, вы и мылом-то меня вымыли». Да разве сейчас упомнишь, чего наговаривашь: «Спасибо тебе, тёпла парущка, да спасибо тебе, тёпла банюшка». Мы дак сразу после бани девичник устроили. Подружки мне венки принесли, а я им ленты подарила, тут же и приданое собирали: подушки, и перины, и платки, и наряды, и одежа всякая, и летняя и зимняя обувка. Раньше девки-то голыми замуж не выходили. И посуда, и всё» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «В девичник девки-то, подруги еёные, гадали много, обрядовали про будущее. Они ешшо и подарки сварганить помогали жениху и родичам евонным. Приданое приготавливали тогда. Ещё было прощанье с девьей красотой - прощалась она, милая, с былой радостной жизнью. В баньку невесту провожали подруги, а охраняли её караульщики. Брат ейный баню топил, а воду туды сестра носила. Тамо она мылася жениховым мылом (тем, которое он ей прислал), а ещё угощает подруженек жениховыми же гостинцами. Потом, как помылася, бросала веник, мылко и ленточку из косы через левое плечо. И кака из подруг поймает, той и взамуж выходить вскорости» (п. Чёрное, зап. от Е.Н. Селюниной, 1936 г.р.).

В бане при прощании с красотой невеста символически «разрушала» банную каменку и исполняла особый плач:

Я пришла в теплу парушу,
Разбросала во все стороны камушки.
Не нашла свою девью красоту.
Улетела моя девья красота,
Улетела моя красота вовек.

(с. Половодово, зап. от А.Д. Мальцевой).

«В баню невесту водили, вот когда дивью красоту даёшь да чё да, вытёе, как называлось. Это до обрученья ещё, невесту девки за полотенце в баню ведут садить красоту. Тут ещё че-то привывают: «Пошла же я в тёплу баню, я красоту смывать». В баню-то невеста зайдёт, постоит и выйдет, в бане-то ничего не делает. Обратнo идёт тоже песню: «Ходила же я в красну баню-то, дивью красоту сдала» (д. Володино). Как из бани придёт, тут опять песню поют: «Подымалась мать погодушка, открывала подворотушку, становила двери на пята, на тую пята серебряну» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.).

«Невесту в баню ведут после девишника. Рукотерник наденут, подвяжут с боков и ведут двое, подхватят две девки, она ревёт: «Поглядите-ка, русы волосы, да на поля-те, поля чистые, да на леса-те, леса тёмные...». Она так и лежит вовсе на полотенце, так её в баню и приведут. Нетоплена баня, холодная, ведут ведь только песни петь. Не моют ее, ниче. Ее приведут, она только камни побросат по углам с каменки, и обратно ведут, песню поют. После бани красоту отдает, потом ее ложат спать» (с. Половодово).

Один из причетов-плачей невесты - плач о заступничестве:

Заступитесь, да светы белые,
Заступитесь, да поля чистые,
Поля чистые да луга зеленые,
По моей да дивной красоте,
По моей честной-украшенной,
По моей честной-сбереженной.
Ох, не слышать вам, мои русы волосы,
Ни звону колокольного,
Ни пенья, что пенья церковного.
Закроют вас, русы волосы,
Под шамшуру да под проклятую.
По подлавице она валялася,
Во лохани она да купалася,
На пече да в углу сушилася,
Да ещё мне, молодой, да пригодилася,
На мою буйну головушку,
На мои да русы волосы.

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

В другом плаче («Была я малым-малёшенька») невеста «винила» свою мать в предательстве, выказывая ей свою обиду:

Была я малым-малёшенька,
Умом-разумом глупёшенька,
Не умела я чесать свою головушку
И плести свою трубчату косоньку.
А говорила мне родима матушка:
Ты у меня, дитятко, умная разумная,
Не отдам я тебя, дитятко, ни за князя, ни за боярина.
Посажу я тебя, дитятко, во зелёный сад,

Обсажу я тебя, дитятко, лазоревыми цветочками.
И обманула меня родима мамонька.
И посадили меня за дубовый стол,
И обсадили меня подруженьками-голубушками,
И облили меня горячими слезами.

(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной. 1923 г.р.).

В плаче «Закатилось красное солнышко» невеста завидует своим подругам, остающимся «на воле»:

Закатилось красное солнышко
За леса-те, леса дремучие,
За луга-те, луга-те зелёные,
За речки-те, реченьки быстрые.
И пала роса-то холодная,
И появили все цветочки лазоревые.
По утру, утру раненько
Вышло красно солнышко,
И высохла роса.
Поднялися все цветы лазоревые,
И пошли мы все подруженьки гулять.
Все причёсанные, все улаженные,
Косы у всех заплетенные,
В каждой волосиночке по бисериночке.
Только я осталась неулаженная,
Голова моя неучёсанная,
Косиночки незаплетенные,
Лента в косе не увязана,
Да в каждой волосиночке по горячей слезиночке.

(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

Плач, исполняемый непосредственно перед родительским благословением на брак, был обращен к родителям невесты:

Отступитесь-ка, люди добрые,
Люди добрые да гости званые,
От стола, стола да от дубового,
От столешенки да от кедровой.
Ишо дайте мне да путь-дороженьку,

Ишо дайте мне да путь широкою.
Мне ийти-то да благословиться,
Мне ийти туда да молиться.
У своего родимого тятеньки,
У своей родимой маменьки,
У своего родимого братца,
У своей родимой сестрицы,
У своей родимой крестницы.
Приступись-ка, родимый тятенька,
Ты ко мне да молодешеньке.
Не убойся да ты, родимый тятенька,
Ты меня да молоденьку
Не дорогой же я тебе да раскатаюся,
Не водой же я тебе да разливаюся,
Не травой же я тебе да разрастаюся,
Не осинушка же я сыпучая,
Не крапивушка да я жигучая,
Не оса-то же я летучая,
Я твоё же дитятко милое.
Благослови же ты, родимый тятенька.

(«Девки песни поют за столом, а невеста с лентой плачет. Потом все плачут, благословляются, девки поют» - д. Лызиб, зап. от П.Е. Москвиной, 1906 г.р.).

Исполнение плача по красоте сопровождалось особыми действиями невесты: она поднимала ленту вверх, прижимала её к себе, затем вручала её лучшей подруге:

Уж я возьму свою девью красоту
Да в свои-те ручки белые,
Да в свои-те персты злаченные.
Да я прижму свою девью красоту
Да ко сердцу-то, сердцу-то ретивому.
Да сердце бьется да убивается,
Да к девьей красоте прижимается.
Да подыму свою девью красоту
Да я выше своей буйной головушки.
Да я её отдам свою девью красоту

Да я подружке сударь-голубушке,
Да свет и Надежде сударке Матвеевне.
Ой, пусть-ка она красуется.
(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

В плаче на отдавание красоты невеста обращается к родителям, комментирует все совершаемые с ленточкой действия (ленту обычно закладывали в Евангелие):

Отступитесь-ка, люди добрые,
Отступитесь от стола-то, стола дубового.
Отступитесь-ка да отцепитесь.
Приступись-ка, родимый тятенька,
Приступись-ка, родимая маменька,
И приступись-ка, родимая крестнушка,
Ко столу, да столу дубовому,
И ко столешеньке ко кедровому.
Посмотри-ко, родимый тятенька,
Посмотри-ко, родимая маменька,
Да на мою-то девью красоту.
Моя-то девья красота чиста да непорочная,
Чище она злата и серебра.
Как пред Господом Богом свечушка теплится ясененько,
И такая моя девичья красота честнешенька.
И прилетели два ангела, и прилетели два архангела
И со серебряными со тарелочками,
И со укладными со ножичками,
И подхватили мою девью красоту,
И положили мою девью красоту
И во Евангелье и во Архангелье.
Тут тебе место и местище, тут краса и красовище.
(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Более развернутый вариант приведенного выше плача о красоте, представляющий этот символ девичества в образе птицы - плач «Приумолкните, гуси на море»:

Приумолкните, гуси на море,
Приутихните, люди в тереме,

Отступитесь, люди добрые,
От стола, стола дубового,
От столешницы от кедровые.
Дайте-ка путь-дороженьку
Пройти-то родимой маменьке,
Пройти-то родимому тятеньке.
Подойди-кося, родимая мамонька,
Подойди-кося, родимой тятенька,
Ко столу, столу дубовому,
Ко столешнице ко кедровые,
Вы послушайте мою дивью красоту.
Моя-то дивья красота,
Чистая она, непорочная,
Чище она, чище серебра,
Красне она красного солнышка,
Аля она светлого месяцу.
Моя-то да дивья красота,
Воском она не уливается,
Перед Господом Богом она не заносится.
Прилетели да два ангела,
Да ангела да два архангела
Со стрелочками да с позолоченными,
С ножичками со серебряными.
Подхватили мою дивью красоту
Под правое под перышко,
Под сизое под крылышко.
Потащили да дивью красоту
За престол-от да Божьей Матери,
Божьей Матери - Богоматери.
Первый я листок откину,
Тут ее не покину.
Другой я листок откину,
Тут её не покину.
Третий я листок кину,
Тут её покину,
Тут ей место местишно,
От меня, от молодой, благословение.

В отличие от других плачей, этот плач невеста исполняла одна. «Тут её и закрыли, книгу. Ленточку положат и поют. Косу расплетут, ленточку на грудь приколют, а потом в церкви снимут её и в книгу положат. Эти слова не припевают. Только одна невеста стоит перед Богом и читает, остальные слушают, она одна говорит, браво ведь» (с. Половодово).

Невеста, засветив свечу, обращалась в плаче и ко всем присутствующим, и к самой свече:

Подступитесь, люди добрые,
Все подружки-голубушки,
Ко столу, столу дубовому,
Ко столешенке кедровою,
Послушайте про мою девью красоту.
А моя-то девья красота,
Чистым она чистехонька,
Чистая она, непорочная,
Чище она чистого золота,
Скрасная она жемчугу,
Алая она маку алого,
Беля она снегу белого.
Свечка, ты, свечка ясеншенька,
Моя дивья красота тесненька.
Пойду я во Божью церкву –
Мои ноженьки не подгибаются,
Мои рученьки крестом ладятся.
Тут летели же два ангела,
Два ангела, два архангела.
Подхватили мою дивью красоту
Под правое да под крылышко,
Под левое да под перышко.
Унесли же мою дивью красоту
Во книгу да во Евангельску,
Во Евангельску, во Архангельску.

«Лент у девки много, она подружкам все по красоте дарит. А одну ленту, она у неё на иконе сперва, и она кладёт её в книгу, с собой брать, когда венчаться. Коса-ту уж расплетена, дак она ее цеплят только к волосам» (с. Половодово).

Поскольку в день самой свадьбы подружки невесты не могли идти в дом жениха, они гуляли в последний раз с невестой на девишнике (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). Одна из песен о расставании невесты с подругами - песня «Горечко-горевание»:

Ах, горечко-горевание,
Ох, с мамонькой расставание.
Девичье да расставание
Осередь двора да широкого.
Как ещё расставание
На мелких частых лесенках.
Как ещё расставание
На крутом бережочке,
На желтеньком на песочке.
Сверху-ту суденышко бежало.
Я на то судёнце садилась,
Я гребцам говорила:
- Вы, гребцы, не гребите,
Мне, молодой, сноровите.
Дайте со батюшкой проститься,
Дайте на мамоньку наглядеться.
Как моя мамонька плачет,
Как, государушка, рыдает,
Ко бережку припадает,
Ко мне, ко молодой, причитает:
- Дитятко мое милое,
Я тебя, дитятко, родила,
Смертный час я принимала,
Три дня я во бане лежала,
Думала - будешь замена.
Чужой ты матушке замена,
А мне-ка, лихой, перемена.

(п. Бараново, зап. от С.А. Петуховой).

Невеста при прощании с красотой исполняет «Благодарство» родителям:

Благодарство родимой мамоньке,
Благодарствуй, родима мамонька,
Благодарствую тебя на более.

Отпила у вас да откушала,
Отсидела я да во большом месте,
Отхлебала я ложкой красною.
Мне сидеть будет да по конец стола,
Мне хлебать будет да ложкой серною.
Ложкой серною да бессеренною.

(с. Половодово).

Большое число причитаний связано с передачей красоты своим подружкам:

Я отдам свою девью красоту
Я своей-то куме-подруженьке.
Пусть она у её да красуется,
Пусть она у неё да милуется
После меня да молодешеньки.
Сберегла я да свою красоту
Да от вьюги я, да от падеры,
От частого да мелкого дожличка,
От злых людей да от супостатей,
От супостатей-надсмехателей.

(д. Ушакова, зап. от А.И. Барановой).

В некоторых плачах невестина красота именовалась «воля»:

Пошла моя воля, пошла да покатилая
От души красной девицы
По путе да по дороженьке,
По широкой, по проезженной.
Воля с грозой да совстречалася,
Воля грозы да испужалася.
У её подсеклись резвы ноженьки,
Задрожали да белы рученьки.
Стала гроза у воли выпрашивать:
- Ты куда, воля, да покатилая,
От души-то от красной девицы,
Со словами-те со ласковыми,
Со поклонами со низкими
Ко удалу добру молодцу

Да Ивану-то Федоровичу?
Стала воля у грозы спрашивать:
- Ты куда, гроза, да покатилася,
Со словами-те со грубыми,
Со замахами-те со большими?
С того воля да испужалася,
Испужалась да исполохалася.

(д. Ушакова, зап. от А.И. Барановой).

Красота в плачах персонифицируется, она сама обращается к невесте с речами:

Пошла моя честна красота, что пошла да покатилася,
Против пруду да остановилася, остановилася да оглянулася,
С красной девицей да не простилася.
Ты прости, прощай, красна девица,
Прощай, умная да ты родимая.
Не давала на меня ветру дунути,
Не давала мне да дождю канути.
Сберегла я свою да честну красоту
Да от ветру, да от мелку дожжичку,
От злых людей да супостателей,
Супостателей да надсмеятелей.

(д. Лызиб, зап. от П.Е. Москвиной, 1906 г.р.).

Особый плач, по своей образности близкий к похоронным, исполнялся, если у невесты родителей не было в живых:

Ты постой, постой, красно солнышко,
Ты постой да не закатывайся.
Ты постой хоть не с час, до поры до времени,
Хоть с полчаса другого да полчасачка.
Напишу я да вестку-грамотку
Я своей да родимой мамоньке.
Вы пролейте да, дожди частые,
Размочите да мать сыру землю.
Уж вы гряньте да, громы громкие,
Расколите да гробову доску.
Уж вы дуньте да, ветры буйные,

Сдуньте-ка да полотёнышко
Со родимой да со мамоньки.
Уж ты встань-ка, родима мамонька,
На свои да резвы ноженьки.
Пойди-ка да на сине море,
Смой-ка с лица ржавчину,
С лица ржавчину да подземельную.
Уж ты пойди-ка, родима мамонька,
Да пойди-ка во божью церкву,
Помолись да Богу-господу
За свою да за милу дочь.
Мне с твоим-то благословением
Да во Божью церковь ехати,
Мне под злат венец вставати,
Мне чудён да крест целовати,
Мне закон да Божий примати.

(д. Ушакова, зап. от А.И. Барановой).

• День свадьбы, Венчание

В день свадьбы в дом невесты приезжали гости, нередко без жениха (он либо приезжал позже, либо встречался с невестой только в церкви, на венчании; не ехали за невестой родители жениха, готовясь дома к приезду молодых). Встреча обычно проходила с требованием выкупа невесты, ее приданого, под песни девушек - подруг невесты.

«Невестино приданое ящиками возили, сундуками. Ящик на шесть четвертей, другой такой же да ещё маленький ящик у мамы моей был на свадьбе» (д. Ескина). «Меня везли на двенадцати лошадях. На дуги полотенца повешали, колокольцы, на сбруе, на шее шаркунцы» (с. Половодово).

«Сперва жениха везут к невесте. Жених приезжает, вот тогда выкуп-то и берут у него эти все дружки, у невесты уже тоже все свои подружки, там тётки, дядьки, и все стоят гурьбой и просят. Достают пятаки или там чего. Ни в какую не отдают, пока не скажут, такую-то сумму давай за невесту. Там уже песни, прибаутки, пословицы, поговорки начнут говорить. Так и так, товар такой, и нужен выкуп золотой» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «На двенадцати лошадях приезжали, ребята ворота открыли, свахи были, ребятам конфет навалили. Сбруя начищена, возки цветами украшены» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.).

Обязательный элемент встречи - загораживание дороги, которое сопровождалось требованием выкупа за невесту. «Встречали на улице, дорогу городили, огораживали, просили выкуп. Это вот соседи. Соберутся тут, раз свадьба идёт, соберутся мужики или ребята и станут на дорогу, чё-нибудь сделают, чтобы нельзя проехать, деньги просят: «Давайте выкуп». Мало дадут - просят снова. Бутылку ли просят, денег нет дак. Тут посидят, невесту забирают и к жениху едут» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой). «Когда жених шёл в дом к невесте, то подружки не пускали его и просили выкуп за неё. Когда он шёл к ней, следили, чтобы никто ничего плохого не сделал, не наколдовал, не напакостил» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.).

«Девки на крыльцо выйдут, запоют тут песню: «Подымалась мать-погодушка, да со сиверу, да с западу» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.).

В воротах девушки пели песню «Круг Казани, круг города»:

Круг Казани, круг города,
Круг великого терема,
Тут и ездил, повыездил
Удалой добрый молодец.
Путь-дороженьку спрашивал
Ко тестеву ко двору,
Ко тещиной горнице,
Ко невестинной светлице.

«В венчание одевали меня мама и тетка отцовая. Как и полагается, наряд жених дарил. А мне Никола-то дарил платье красивое, до полу, с фатой длинной, шибко было красиво, рукава длинные, фата длинная. Это уж примета така была: если длинная фата да рукава, дак это жизнь богатая будет. А как одели меня, тут кошовка подъехала, дружка к нам с пивом зашел, к отцу в ноги-то пал, отец-то пиво до дна выпил, а после и меня привели. По одну руку мать вела, а в другой-то цветы несла. Так и поехали. На Уролку ехать надо было шестнадцать верст, а там Николай ждал, жених-от мой» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «Тысяцкий приходил, ботинки, зеркало, мыло принёс от жениха. Мы маленькие, он нам: «Ребята, там сидите, лук перебирайте, сопли не уроните, дружке лоб не проломите» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.).

«Как невесту приведут к жениху, заплетут две косы, большие, рога ещё оставят, так страшно, некрасиво станется, заплетут, и моршень наденут, сверху платок, кругом завяжут, еще ушки останутся. Потом стали наколки

братъ на волосы» (д. Ескина).

Невесту наряжали к венцу. «Венок одели, волосы ленточкой подвязали у затылка розовой и ещё две ленты красненьки пристегнули, их не вплетают, так распущены, так к венцу-то и поехали. Тут всё девчата снаряжали, и венок они одевали. Вот жених приехал, невесту выведут к ему, потом за стол на продольну лавку. Жених с левой стороны от невесты, с ним тысяцкий сядет, дружка, а со стороны невесты сядет крестна, сваха» (д. Володино).

«Жених приедет, привозит с собой венок, ботинки на подарок. Зеркало еще берет большое. Ботинки-те на зеркале принесет. Зеркало потом поставят, спрашивают жениха: «Кого видишь?» Он скажет, мол, невесту. Невесте поднесут, она скажет, как жениха зовут» (с. Половодово).

Невесту к жениху из кухни обычно выводил отец (если его не было, старший брат). На вывод невесты исполнялась особая песня:

Выводил родимый тятенька
Из-за кути да из-за занавесу.
Да он велел-то Богу молитися
Да во все стороны да поклонитися.
Поклон батюшке да поклон матушке,
В куть девкам, во занавесу.
А молоду дружку да на особицу,
На особицу да на великую.

(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой, 1902 г.р.).

«Девку выводить - песню поют, отец выводит.
Отпирался да окован сондук,
Выводил родимой тятенька
Из кути да из занавесу,
Велел же Богу молитися,
Да во все стороны поклонитися,
Девкам за занавесу,
Милому дружку да в пояс».

(с. Половодово).

«Вот жених в дом заходит, невесту снарядят на кухне, светло оденут, потом жених приходит, отец невесту выводит из кухни, жених уже встретит. За платок берёт невесту и заводит за стол, за столом постоит немного, потом жених невесту выводит, сажает на лошадь. Гости-то тоже за столом постоит, не садятся» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.).

Во время встречи жениха и невесты предпринимались действия, призванные магически обеспечить одному из будущих супругов главенство в семье. «Пойдут как из-за стола выходить, ехать уже к жениху, и должна девка скатёрку подёрнуть, а ему на ногу наступать, чтоб он подчинился тебе как. А надо, чтобы ты верх держал над ей. Если такой мужик самостоятельный, дак и ничё не надо. У меня вот твёрдый был: скажет слово, из его не выступи. А мне-ко сказали, я ему придавила на ногу. А он не понял. А подчинился мне. Я уж была, конечно, хозяйка в доме-то» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Перед отъездом в церковь родители благословляли молодых. «Когда жених невесту увозил, родители её благословляли. Мать (или крёстная, если матери не было) становилась на полотенце перед иконой, жених с невестой становились перед ней. И мать благословляла их крестом и иконой, с добрыми напутствиями, крестила караваем над их головами. В дальнейшей жизни молодожёны должны были хранить этот хлеб и полотенце. Хлеб, которым благословляли, можно было есть в трудные моменты семейной жизни, а полотенце помогало роженице. Его клали на живот, и это облегчало роды» (с. Касиб). «Прежде в доме-то отец и мать отдельно благословение дают. Так наклонишься, они рукой, платочком-то: «Поезжайте с богом, благословесь, дай Бог счастья и талана» (д. Володино). «Иконами благословляют, чтобы молодые звали на имя-отчество родителей. В доме невесты её родители благословляют, а в доме жениха его родители, иконой по головам стучат: зовите, мол, так и так, хоть один раз в год матерью называйте. У невесты Пресвятой Богородицей, у жениха Отцом Спасителем благословляют, потом эти иконы забирают молодые к себе» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «Как ехать к венцу, их благословляют. Молодые так головы наклонят, им головы-то стучают ковригой хлеба, ребром-то, и говорят: «Дай, Бог, счастья, дай, Бог, ума-разума». Молоды-те уже тут выйдут из-за стола и у стола-то стоят, их благословляют. Пучеглазники подсматривают, подглядывают за всем» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.).

Когда невесту одевают и выводят, исполняется песня «Погости-ка, наша гостыюшка».

- Погости-ка, наша гостыюшка,
Погости, наша голубушка.
- Не пора мне гостить, не времечко.
Комоня де запряженные,
Кучера сидят на козелках,

Бояра-те во избе стоят,
Меня, молоду, вести хотят
На чужую на сторонushку,
Ко чужому ко чужевничку.

(с. Половодово).

«На улицу выведут невесту с женихом, тогда так запоют - до слез доводят.
С песней в карету и посадят».

Сверху суденышко бежало,
Сверху раскрашено бежало,
Степану во двор забежало.
Невестушка выходила
Да речушку говорила:
- Да дайте мне с тятенькой проститься,
Дайте на мамоньку наглядиться.
Мать об дитятке плачет,
Мать об дитятке рыдает:
- Я три дня на банюшке лежала,
Я смертной час принимала,
Я заменушку себе начала.
Вот мне несчастной замена,
Вот мне, несчастной, перемена.

(с. Половодово).

«Перед отправлением дружки-то ещё круг коней обежали три раза с «аминем» (д. Володино). «Из дома-то молодых выводят вдвоём, но каждый потом на свою лошадь. Невеста тут ещё встанет, на все четыре стороны поклонится, на солнышко, бабы смотрельщицы скажут: «Ну, Бог простит. Поезжайте, благословясь» (д. Володино). Вот сели, я в корзину, он в свою корзину-то, тут ещё ко мне девок тащат, чтобы я с их платки посрывала, с голов-то. Потом по дороге эти платки выбрасываю, коей первый брошу, та вперёд замуж выйдет, ну, и так второй брошу – вторая выйдет» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.).

В день свадьбы молодожёны катались в *поезде*. Он представлял собой несколько повозок (кошевок), конская сбруя и дуга были украшена цветами. «Нюрку везли только на двух лошадях. Эти свадебжане считаются, кто едут. Близкие, мои родители и его родители. Родственников созовут»

(д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). «На конях ехали. Кучер, крестная тоже тут. Родители на второй лошаде. Приданое там, ящичек поставят деревянный с невестиным добром» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

Момент венчания - один из наиболее магически значимых в обряде. «В церкву-то меня крёсна повела, а его - крестный» (д. Володино). «Жених с невестой встречаются только в церкви. Невеста в одной стороне стоит, а жених в другой, они не вместе стоят. Когда уже там их объявят, тогда к алтарю, к попу, тогда невесту ведут к попу и жениха тоже. Они только тогда встретятся вместе, вот тут, у алтаря» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Батюшка-то нас благословил и свечи передал; ну, как полагается, встали мы на плат-от холщовый такой, пообещали друг другу и любить-то, и уважать-то, и не изменять-то до гроба. Батюшка осенил нас крестным знамением. Молитвы читали, «Отче наш» пели, сейчас в церквах это тоже поют» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.).

Отдание красоты проводилось также и в момент венчания. «Вот в церкву-то в волосах-то у невесты три ленты с дивьей красотой, так их поп сам оттыкает и кладёт в Евангелие, если девка непорочная, конечно» (д. Володино). «Под венцом стоят, ещё примечают: если лицо мужика синее покажется, значит, он не жилец» (д. Володино). «Рассказывала вот одна женщина, она в Бога верила, ездила в Киев. Вот, говорит, смотришь на образа, если грешен, то образ Святой Богородицы спиной к тебе поворачивается. С ней это и случилось. Она грешная была, несколько раз замуж выходила, Богородица к ней и повернулась спиной» (с. Половодово).

Венчальные свечи хранят до смерти и потом кладут их в гроб (г. Соликамск). «Поп кольца оденет, тогда они поворачиваются, уже кланяются родителям, невеста кланяется его родителям - матери, отцу, а жених кланяется невестиным родителям. Они их тогда благословляют» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Кольцо обручальное обязательно надевали, это чтобы жизнь шла хорошо, кругло» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.).

От венца молодые отправлялись в дом жениха. «Как из церкви-то вышли, тут нас ещё зерном посыпали и песни свадебные пели, ну, а тожно и в дом жениха поехали» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «Тогда уже вместе, дружки вот все эти, ихние друзья, посажённые гости, самые такие близкие уже друзья садятся в карету, на лошадях, и везут уже их парой в дом жениха» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Поедут, жених посадит невесту на колени. Большие ленточки у невесты в волосах»

(д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.). «Из церкви-то уже вместе в кошёвке поехали. Тут ещё наказывали сидеть, молчать, мол, кто первый заговорит, тот всю жизнь кориться будет» (д. Володино).

«От венца приедут, как заходить, мать молодых встречает с подносом. Они зайдут, станут посередь полу, мать с хлебом, отец икону держит. Перво иконой благословляют, потом мать хлебом. Говорят: «Зови меня батюшкой, зови меня матушкой». И чтобы этот хлеб жених укусил и невеста. Тогда уж за стол. На передний угол молодые стоят. Посадят их за стол, под них клали бешмет шерстяной, чтобы богато жить. Жених туда кладет в карман деньги» (с. Половодово).

«Когда привезут, там уже толпа всех гостей, всё уже около дому: их уже ждут. У невесты везут на одной лошади приданое, сундуки, это всё везут. И вот всех останавливают. Там до дому их ещё не допустят, до крыльца, пока выкуп не дадут. Приданое везут уж на последней лошади, жених с невестой на первой едут. Крёстные вместе все. А родители на втором месте. Одних жених везет там с дружками со всем, на второй уже там отец с матерью, там уже тётки, золовки все, значит, на третьей - там уже остальные гости, которые в церкви были. А там уже их ждут около дому. Приехали, невесту ссадили. Дружки тут ещё не пускали в дом, товарищи жениха, просили выкуп. Кто сколько. Если мало дают денег, не отдают ни в какую. Вот заломят такую цену, вот давай такую цену за невесту» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). На крыльце всех приехавших гостей встречали песней «Не было ветру, да вдруг надунуло»:

Не было ветру, да вдруг надунуло,
Не было гостей, да вдруг насккали.
Полна ограда карет золотых,
Полна конюшня коней вороных,
Полна прихожа кучеров молодых,
Полная зала князей да бояр,
Полна столова княжецких жён.
Выпустили соловья из зелёного сада.
Подломили залу новую,
Растоптали чару золотую.
Расплакалась тут, расступилась красна девица.
Уговаривал её добрый молодец:
- Ты не плачь, не тужи, моя девушка,
Заводья новые сам построю,

Чару золотую из Москвы привезу,
Вместо соловья сам утешу тебя.
(г. Соликамск, зап. от А.Я. Поповой, 1903 г.р.).

Встречали молодых хлебом-солью. «Тут ещё выносили каравай хлеба на полотенце, жениха и невесту просили откусить по разу, смотрели, кто в доме хозяином будет: больше откусишь, больше власти будет» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «В доме жениха молодых благословили хлебом, потом дают откусить каждому, кто больше выкусит, то тот в доме хозяином будет» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «А караваем, я только слыхала раньше, благословляли, когда свадьбу делали раньше старухи. Благословляли да давали кусать. Чем больше откусит, говорят, дак богато жить будет» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.). «Невенчану благословлять иконой грех, и хлебом грех. Хлеб испекут, каравай с рисунками: «С законным браком» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.). «Свекруха встречала нас с караваем, с голубками из теста вылепленными, на пироге-то испеченном. Мне мама потом рассказала, зачем эти голубки, они не просто для красоты, а чтобы молодые любили друг друга, и крепкая чтоб семья была. Отрезал нам по краюшке пирога дружка-то» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.).

Заходя в дом жениха, невеста старалась исполнить особые действия, которые в будущем обеспечивали ей главенство в доме. «В дом заходить будут, на порог невеста встанет, темечком достанет косяк двери: «Кто в доме хозяйка будет? Я буду» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «У нас одна выходила на проскок, в избу-то мужикову зашла, на порог ступила, да как соскочит, все бабы-то: «Ну, хозяйка в доме, хозяйка». А я тоже от косяков как шагнула, широкоше шагнула, даже порог не задела, такая и хозяйка была» (д. Володино). В ряде мест невесту заводили в дом жениха через двор. «А как ино. Двором заводят, такой закон был. Чтобы скот любил невеста, скот знала» (г. Соликамск).

«Привезут невесту, заведут её, обедают круг стола, посадят на почётное место. Проводит ее кого она выберет. Её подружка ведёт, у жениха друг ведёт. Она вся в цветах. И обязательно матери тут обе, отцы обои» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «За столом стояли молодые, их поставляют. Постоишь, потом сядешь, Невесту в сукманку наряжали» (с. Вильва, зап. от Н.В. Габовой, 1928 г.р.). «К жениху приедут, жених её заводит на кухню, и там уж подружек нет, там тётки, они там цветы сняли, ленточки

расстегнули, ряд прямой сделали, надели косынку, а косы-то обе замотали. Вот и всё, кончилась невеста, баба стала» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.). «От венца-то приехали, ещё косы заплетали, ещё смотрят, котора сваха наперёд заплетет. У меня сваха-то бойкая была, заплела мне всё и щёлкнула по лбу, мол, парня принеси. А потом меня снарядили, у нас ещё зеркало большое было. Он тут тоже вышел из-за стола-то. Вот тут нас поставили и спросили: «Кого видишь в зеркале-то?» – «Александра Михайловича, мужа своего». - «А ты кого видишь?» - «Екатерину Матвеевну». Тожно нас вывели из кути и за стол поставили, под песню всё делали» (д. Володино).

Когда невесту посадят за стол, поют «Сокола»:

Ой, где был сокол, где соколенка была?
Где был Иван Васильевич, где Мариюшка Ивановна была?
Ой, нонче они за одним столом,
Яства едят все сахарные,
Питья-то пьют все медовые.
Пьют они, едят, потешаются,
Молодой невестой похваляются.
Эта честь-хвала на чужой стороне,
У чужой свекровки-мамоньки,
У чужого свекра-батюшка,
У чужих деверьев-братчиков,
У чужих золовок-сестрицей,
У чужа-то чужевничка, у Ивана-молодца.

(д. Толстик, зап. от Л.А. Брагиной, Е.П Брагиной, А.Ф. Барановой. Эту песню могли исполнять также в обручении).

Другая песня, под пение которой молодых садили за стол, - песня «Недолго же бантику на столике лежать»:

Недолго же бантику на столике лежать,
Недолго же Тане во девушках жить,
Недолго Александровне во красных быть.
Русы кудри за стол пошли,
Русу косу за собой повели.
Косонька с рученьки спадывает,
Иван-от у Тани выпрашивает:
- Скажи мне, Танюша, кто тебе мил,

Скажи, Александровна, кто тебе любим?

- Мил мне милёшенек тятенька,

Ещё помилая мамонька.

- Не это, Танюша, неправда твоя,

Нет, Александровна, неистинная.

Мил тебе малёшенек князь Иванович,

Ещё помилее Степан.

(с. Половодово, зап. от А.П. Брезгиной, 1924 г.р.).

«Из церкви когда приедут, вот тогда уже все гости идут. Угощают их. Тут и песни, тут и пляски. Тут уж всё угощение, и всё пошло» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Тут полный поднос гранчатых рюмок, вот приходишь, тебе стакан пива, потом рюмку. Перву рюмку сам хозяин пьёт, потом гости пьют, когда последние рюмки выпили, хозяин опять выпивает самую последнюю: «Ну, теперь можете угощаться». А гостей-то ждут всех, чтобы все пришли, только потом за стол» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.).

За свадебным столом со стороны жениха сидели сваха, дружки, отец и мать, братья, сестры. «У дружек были надеты либо фасные полотенца, либо ленты атласные, либо свежие веники. У свахи шляпа. Основа её была из проволоки, её обвивали лентами и пришивали на неё цветочки. Из нескольких лент сплетали косу. А шапка сама была в виде боярки. Эту шляпу делали подружки и потом продавали её свахе» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). «Дружке на грудь цветок прикалывают, чтоб узнать было. Дружку ставил жених от себя» (д. Тетерина, зап. от В.А. Белкиной, 1928 г.р.).

«Сидели раньше за столами только свои родители. Мои родители были и твои родители были. Твои родители по ту сторону сидят: муж с женой. И по эту сторону невеста сидят: муж с женой. Тысяцкой-воевода был. Он близкой, тоже свой был. Тожно зовутся свидетели. Раньше дружка был и сваха была. Дружка был от жениха, а сваха была от невесты» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). «Каждому ещё песню тут пели. Вот боярину спевка была: «У большого-то боярина голова-то, как у мерина...». Ещё была спевка сестре: «На горе четыре дрявы, там головушка моя. Лучше бы четыре деверя, золовушка одна» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). «Кто пел, тому деньги давали, так старались - без голоса оставались» (д. Санниково, зап. от Санниковой Т.И., 1912 г.р.).

Песня, посвященная дружке, называется «Розан»:

Розан, ты, мой розан, виноград зелёный,
Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?
Николай хороший, Иванович пригожий,
На коня садился, в дальный путь пустился.
По деревне едет, невест собирает.
Розан, ты, мой розан, виноград зелёный,
Николай хороший, Иванович пригожий.
Ко двору приехал, Наташенька встречает,
Наташенька встречает, женихом называет,
За руку берёт, в комнату ведёт.
В комнату зазывает, за стол сажает.
Розан, ты, мой розан, виноград зелёный,
Николай хороший, Иванович пригожий.

(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

Другое величание дружке - «Наша друженька, наша хоробрая»:

Наша друженька, наша хоробрая,
Ой, радость, веселье мое,
Наша друженька, ой, радость, веселье мое,
С-по имени Дмитрий Прокопьевич,
Ой, радость, веселье мое,
Надевает, надевает, ой, радость, веселье мое,
Надевает он брюки шевиотовые,
Ой, радость, веселье мое.
Надевает рубашку он шелковую,
Ой, радость, веселье мое.
Надевает перчатки он лайковые,
Ой, радость, веселье мое.
Надевает он шапку-то выхохлеву,
Ой, радость, веселье мое.
Он хватает коня, коня тысяцкого,
Ой, радость, веселье мое.
Надевает узду, узду сменную,
Ой, радость, веселье мое.
Надевает сидельце он со кисти,
Ой, радость, веселье мое.
Запрягает дугу-то, дугу сселенную,

Ой, радость, веселье мое.
Запрягает он сани-то, сани писанные,
Ой, радость, веселье мое.
Сани писанные, нарисованные,
Ой, радость, веселье мое.
Ещё к дому подъезжает, ой, нахайкивает,
Ой, радость, веселье мое.
Он нахайкивает, ой, насвистывает,
Ой, радость, веселье мое.
Молоду жену он выгаркивает,
Ой, радость, веселье мое.
Выходи-ко, жена,
Ой, радость, веселье мое,
С-по имени ведь Наталья Владимировна.

(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Тысяцкому исполнялась песня «Тысяцкий - воевода»:
Ещё тысяцкий у нас воевода, ой, воевода.
Ещё он воевал городами, ой, городами.
Он теперича воюет головами, ой, головами.
Он Тамару-то брал да руками, ой, руками.
Он Ивановну брал да белыми, ой, да белыми.
Ой, Геннадьюшке Светлану любить, ой, любить.
Почаще в кино её водить, ой, водить.

(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Богатому гостю на свадьбе исполнялось величание, прославляющее его щедрость:

Ещё кто у нас на свадьбе, ой, да богатый.
Ой, да Иван Алексеевич богатый, ой, да богатый.
Он из гривны на гривну ступает, ой, да ступает.
Он-то рублями ворота отворяет, ой, да отворяет.
Выходила жена, ой, да жена.
Не за то ли его Анна полюбила, ой, полюбила.
Не за то ли его Ивановна полюбила, ой, полюбила.
Ты, животинушка, ты, господинушка.
Да я не вижу тебя.

Ой, да увижу тебя, да я обрадуюся,
Перелетному ясному соколу,
Ой, да удалому молодцу, свет, Ивану Алексеевичу.
(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Свахе исполнялась особая величальная песня «Уж ты, проезжая свашенька», в которой она предстает как перелетная пташенька:

Уж ты, проезжая сваженька,
Перелетная пташенька, перелетная пташенька,
А Федосья Прокопьевна, а Федосья Прокопьевна,
- А куда, сваха, ехала, а куда она ехала?
- Уж я ехала, споехала, уж я ехала, споехала
Да лесами-те темными, да лесами-те темными,
Да лугами-те зелеными, да лугами-те зелеными,
Да реками-те быстрыми, да реками-те быстрыми,
Да грязями-те черными, да грязями-те черными,
Да деревнями, селами, да деревнями, селами,
Да ещё к терему приехала, да ещё к терему приехала.
- Уж ты чем терем дарила уж ты чем терем дарила?
- Уж я дарила, сподарила, уж я дарила, сподарила
Удалым добрым молодцем, удалым добрым молодцем,
Да ещё Дмитрием Прокопьевичем.
- Да еще чем грязи дарила, да еще чем грязи дарила?
- Да ещё мостами калиновыми, да ещё мостами калиновыми.
- Да уж ты чем реки дарила, да уж ты чем реки дарила?
- Да ещё лещами-те, щуками, да ещё лещами-те, щуками.
- Уж ты чем луга дарила, ещё чем луга дарила?
- Я цветами лазоревыми, я цветами лазоревыми.
- Еще чем леса дарила, еще чем леса дарила?
- Я лисицами, куницами, я лисицами, куницами

(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Невестиной свахе пелась песня «Ой, невестина сваха беляна»:

Ой, невестина сваха беляна, ой, да беляна.
Ой, ещё Павла Кирилловна беляна, ой, да беляна.
Она три года по настичку гуляла, ой, да гуляла.
Ой, да три года полотна белила, ой, да белила.

На калиновых мосточках полотна, ой, да полотна.
- Ой, вы лежите, полотна, до время, ой, до время.
Ой, до такого до время, до свадьбы, ой, до свадьбы.
Ой, когда будет Клавдиюшко жениться, ой, да жениться.
Ой, когда будет Татьянушку брати, да, ой, да брати.

(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Женатой паре пели песню «Ох, как у нас среди широкого двора»:

Ох, как у нас среди широкого двора
Натекла речушка медовая,
Ох, расцвели цветички аленькие,
Ох, аленькие алиловенькие.
Ой, первый-от цветочек Иван у меня,
По имени Иван-от Иванович.
Ой, второй-от цветочек у меня
По имени Петр Алексеевич.
Есть же ещё милая у меня
По имени Надежда Ивановна.

(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

Песня «Вылетал соловей» также исполнялась гостям-супругам:

Вылетал соловей из зеленых лузей.
Ой, люли, ой, люли, из зеленых из лузей.
На крутой бережок, на желтой на песок.
Ой, люли, ой, люли, на желтой на песок.
- Ещё кто же у нас во совете живет?
Спой мне, Владимир Иванович,
Со душечкой, со Надеждушкой.
Ой, люли, ой, люли, со душечкой, со Надеждушкой.
- Спороди мне сына мила, ясна сокола Сергея.
Ой, люли, ой, люли, ясна сокола Сергея.
Отдадим мы его в Петербурге обучать.
Ой, люли, ой, люли, в Петербурге обучать.
Не ради чести-хвалы, ради светлой грамоты.
Ой, люли, ой, люли, ради светлой грамоты.
Быть бухгалтером, ой люли, ой люли,
Быть кассирщиком,

В светлом доме быть хозяином,
Ой, люли, ой, люли, быть хозяином
(с. Половодово, зап. от Ф.П. Караваевой).

Гостей величали также песней «Плавала чарочка в сладком меду»:

Плавала чарочка в сладком меду,
Ох, в сладком меду да во патоке.
Никто эту чару не пьёт, не берёт,
Не пьёт, не берёт и не кушает.
Взялся, принялся один господин
По имени Иван-от Иванович.
Он сам изопьёт, все жене подает:
- Кушай, жена, кушай, барыня моя.
- Нет, я не пью, я не кушаю.
Сегодня младеньке маленько спалось,
Маленько спалось, во сне много виделось
(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

Особо уважаемым гостям пели «Летел сокол»:

Летел-сполетел сокол из-за гор,
Ехал-споехал хозяин на коне.
Он и сам на коне, как ясен сокол,
А конь-от под ним, как лютой зверь.
Он шелковой плеточкой помахивает,
Барановой рукавичкой нашшалкивает,
Он и сам ко дворцу приворачивает,
Он у лакея приспрашивает:
- Ой, дома ли дома жена-барыня моя,
Свет Наталья Ивановна?
Если она во беседе сидит,
Пусть же она забавляется.
Если она во Божьей церкви,
Пусть же она Богу молится.
Если она в новой спальне спит,
Пусть же она высыпается.
Вы не ходите, не будите ее,
Сам я схожу потихошеньку,

Сам разбужу помалешеньку.
Встань-ко, жена, встань-ко, барыня моя,
Свет Наталья Ивановна.
Мне же ночеся маленько спалось,
Маленько спалось, во сне виделось,
Будто у нас середь широка двора
Вытекла речушка медовая

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

Своеобразный вариант этой песни содержит иные образы, а именно - образ расстилающегося по дорожке хмеля и насвистывающего соловья:

По дороженьке хмель расстилается,
Хорошо соловьюшка посвистывает,
Ох, наговаривает.
Он и скок на крыльцо, он и бряк на крыльцо,
Ох, калина, ох, малина.
Да золотой завиток, да серебряный,
Да Сергей Киприянович,
Ох, калина, ох, малина.
- Ещё где же жена,
Да Маринушка да Сергеевна?
Ох, калина, ох, малина.
Еще слуги его отвечали ему:
- Что твоя-то жена в Божью церкву ушла.
Ох, калина, ох, малина.
- За себя, за меня, за меня, добра молодца,
Богу молиться.
Ох, калина, ох, малина.
Хорошо соловьюшка посвистывает,
Хорошо молодой наговаривает,
Ох, наговаривает.
Он скок на крыльцо, он бряк во кольцо,
Ох, калина, ох, малина.
- Ещё где же жена, где же барыня моя?
Слуги его отвечают ему:
- Уж твоя-то жена в нову спальню ушла.
- Не ходите вы к ней, не будите её.

Уж я сам пойду, уж я сам разбужу,
Разбужу, развеселю, на пир поведу,
На широку на беседу, на обручение.
(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой, 1902 г.р.).

Песня «Невинная ягодка» (величание, названное «отталкиванием» от традиционного для фольклора образа винной ягоды - винограда) исполнялась неженатому парню:

Ты, невинная ягодка, наливной сладкий яблочек,
Сахарной сладкий пряничек, удалой добрый молодец.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
У него буйна головушка со кудрями со желтыми.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
У него лицо белое - побеля снегу белого.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
У него щеки алые, поая маку алого.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
У него очи ясные.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
У него белы рученьки со перстнями злачеными.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
У него цветно платьице, у него рукодильице.
У него же, у молодца, у него, у хорошего,
Есть невеста хорошая.

(п. Бараново, зап. от С.А. Петуховой).

Песня холостому парню «Изыюменная ягодка», строясь по той же схеме, что и песня «Невинная ягодка», содержит другие детали описания:

Изыюменная ягодка, недозрелая, маковая.
Хорош добрый молодец, Николай-от Иванович,
У его и у молодца шапка черного соболя,
Изыюменная ягодка, недозрелая, маковая.
У его у добра молодца, щечки беленькие,
Да более снегу белого.
У его, у его губки аленькие.
У его ещё у молодца пиджак бархатный.
У его невеста да выросла, да Елена Юрьевна.

Приданье налажено, коленочком надавлено,
В Половодово отправлено.

(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой, 1902 г.р.).

Угощение гостей за столом сопровождалось дарением даров. Гости подходили к молодым, угощались (*ходили ко стакану*) и вручали подарки. «За стол сели. Мы-то сидели на главном месте, а по бокам-то от нас родственники сидели по обеим сторонам. Ещё на столе-то перед нами бражница стояла, две, вот свекровь наливала, да причём, враз из той и другой в одну чарку» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «Все родственники, которые идут ко стакану в свадьбу, подходят к невесте, дают ей откусить хлеб, а потом этим хлебом тычут невесту в живот со словами: «Мальчика роди» (с. Касиб). «А тут и до подарков дошло. Ой, «горько» кричали как часто, дак ведь губы разболелись» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «Дарят вот гостей. У жениха с невестой подарочки лежат» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «Подарки дарили, полна изба народу наберётся, за стол садятся и дарить начинают. Перво батюшку дарят: «Милого батюшка дарят, не поморговать принять, на головушку поднять». Эту песню-то поют и подарочек дарят, дедушке последний подарок был, тельник, покровочек-то дарят. Гость опять подарок берёт и на головушку кладёт, как в песне» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «Когда дарят, поют песни. Расхваливали как: «Ой-де, дары, вы, дары мои дорогие, подарки мои» (г. Соликамск).

«Невестины подарки дарили. Свекровке рубаху невеста подарит или пару, свекру штаны, жениху рубаху. И тоже подарки золовке, деверьям» (с. Половодово).

Молодые во время пира угощают гостей. «Вот молодые посидели за столом, потом молодые уже подают пить, на подносе подносят каждому, кто за столом, на подносе две рюмки стоят, подходят и угощают. За то им подарок дарят» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «Обходила я гостей с чаркой, с подносом, гостям-то - чарку, а они на поднос деньги кидали, а их вроде как за это угощала слиянкой-то и целовала» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). Считалось, что выходить из-за стола плясать со всеми вместе молодым в первый день нельзя.

Свадебный стол отличался изобилием и наличием обязательных обрядовых блюд. «Пирог тут на столе лежит, его не разрезают и не повертывают, а когда уже начнут есть, тогда его вскрывают и режут, главный хозяин режет -

сват, он корку-то снимает, потом режет, по солнышку корку-то обрезают» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «На столе-то, как обычно, и рыба была, рыбы много было шибко и соленой, и маринованной, и запеченной, и пельмени, конечно, и такие и сякие, и пирогов уйма, тоже всякие, ну, и шаньги, конечно» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). Непременное свадебное блюдо - *изюмник*, хлеб с запеченным изюмом: «В будни дни хлеб пекли, а на свадьбу обязательно изюмники, ягодники, розанцы» (д. Оськино). «Салаты всякие ладили: капустный, зимний, мясные блюда: жаркое, которое делалось в русской печи, гусь жареный, куры, холодец всегда на свадебном столе должен быть, также кудри (хворост). У каждой хозяйки была своя форма кудрей, пироги пекли всякие: рыбные и мясные, из выпивки были самогон, бражка, медовуха, пиво деревенское, мусло, водка» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.).

Во время свадебного гуляния молодожёны не должны были выходить из-за стола, в противном случае гости крали невесту и просили у жениха за неё выкуп. «А то могли ради потехи обоих закрыть в амбаре, а дружки должны были их выкупать» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). Ещё вот в «Бутылочку» играли, хорошо помню. Бутылку-то вот с вином передавали через гостей, а брат-то мой в это время на гармошке играл, дак он как остановит игру-то, у кого бутылка в руках-то остается, он из этой бутылки выпивает, соседа справа целует, а потом за молодых слова говорит. Долго пировали, нам ведь время-то не останавливали, и танцы были, долго танцы-то были, пляски. Ну, а часов-то в десять, в одиннадцать ли, не помню сейчас, темно было, провожали нас в спальню. Постель нашу мукой обсыпали, такой обычай был. Мне тогда не до разговоров было вовсе, я в глаза-то не знала, как ему глянуть-то, не только что» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.).

Обычно молодых на брачное ложе отправлял дружка. «Дружка и дружка ведут. Когда молодые выходят из-за свадебного стола, тетка родная с невесты фату снимает. Все, теперь можно и гулять, и спать идти с мужем» (с. Половодово). «Часов в десять вечера молодоженов провожали спать. И охраняли их дружки жениха» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). «Молодуха жениха раздевала, на колени вставала и стаскивала с мужа сапоги, а он мог туды денег напихать» (п. Чёрное, зап. от Е.Н. Селюниной, 1936 г.р.).

Оставшиеся за столом гости продолжали веселье. Часто исполняемая на свадебном пиру песня «Как у броду, броду»:

Как у броду, броду, ой, радость, радость.
У мелка переброду тут стояла конюшня.
Тут конюшня не простая, не проста - дубовая.
Как во той во конюшне, как во той во дубовой,
Тут да тридцать три коня.
Они все под коврами, они все под шитыми,
Один конь под попоной.
Что никто коня не любит, что никто ненавидит.
Александр коня любит, что Иванович навидит.
Он и вокруг коня ходит, по бокам коня треплет.
Он овсом коня кормит, еще сена до колени,
А овес-то до щеток.
- Уж ты, комонь мой, комонь, сослужи мне три службы.
Еще перва-та служба - мне в Казань-то по мыло,
Что вторую мне службу - мне в Рязань по белила.
Еще третью-то службу - по невесту мне ехать,
Что по Анну хорошу, по Васильевну пригожу.

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

• Второй день. Пирог.

События второго дня свадьбы связаны с испытаниями молодых (часто шутивными), с устройением бани, дарением невестой реки, с разгульным застольем с шутками, свадебным маскарадом и играми.

«Утром молодых будят: «Вставайте, молодые». Тут ведро воды им принесут, полотенце - умылись молодые чтобы» (д. Володино). «Наутро нас мать евоная будила, вот, простынь забрала из-под нас, да и в сени повесила» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). Впрочем, в ряде мест второй день начинался достаточно буднично: «Будить молодых у нас принято не было - сами вставали. Жена вставала пораньше и начинала работать со свекровью» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.).

Утром молодая несла из колодца первое ведро воды в мужнин дом, и вся свадьба, а то и жители деревни шли за ней толпой. Все внимательно глядели, не расплещет ли новая хозяйка воду (это считалось плохим знаком). Потом она заходила в избу, народ входил за ней, и она подносила каждому ковш принесенной воды (п. Бараново). «Наутро молодая шла по воду, заклинала её и монетку туда бросала. А у ворот её поджидали гости. Они друг друга этой водой-то обливали» (п. Чёрное, зап. от Е.Н. Селюниной, 1936 г.р.).

Озорство и «кураженье» над молодыми было обязательным. «Лохань стояла под умывальником в той избе, дак гости у меня все полотенца, только я повешаю полотенце, пойдут умываться, в лохань бросят, истопчут. Я все вытащила полотенца. «Молодушка, невестка, нету полотенца, опять сырое полотенце». Все достала, хороши, все достала полотенца, они всё разорили» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Застолье второго дня устраивалось ближе к обеду. «К полудню стали и гости подъезжать, к обеду-то. Свекровь к тому времени уж и блинов напекла. На второй день гости подшучивать стали, меня заставляли и воду носить, и в доме прибираться, и все проверяли, какая из меня хозяйка вышла» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). Начиная любое порученное ей дело, молодуха просила у всех в доме, и особенно у мужа, благословения (п. Чёрное). «Этот день назывался *пирог*, потому что кушаньем первым были яшневые пироги» (п. Чёрное, зап. от Е.Н. Селюниной, 1936 г.р.). «Наутро пироги стряпают, как нажарят, тут опять поднос принесут, поставят три кружки пива самого крепкого и стопку вина и так ходят, всех угощают» (д. Володино). «Все пили за родителей, а я должна была их называть «мамой» и «тятей». Гости-то в этот день пили и за здоровье будущих детей да приговаривали. «Здесь-де за чаркою вина Маша, Миша, Коля, - всех перечисляли по именам - Марья, Дарья, Прокопий, Толя» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «Всё шутили. И чтоб она воду-ту не расплескала, и чтоб хлеб не сломала, в печку садила когда. Чтоб она на лопату взяла хлеб, чтоб тесто не сломалось, чтоб хорошо посадила в печь. «Стряпка хорошая будет», - скажут» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

Во время пира жених должен был сказать, какова невеста. Ему подносили рюмку вина, которую он выпивал и, разбивая её, говорил про жену: «Хороша». Гости кричали ему в ответ: «Хо-ро-ша!». По старому обычаю гостям показывали простынь с ночи, как доказательство честности невесты (но если невеста была уже не девственница, то жених ее не выдавал - с. Касиб).

«На другой день ещё баню топят, нас опять в баню. Хомут оденут невесте и тащат, она плачет, её всё равно тащат. Там уже пиво приготовлено, вот баню-то подопрут, а молодых пиво заставят подавать, так они через банное окошко всех угощают, тому нальют да другому нальют (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «В свадьбу невесту в бане закрывали и баню топили. Невесту спрятали один раз в баню, а в бане ребята у жениха подшу-

тить хотели, затопили баню, а невесту закрыли, её чуть там не задушили, она чуть от дыма не задохла» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). В баню отправляли и других участников свадьбы: «Хоть и летом, свалебляна везут в баню тещу, это уж в последний день» (с. Половодово).

На второй же день невеста показывала свои наряды, наряжалась в новые платья. Считалось, чем больше нарядов, тем богаче невеста. «Бабки так говорили: «Лидка-то какая богатая! Сколько платьев-то сменила!» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.). «На второй-то день скоко есть приданого, там полотенца, скатерти, родня всё надеват на себя и ходят по деревне, пива ведро возьмут ещё с собой, ходят по деревне, подают пиво всем» (д. Володино). «У меня вот полотенца вытащили из сундука, он у меня не закрытый был. Полотенца из сундука вытащили, ходили по деревне с гармоньей, плясали, пели и бражку носили с собой» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). «Тысячкой, хрёстный, его опять на хомут посадили и потащили зимой в магазин, он там вино покупает, всех угощает, откупается как деньгами» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «И свекра, и свекровку на санках в баню водили, шибко браво было. Водой обливались, шутили» (д. Санниково, зап. от Т.И. Санниковой, 1912 г.р.). «Жених тещу катал. Мог в корыте её прокатить, в снегу выкупать» (с. Касиб, зап. от Т.А. Гостюхиной, 1959 г.р.).

«Невесту прятали, а жених искал невесту. Потом, когда уже в доме все соберутся, принесли солому, кидали на пол. И кидали деньги. Вот невеста встала утром, дают ей веник: «Ну-ко, как выметет: чисто-нет, хороша-нет невеста будет». Ей пришлось это всё убирать, чтоб ни соринки, ни пылинки не осталось. Ну, а если заленится, не пойдёт, не хочет: «Ой, плохая будет жена» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.). «Мела вот ещё пол. Мне-ка ни одной копейки никто не бросил. То я всю жизнь плохо, тяжело прожила. А у меня дочь выходила замуж тридцать лет тому назад, ей много бросали деньги. Она до сих пор в деньгах живёт. Это так» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.). «Жених опять из чурки вырубает рубли, откалывает чурку, там они забиты. Закладывают под углы потом эти денежки, как строиться» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

«Вот на второй день братан принёс трубу от самовара, ходит с трубой, как с градусником» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.). «Ещё тут чего было: жених садился на пол и начинал руками разводить, мол, как гребёт веслами. Гости-то орут: «Пуше гребь, пуше!» Жених вот погрёб, потом пот с лица утирает, потом они ему загадку загадывают, мол, мы так тебе

сделаем, что падёшь и встать не сможешь. Он утёрся, пал и лежит, мужики тут ухват притащили и за шею жениха-то прижали. Он лежит, а они чё хотят, то и делают. У молодушки даже юбку порвали. А жених-то рассердился потом, вскочил да юбку своей жены разорвал всю в клочья, на ленточки» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.).

«Свадьба кончится на второй ли на третий день - хоровод свадебный все вместе водили, песни пели» (д. Пальники, зап. от А.А. Кибановой, 1918 г.р.). «Свадьбе под конец - велят невесте пол мыть. Невеста пол моет, а бабы смотря, чисто - нет вымыла» (п. Затон, зап. от А.Н. Смольниковой, 1926 г.р.).

Гостей провожают - «Расхожу» поют:

Расхожая, разъезжая,

Кому ехать домой, запрягай, доступай.

Кому спать-ночевать, да стелись да лёжись.

• Хлебины, блины

Обязательный послесвадебный эпизод на севере – визит молодых к родителям невесты. Обычно он приходился на время Масленицы. «Через неделю после свадьбы жених ехал к теще на блины» (с. Касиб). «В Масленицу хлибины делали. Пируют, теща тут блины делает, масло нальет в серединку и принесёт на лопате жениху. Как хочешь, так и ешь. Еще с брагой, пивом, водкой ли лопату подносили: «Как хочешь, так и пей, лопату не опрокидывай. Пей, не пролей». Мужик-то опрокинет стопку. А зять теще тоже должен принести был что-нибудь. Блин съест - положит ей подарок на лопате. Ещё у тещи в Масленицу молодых водили парить в баню. Веники некоторые завертывали, с собой везли, потом ещё дома ими парились в бане. Три бани ими парятся» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.). «Отхлебены были: невестины отец-мать пиво готовят, через недели через две после свадьбы. Свекр со свекровкой едут на отхлебены. Пируют, всякие песни поют. Жених брал матерьял - теще на парочку» (с. Половодово).

* * *

Приведенное описание соликамской свадьбы показывает, что свадебная обрядность края достаточно традиционна, влияние городской свадьбы в ней практически не ощущается. Большинство используемых форм, основные эпизоды обряда вполне типичны для Северного Прикамья, хотя нередки и специфически местные детали. Для традиции характерен большой корпус

плачей, свадебных песен, сопровождавший основные эпизоды обряда. В разных местах эти песни и причеты отличаются лексическим и образно-символическим наполнением, варьированием сюжетов.

• ОБРЯДЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ДЕТОРОЖДЕНИЕМ И ДЕТСТВОМ •

Как и в традиционной культуре в целом, в обрядности Соликамского района существенное место занимали особые ритуалы и представления, связанные с миром детей и деторождением. Многие из них - отголоски древних времен. Так широко известный запрет беременной ходить в лес возводят обычно к древним представлениям о медведе - тотемном первопредке: «Беременной нельзя в лес ходить, медведь не любит их. На три километра он её слышит, он поймает, выдерет сразу же живот, сразу выдирал» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Запрет беременной перешагивать через конскую упряжь, хомут, оглобли, дугу, веревку (нарушение запрета могло привести к тому, что будут тяжелые роды - г. Соликамск) связан с осмыслением её как носителя исключительной сакральной силы (недаром конская упряжь активно использовалась в народной магии). Особые предосторожности должна была соблюдать ждущая ребёнка женщина в контактах с животными («Свинью пинать нельзя, на детей чернота идёт, шшетина. Через кошку ходить беременной можно, скоряя ребенок выскочит, меньше мук будет» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Несомненно, за запретами стоит стремление уберечь ждущую ребенка женщину от возможных стрессов и негативных впечатлений, «нейтрализовать» ее агрессивность.

Отдельные факты свидетельствуют о бытовании в прошлом особых ритуалов, связанных с трудными родами («Если женщина не могла разродиться, её водили вокруг стола» - г. Соликамск), послеродовых обрядовых действий («Пуповину у меня свекровка, не знаю, вроде на родник выбрасывала» - зап. от Пантелеевой Л.И., 1928 г.р., д. Зуева; обряд весьма специфичен, обычно пуповину закапывали в землю, в конюшне или в голбце, выбрасывали туда, где «солнышко не светит»).

Неплохую сохранность демонстрирует обряд «каша», связанный с чествованием недавно родившей. «Когда в деревне праздновали «кашу», водили по домам родственников родившей беременную женщину, и она должна была у всех угоститься» (г. Соликамск). «На кашку ходят. Чё несут-то? Да

чѣ купят, то и несут. Настряпают тамстряпню, принесут. Купят там маленькому подарочек» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.). «Вот к роженице охальники собирались. Это смотрины ребенка первые, до крестин. Дак котора роды принимала, несла коромысло вперѣд всех к роженице, на одном конце-то коромысла несѣт пиво или брагу, на другом рыбный пирог в бидоне лежал, в платке. Пирог-то как стряпали: раскатывался прямоугольник из теста, в который накладывали щуку, ельца или сорогу, три угла пирога складывали в середину, а четвертым углом накрывали ниже середины-то, закрывали так все остальные углы. Всѣ это она подносила к роженице, сначала пирог, потом уже брагу, потом уже пирог ставили на стол, на него ложили всякие шанежки, за ней шли гости, близкие, со стряпнѣй, кто с чем мог. Все и угощались» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

Обряд крещения ребенка достаточно традиционен и нередко исполнялся дома. «Обязательно крестили. Окрепнет маленький, месяца два, три и, пожалуйста, крести. Меня дак большую крестили, мне семь лет было, вот в этой церкви, я хорошо помню. Папа с попом дружил, поп-то к нам всѣ время приходил. А средняя сестра Дуся, послали, как она крѣсна мне, принимать меня. Ну, меня не макали в эту бочку и в таз. Младенцев-то же купают в купели и подают лекарство. Он токо меня умыл, наклонил над этой бочкой, как умыл. И мне придал причастие на чайной ложечке. А я попу и говорю: «А чѣ мне мало-то дал сладкого-то?» Приходим домой, Дуся маме говорит: «Ну, мама, так она меня подвела, ну, я вся покраснела, куда бы я девалась. Ты знаешь, что она попу сказала?» – «Чѣ она опять натворила?» Я отчаянная была. «Мама, она попу сказала, чѣ ты мало сладкого-то подал». А так маленьких крестят: таз принесут, обмочат его и всѣ, крестики поставят, крестят, на шею сразу крестик наденут» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Колыбельные младенцам

Баю, баю, баюшки, баю после банюшки,
После теплого парку не ходи по ветерку;

Баю, баю, баю, бай, не ходи, старик бабай,
Не ходи, старик бабай, у нас Вову не пугай.
У нас Вовочка один, будет важный господин;

Баю, баю, баиньки, в огороде баленьки.
Бали сено не едят, всё на Вовочку глядят.
Баю, баю, баю, бай, поскорее засыпай;

Сука-бука, не ходи, под окошком не стучи.
Под окошком не стучи, у нас Таню не буди.
Суку-буку мы убьём, Тане шубу сошьём.
Тане шубу сошьём, молотить её пошлём.

(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

• Игры детей

Игры детей разнообразны (ниже приведены описания некоторых из них). Разновидность «догонялок» - игра **«Филин и птички»**: «Дети считаются, выбирают водящего. Он «филин». Остальные выбирают себе названия птиц: страус, воробей. Потом разбегаются по поляне, издавая звуки, напоминающие голоса птиц. «Филин» ловит их. Как поймает, так определяет, какую птицу поймал. Дети кричат голосом птицы-то. Если отгадает, то птишка выходит из игры» (с. Половодово).

В игре **«Олень и охотники»** выбираются два «охотника», остальные считаются «оленьями». На земле чертится круг, за кругом по разные стороны две полосы. Олени становятся в круг, за полосами стоят охотники. У охотников мяч, который они кидают друг другу, сквозь круг. Если попали в оленя, он выходит из игры, и так до тех пор, пока не выбьют всех оленей. Если олень ловит мяч, он также выходит из игры (с. Половодово).

Игра **«У медведя во бору»** - также разновидность игр-догонялок: «Дети считаются, выбирают медведя. Он уходит в свой домик. Остальные участники игры изображают, что собирают ягоды, приближаются к медведю, при этом говорят: «Во бору, во бору грибы, ягоды беру, а медведь не спит, все на нас глядит». Медведь выскакивает и бежит за ними. Кого заденет, тот уходит к медведю в дом» (с. Половодово).

Игра **«Путаница»** основывается на запутывании играющими своих конечностей в общей куче. «Дети считаются, выбирают водящего (его называют «бабкой»). Бабка отходит в сторону и закрывает глаза. Все остальные берутся за руки и, выворачивая руки и ноги, запутываются, при этом говорят: «Бабушка, распутай нас, дедушка, запутай нас». Водящий должен распутать всех» (с. Половодово).

• ПРОВОДЫ В АРМИЮ •

Как отголосок старой традиционной обрядности, в крае сохраняются разнообразные свидетельства обряда проводов в армию. Как и другие обряды, проводы в армию были событием для всей общины. В частности, те, кто имели хороших «выездных» лошадей, должны были предоставлять их молодым людям - «некрутам» - для поездок по родне и катания.

Обряд проводов в районе весьма детализирован и наполнен целым рядом магических ритуалов. Обращают на себя внимание особое украшение рекрута ленточками, достаточно сложный, детализированный ритуал благословления (как и в свадебном обряде, не только иконой, но и караваем хлеба), обязательное троекратное возвращение рекрута после выхода из дома.

• Сборы и проводы

«Провожали парня - вечера строили. Танцевали, пировали, когда провожали солдата в армию» (с. Касиб). «У меня четыре парня ходили в солдаты. Один в Афганистане был, второй моряком был на Сахалине, один служил на китайской границе. Дак как свадьбу делала на каждые проводы ребячьи. Четыре провода делала. И звала народу, и водки ящиками брала. Были хороши проводы» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

Прощальный вечер сопровождался пением песен (чаще всего пели «Последний нынешний денёчек», «Как родная меня мать провожала»), особых рекрутских частушек:

А соликамская дороженька дугой, дугой, дугой.
Не по этой ли дороженьке уехал дорогой;

Подхожу к родному дому, дом невесело стоит.
Собрана моя котомочка, на лавочке лежит.

Некрута-некрутики, снимайте-ко тулупики.
Шинели надевайте-ко, милашек забывайте-ко
(с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

«В армию ребят брали, дак тогда мода была ленточки покупать на фуражку. Значит, мол, идёт призывник» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931 г.р.). «Некрутам вешали ленты на шапку. Коля вот у меня пошёл в армию, дак я повыложила шапку лентами» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). «Если шапка или фуражка у парня, то ленточки там навешам ему, с гармош-

кой, весь в огне идет. «Ой, в армию парня провожам» (с. Касиб, зап. от А.И. Жулановой, 1924 г.р.). «Раньше фуражки носили, дак на фуражку ленточки оденут. По деревне ходят, ленточки на ём: «Ой, призываются он!» С гармошкой ходят. А сейчас заиграй гармошкой да запой песни, засмеются, скажут, пьяные идут» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р.). «На фуражке у парня ленточки, девки ленточки собирают ему, а подружка свою накалывает парню на грудь» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.).

«Соберутся всей деревней, солдата-то провожают с гармошкой. Всей деревней с гармошкой провожали. Ленточки на гармошку навешают, тут бантик сделают, на грудь. Лошади были. Лошадей украсят: на дуги ленточки навешают. На фуражку тоже ленточки. Пару ещё запрягут: дуги - одна в оглобле, другая рядом. Пистерная лошадь называлось. По струнке сделают. Верёвочки натянут за гужи, и она тянет. Так и пахали раньше, тоже парами (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.). «Парню на грудь из ленточки из красной, как цветок. И на голову прикалывали тоже ленточки. Вот он целу неделю на лошадке кататся, каждый день. Если летом - в телеге. Четырёхколёсную телегу видали? Пара лошадей, лошадей украсят. Зимой дак на санях. По родным ездят. Там у нас деревня от деревни недалеко, три километра, вот и катается парень» (с. Касиб, ап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р.). «И до войны и в войну кого брали, они катались на конях с гармошкой, лошади две гоняли» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Уход из дома

Наиболее значимый момент обряда - покидание новобранцем родного дома. «Ну, сделают немножко вечерок, погуляют вечером, нечё говорить, хорошо, гармошка есть, погуляют, а утром опять снова соберутся и провожают. И молодёжь, ну и взрослые были, сродственники да кто да. А парень молодой, значит, молодёжь больше собирается» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931 г.р.). «Перед уходом в последний раз обязательно из-за стола вставали. В последний раз, как ему идти, обедают. Всех садят обедать, молодёжь всю, парней, девушек, садят за стол. Потом из-за стола все выходят на улицу. Потом, как отпрапляться, некрут обязательно заходит домой, чтобы вернуться, надо, чтобы посидел. Он дома даже что-нибудь оставлял из своего» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «Соберутся утром и провожать пойдут. За столом посидят да и пойдут. Он пошёл, оне пошли с гармонью и с песнями. Токо выходит - дергали шапку-ту с его» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.). «Пойдёт парень из дому, дак шапку с его

сдергивали, и он вернется за ей» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). «Из-за стола рекрут-то пойдёт, в дверях ему шапку сшибали. Шапку возьмёт и уйдёт. Выйдет на улицу, походит, помолится, шапку возьмёт, на дорогу выйдет, на дороге шапку у него опять забирали, до трёх раз всё это делали, чтобы он домой воротился» (д. Лызиб, Зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). «Чтобы вернулся домой, когда он из дому пойдёт, у порога у его шапку с него снимут и говорят: «Лошадка уже под окном, народ ждёт провожать, вернись обратно». Это чтобы вернулся. Он вернётся, шапку оденет, только тогда выходит и едет. Родители провожают его» (с. Касиб, зап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р.).

Обязательный элемент проводов – благословение и наказы родни. «Уходит парень, и тут его родители благословляют. Иконой и хлебом. Это вот, когда уже все вышли, тут они его и благословляют. Один раз его только отправляли с улицы» (д. Лызиб). «Благословляют хлебушком, полишку такую вот испекут и благословляли. Это делала бабушка, наверно» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.). «Раньше ярушничек возьмешь, благословишь: «Пойди с богом, пойдя со Христом, дай, Господь, счастья» (с. Касиб, зап. от Т.Д. Ромодиной, 1919 г.р.). «Мать благословляла, краюшку хлеба давала. Благословение, что хоть домой, мол, вернись, да всё по-хорошему. Краюшечку отрежешь, и всё. Над головой крестили хлебом, краюшкой» (д. Лызиб, зап. от Е.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.). «Хлебом благословят, он хлеб отламывает сколько-то, с собой берет» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.). «Благословляли некрута кусочком хлебушка, горбушкой благословлю. Идёт пока оттуды да и съест его. Благословляла: перекрещу его да и скажешь только: «Ступай с богом, на хлебушко с собой маленько» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

«Считалось, что ещё лошадь парня благословляла. А который парень уйдёт, его если выбракуют, дак лошадь стоит как вкопанная на месте» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). «Коню в ноги падали, чтоб вернулся домой. Солдат на колени встанет, перекрестится вот так и падёт в ноги лошади» (с. Касиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1930 г.р.).

Уходящему в армию нередко вручались разнообразные предметы, магически призванные обеспечить его успешное возвращение домой. «Рекруту давали с собой хлеб, сушили сухари, сало, обязательно денежки давали. Он обязательно должен взять крестик с собой. Положить иконку и замотать в красну тряпочку, а потом зашить, мешочек сделать и ему зашить к сердцу, там опять иголки с ниткой, к гимнастёрке пришьёт. Молитву тоже зашивали

с собой. Идешь от дома — была молитва, и к дому была молитва «Отче наш» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). «У меня мужа в армию отправляли, это тоже старушки, наверно, хлеба краюшку с собой зашивали, чтобы Господь-батюшка его сохранил. Так у нас и правда, Васька обратно хлеб принёс. Как мука стал, в маленьком мешочке было зашито дак, как мука. А всё ж-ки спас и домой принёс» (д. Лызиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1932 г.р.). «Парень в армию пошёл, дак девка ему иголку давала воротнички подшивать, дарила как» (п. Тюлькино, зап. от А.Н. Белкиной, 1930 г.р.). «Давали полотенце с собой, на полотенце писали что-нибудь домашнее. Пояс ещё одевают. Есть такой пояс маленький, церковный, на поясицу. Иконку дают по имени, крестики» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.). «Деньги давали парню с собой. В армию вот идти парню у нас, женат уж был, теща выбежала на дорогу и дала ему две тридцатки: «Только ты не держи деньги-то, это тебе на обратный путь, чтобы домой вернулся» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.).

Друзья, прощаясь с новобранцем, подбрасывали его в воздух. «Возле военкомата качают парня. Перед тем, как зайти в военкомат, если друзей собралось много, они качают его, подбрасывают вверх» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

На ушедшего в армию нередко гадали, стремясь узнать, как у него дела. «Ворожили, крестики ставили по осени, сшибётся если крестик, то рекрут-то не придёт, а останется - парень вернётся. И галочки, и палочки кои ставили, были как уголь чёрные. За домом-то всё усеяно было, ворожили на песок, сеяли золо на песок, если будет чего, как посеяли, никто ничего не сделает на ём, значит, он придёт хорошо, а если кто-то ступит на его, значит, не придёт» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Нередко родители отправляли солдату особые охранные молитвы. «Вот в Афганистане-то служил у меня, шибко тяжело было. Я ему четыре молитвы послала. Писала: «С собой только вози, с собой вози» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД •

Похоронный обряд относится к числу самых консервативных элементов народной культуры, он вплоть до настоящего времени сохраняет архаичные черты (например, самостоятельный ритуал проводов души в поминки сорокового дня), разветвленность эпизодов. Во многих своих формах он выражает специфическое для конкретного этноса мировоззрение, особый

символизм. «Вот человек умирает, его по соломе убирали, умирает, видят что, солому принесут, положат тряпочку под его, он так и лежит, там воду поставят, иконку положат» (д. Лызиб, зап. от Корпенко А.С., 1927 г.р.). Обрядовое предписание воссоздает древнее осмысление соломы как переходного растительного символа. В требовании выходить из дома, когда умирал человек («Открывали печную трубу и после этого выходили из дому, когда умирал родственник» - г. Соликамск) отразилось старое осмысление дома как хозяина; открывание печной трубы связывалось с «отпуском», высвобождением души умершего.

Похоронная традиция в Соликамском районе отличается наличием форм, как известных (в доме, где есть умерший, обязательно занавешивали зеркала - «Зеркало завязывали, чтобы покойник не вытащил другого человека» - зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р., д. Лызиб), так и уже не фиксируемых в других территориях Прикамья. Так специфично использование воды, которой обмывали умершего («Покойника моешь, воду соберешь, этой водой облить всё надо вокруг дома, в подвале, это его вода-то, ходить не будет»; обычно на севере Прикамья эта вода, называемая «мертвой», использовалась либо в колдовстве, либо в знахарстве).

В народной памяти сохранились особые обрядовые паремии, близкие к заговорным текстам, которые произносились в момент последнего прощания с умершим на кладбище: «Дорога с дорогой не сходятся, расстань с расстанью расходятся, и мы с тобой разошлись. Тебе эта дорога, мне другая. Аминь. Аминь. Аминь». И всё, он как отойдёт от тебя» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Специфичен и обряд манипуляций с поленом после похорон, имеющий охранный смысл. «С кладбища приезжают, каждый из провожающих берет полено, кладет его у печи и брызгает на него водой» (с. Касиб). «Как увезли покойника из дома, родственники и все провожающие приносят в избу три полена из поленицы, ставят в угол, и так до девяти дней они находятся в доме» (д. Лызиб). Обычно последующее появление умершего объясняется нарушением каких-либо деталей похоронного обряда: «Если «ходит» или часто снится умерший, надо подавать нищим, плохо, значит, поминаете» (с. Городище).

Специфика исполнения многих обрядовых акций обуславливает и существование особой похоронной терминологии. Так словом *помельшико* называют одну из веток пихты, разбрасываемых по традиции вслед за похоронной процессией по дороге от дома до кладбища («От самого крыльца до могилы помельшики бросают; по всей дороге их бросают эти пихты-те.

Зашла в деревню - помелышки вижу; поворачивают помелышки ко крыльцу. Я, как зашла, узнала, что бабка умерла, давай реветь» - с. В. Мошево). Тапочки, связанные из льна (или сшитые из шерстяной материи), которые надевались на умерших, называются *упаки* («Я умру, дак упаковки-те сшейте из старых суконных штанов, запястьё-то у их крепкоё» - д. Толстик; «Упаки из отрепей связаны, тапочки таки одевают, когда в гроб ложат. Свекровка сказала мне: «Я тебе свяжу упаковки и себе тоже, одноигольные» - с. В. Мошево).

С умершими связывались приметы на будущее. «Муж, отец покойные во сне снятся к несчастью» (с. Вильва). «О том, кто ещё умрёт, ты уж его спрашивай, своего покойника, он тебе во сне скажет всё. Спрашивай его ночью в двенадцать часов. В двенадцать их отпускают» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). Если до девяти - сорока дней в деревне умирал ещё один человек, ждали третьего покойника (с. Вильва).

• Обмывание умершего

«Обмывать да снаряжать из соседей кого, если смогут, позовут. Которые постарше, дак таких людей берут, зовут, который как сродственник. Самим-то нельзя, не знаю почему. Могилу копать тоже своим не положено. Обмывать, тоже чужих зовут. Тряпочку, мыло прибирают, вроде пригодится. Куда пригодится, я не знаю. Другие сложат, снесут на помойку. Несут, где отходы. В каждом доме ведь есть такое место» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931 г.р.). «Обмоют, воду на улицу выливают. Её не выливать ведь так на просто. Чашку выбрасывают. Или повешашь наоборот. Ведёрка дак вешали на огород» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.). «Покойника моешь, воду соберёшь, этой водой облить всё надо вокруг дома, в подвале, ходить не будет» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Обряжение умершего

«Вот мы свекровку схоронили, она наказала. Она сама на руках шила материал, такой вот штапель голубенькой, ей приносил сын. Копту, юбку - пару как. Раньше так хоронили всё старых стариков. Но мужчин-то иначе хороняли: рубашка. Ничё там, никакого поясу не надо. Вот мы на свекровку чепчик надели, а потом платок завязали. Чулки, тапки магазинные брали. Полотном закрывали. А раньше-то закрывали, холст был, нарошно оставляли. Этот холст белят, он беленькой, мяконькой, вот полотenci делали из него» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.). «На дно гроба струж-

ки и холст стелют» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935г.р.). «Раньше сделают гроб, говорили, что не надо красить. Обшивать - этого не было, не в моде, можно сказать. А хоронять, так же хороняли, как сейчас. Обычно. Вырыли яму, спустили его. Старались стружки наложить на низ в гроб-то. Да простынь. Раньше ткали, холсты были, холсты стелили. Подушечку делали. Кто соломой набьет, сучки, наверно, наложат. Счас-то вату стараются наложить. Накрывали полотном. Счас даже церковные полотна есть. А тогда холсты ткали, дак на это всё надеялись. Человек, который при старости, ему уже делают этот снаряд» (с. Касиб, зап. от З.Н. Егоровой, 1931г.р.). Иногда в гроб умершему давали «с собой» что-нибудь из того, что он особенно любил. «Вот у нас умирал один рыбак, так попросил бутылочку в гроб ему поставить» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.).

• Проводы

«Гроб головой к иконе ставят, не поворачивают его. Крест ставят в ноги, на восток» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935г.р.). «Свечку в голову поставят, а если дома отпевают, так ещё навтыкают свечки и по краям гроба» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «Кошек и собак выгоняли из дома, в котором лежал покойник» (с. Касиб). «Одна женщина умерла, и вот некому выносить её из дому. Вот сыновья говорят: «Нам нельзя!» А поп говорит: «Она вас на руках носила? Носила! Ну, и вы несите!» Так поп сказал. А говорят - родственникам нельзя. Тем, кто на похороны приходит, платочки дают. На кладбище. Кому и у дома, когда вынесут покойника» (д. Лызиб). «Чтобы покойника не бояться, садились на место, где стоял гроб, или опять за ноги покойника трясли: «Ты меня бойся, я тебя не боюсь» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.). «Когда выносили умершего из дома, садились на лавку, на которой стоял гроб, со словами: «Гроб с места - покойника с места» (г. Соликамск). «После похорон моют всё в избе-то: вперёд, вперёд, вперёд всё стараются. С той комнаты пошёл и всё туды, к дверям» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935г.р.). «Когда хоронили, тогда котомочку собирали, нитки с иголкой в мешочек кладёшь и всё отдаёшь первому попавшему» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Погребение

«Возьми деньги с собой и не ходи больше домой». Эти слова говорили, когда бросали деньги на гроб, чтобы покойник не возвращался (с. Вильва зап. от М.А. Ушаковой, 1931 г.р.). Во время прощания с покойником шли

вокруг могилы со словами: «Я тебе не жена, ты мне не муж, ты ко мне не ходи» (д. Лызиб). «Чтобы покойник не ходил, надо встать на могилу, когда загребут, и сказать: «Я к тебе приду, а ты ко мне не ходи». И блазнить не будет» (д. Лызиб). «Рубля по три, по пять накидай на могилу, а потом мелочи накидай ещё, а потом всё Расскажи: «Вот тебе денежки, вот тебе всё (чѐ там принѐс), только не ходи ко мне. Дорога с дорогой не сходятся, расстань с расстанью расходятся, и мы с тобой разошлись. Тебе эта дорога, мне другая. Аминь. Аминь». И всё, отойдѐт от тебя» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

«Когда с кладбища придѐшь, бежишь сразу в подвал, в подвале всё обойдѐшь, переговоришь так: «Я один, одному и надо». Потом в печь смотри. Все угли в печи нагребь и перекрестись, и так всё говори - и никто не придѐт» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.). «Чтобы не бояться покойника, после кладбища смотрят в печь, хлев, подвал» (с. Касиб).

«С кладбища приезжают, каждый из провожающих берет полено, кладет его у печи и брызгает на него водой» (с. Касиб). «Как увезли покойника из дома, родственники и все провожающие приносят в избу три полена из поленницы, ставят в угол, и так до девяти дней они находятся в доме» (д. Лызиб). «Возвращаясь с кладбища, несли в дом полено и клали его к шестку - «к житью» (г. Соликамск). «С кладбища-то приехали, везде: во двор, подвал - везде все углы посмотреть надо. «Нету, нету тебя там, нету, никого нету». Ходят, говорят, показываются» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935г.р.). «Сера от кедра идѐт кадить, еѐ батюшка берѐт в кадирь-то и ещё цветок папоротника, этим и кадит, чтобы в доме умерший-то не ходил» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Поминки

Основные поминальные дни - третий день (обычно устраивался обед для провожавших умершего на кладбище), девятый день и сороковой день (как и вообще на севере Прикамья, главным для сороковин был ритуал проводов души, память о котором сохраняется лишь в исполнении некоторых действий, в частности, выхода после поминок на улицу). Остается обязательным поминанием «родителей» в Семик (см. подробно в разделе «Троицкие праздники», глава I).

«Горьким не поминают, только сладким» (д. Сорвино). «На похоронах все по очереди кушали мед с лопатки, выструганной специально для этих целей из лучины. Первым начинал есть мѐд тот, кто читал молитвы, затем

все остальные, по солнышку» (с. Вильва). «Полотенца принесут, их отдавали, кто пришел проститься. Это уже сорок дней пройдет, и тогда отдаешь и одежду. У свекровки много было всего: нашитые пары, юбки, кофты, фартуки. У меня на сорок дней одиннадцать человек было, я всё отдала до капельки, даже ничего себе не оставила, всё раздала. А сейчас мода пошла на кладбище раздавать. Кто на кладбище идет провожать, всем там раздают, на кладбище. Обошел, простился, тебе платок дают. Раньше этого не было. Раньше только подавали копальщикам полотенца, на чем спускают гроб-от. А тут уж всё давали после обеда, девять дней, сорок дней пройдет» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935г.р.).

Душа умершего сорок дней ходит по земле, «свои грехи собирает» (г. Соликамск). «Шесть недель вот пройдет - душу провожают, на улицу выходят. Выйдут на улицу, машут и все: «Пусть Бог берет, а нам терпения, там ему воля» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Обереги от умершего

Многочисленны в крае рассказы о «ходящих покойниках» (см. подробно глава III «Народные верования и представления»). «Если умерший муж к жене ходит, надо конопляное семя в голову всыпать, вот когда умерший придет, надо это семя доставать из головы и есть. Муж-от скажет: «Фу, ты ещё и вшей ешь». И тогда только ходить перестанет» (с. Вильва). Чтобы умерший муж не ходил, женщина ложилась спать меж детей, дети ангелы ведь, и говорила перед сном: «Тридевять аминь. Вчерась приходи, вчерашний день прошёл, так вовсе не ходи» (с. Касиб).

Как показывают приведенные материалы, похоронно-поминальная традиция Соликамского района представляет достаточно развитую систему, в которой задействованы универсальные для Северного Прикамья ритуальные действия, объединены в комплексы символика специфических действий, предметов и признаков. Обрядовые детали свидетельствуют о существовании в крае особой поминальной кухни, одежды, о системе специальных запретов и предписаний для разных фаз обряда. Тексты-комментарии раскрывают особенности народной мифологизации смерти, свидетельствуют о контаминировании христианских и дохристианских воззрений.

• Глава III • НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

• ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ •

Круг демонологических представлений в Соликамске, как и в целом на севере Прикамья, обширен и детально представлен в таком жанре прозаического фольклора, как былички. В крае знают духов различных локусов: дом, двор, река, поле, лес (*лесной, дворной, чертовка, полудница*), календарных духов (*шуликуны*). Эти духи отличаются не только по месту бытования, но и по своим признакам. Леший, как правило, является в обличье высокого человека (нередко в военной форме), хотя многие тексты фиксируют лишь «эффект» от его появления («ёлки шатаются», «ветер ни с того ни с сего возьмётся»). Способы защиты от лешего - выворачивание одежды, произнесение молитв, перекрещивание: «Пошли раз сено грести. Гребем, а тут ветер поднялся. Подыну сено, а оно все на елки летит, на елках виснет. Мне бабы сказали, что надо каждую косилку переградить, сделать граблями крест-накрест, «аминь» сказать, и ниче не будет. Я сделала так, и все осталось» (с. Половодово, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.). В рассказах о лешем *лесной* предстает также как дед с бородой, в облике хорошего знакомого (часто, впрочем, он не объявляется, а лишь пугает свистом).

Водяной дух может представиться не только в облике русалки-чертовки, но и маленького мальчика (см. текст «Мальчик заигрался»). Банные духи представлялись в облике огненной собаки (см. текст «Прибитая»), лягуши, в виде мохнатых существ в красных остроконечных шапках, духи кладов - кладовики как «белый дядька», «красная корова», дворовые - в виде змеи или мохнатого зверька (см. текст «Змей износит»; *дворной*, дух, обитающий во дворе, воспринимается и как добрый, и как злой, он ухаживает за скотом и в то же время может его мучить: «Я раз ночью вышел на двор, а в стойло-то дворной идет» - д. Осокино).

Память о многих персонажах сохраняется в переосмыслении слов, называющих духов. Так привидение, дух зреющих хлебов, овощей называется *полудницей*, хотя сейчас чаще слово используется для оценки того, кто неаккуратно одет: «Полудница - это обзывок, буди; ты как полудница изю ржи, говорят, если бы надела чё-нибудь длинное, неаккуратное» (п. Тюлькино). Как смешение персонажей, встречается, впрочем, истолкование полудницы и как духа, связанного с водой: «Полудница в реке. Темным вечером пой-

дешь полоскать - опасно. Я боялась поздно вечером к проруби ходить, к речке. А то полудница утащит» (с. Касиб). Подобная контаминация, вероятно, объясняет и образ водяного как маленького мальчика (см. текст «Мальчик заигрался»; обычно им в Прикамье представляется домовый; впрочем, в Северном Прикамье нередко лешим представляется банник и даже «огородница»).

Заметный пласт верований - представления об умерших не своей смертью. Это персонаж, называемый красная баба, ходящий покойник. Покойник, как уже указывалось, начинает «ходить», если нарушен обычай похорон: «Если покойника вынесешь ошибкой не вперед ногами, то он к тебе ходить станет обратно» (с. Подоводово).

В некоторых случаях сюжеты быличек связаны с христианскими мотивами. Таков, в частности, рассказ о божьем наказании разрушителей церкви. «Золовка рассказывала, когда с церкви сбрасывали колокол, четыре мужчины сбрасывали их, потом их всех Бог наказал. Один из них утонул в реке, речка была совсем мала, воды где-то по колено, и он умудрился в этой воде утонуть. Двое других отравились. Сидели, выпивали, видно, два ли три человека их было. Двое остались живы, а двое, которые сбрасывали, отравились питьем, которое пили все. А у одного всё это отразилось на детях, маленькие дети все умирали, остались только двое детей, но и они молодыми умерли. Всех четырёх бог наказал, тех, которые сбрасывали колокола» (с. Касиб, зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г. р.).

Встречи со сверхъестественной силой приходятся обычно на ситуации, в которой человек находится в стрессовом состоянии (например, заблудился в лесу, крайне устал), в моменты, когда он засыпает, когда не совсем трезв. В пересказе одного из снов так описывается встреча с Богом:

«Сон, вот это уже сон был. Вот небо у нас, смотри, вот так горизонт. Я вышла на крыльцо, мне было двенадцать лет, я вышла на крыльцо и вот смотрю, по небу идёт человек, так шагает. Вот знаете, осетины танцуют-то в бурках-то белых-то с кинжалами-то, вот в такой же одежде идёт человек и в такой папахе. Я будто говорю: «А кто это идёт?» И никого нет, а какой-то голос изнутри меня отвечает: «Это Бог идёт». Я бога видела. Это бог идёт. Оттуда с конца, и вот так всё туда ушёл и скрылся. И вдруг оказался громадный, громадный, глубокий колодец из красного кирпича, такой круглый выложен. Народу круг этого колодца очень много. А мене ведь тоже надо посмотреть, чё они туда смотрят. Я будто так руками всех раздвигаю и на передний ряд, и встаю на самую кромку колодца. А там лежит вот такой

маленький человечек красный, и вот так ручками и ножками делает. И все, вот этот весь народ хотят его казнить. А я не говорю ничего, а только думаю своей думой, голос-то я не подаю, говорю: «Ой, дак в этот момент-от надо говорить: «Господи, благослови», - это я думаю своей думой, что это надо говорить. И он мои мысли, я же не сказала, он мои мысли перенял. И вдруг он из колодца встаёт, подходит ко мне, мне вот так по плечу потрёпал и говорит: «Далеко пойдёшь», - и я пробудилась. Вот это я сон видела и вот всё помню. Хотя уж далеко иду, живу давно, скоро юбилей буду справлять» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

Ещё один сюжет, связанный с трансформацией христианских верований, - рассказ о женщине в белом, остановившей самоубийцу. В описании ее отчетливы черты Богородицы, покровительницы женщин: «Во время войны жизнь трудная была, голодали, детей нечем кормить, похоронна пришла на мужа. Не выдержала я, решила - удавлюсь. Пошла в сарай, сделала там петлю, стала на табуретку. Еще пошла в дом: проститься как. Осмотрела все в последний раз, пошла. Захожу в сарай, а перед петлей стоит женщина. Вся в белом, огромная, вокруг головы как кольцо - сияние. Руки протянула ко мне, сказала - уйди. Повернулась я и вышла. Так она меня и остановила» (с. Половодово, зап. от А.К. Антипиной, 1923 г.р.). Близкие мотивы видим и в рассказах о видениях у церквей («Женщина рассказывала, около магазина живёт Мария Степановна. У неё сын вышел как-то рано утром или поздно вечером, наверно, вечером. Дак он видел белую женщину на церкви, там, на башне, есть такие проемы, как двери высоко, говорил, что там женщина как воздушная была. И он вот видел эту белую женщину там» - зап. от З.К. Черноусовой, 1932 г. р., с. Касиб).

Значительный пласт мистической народной прозы связан с колдовством и колдунами. Колдунам по сей день приписывается способность посадить порчу человеку, испортить дерево (наслать на него наросты), изурочить животных («Колдун может пустить коровам молоко в глаза» - д. Белкина). В описании колдунов обычно подчеркивается их необычная манера прятать глаза: «Колдуны людям в глаза не смотрят, глаза как прячут. У всех людей человечки в глазах. А у их они вниз башкой. И ещё колдун мигает все время, чтобы глаз не видно было» (д. Белкина).

Болезнь, напущенная колдуном и проявляющаяся как чревоуветствие, называется не только *икотка*, но и *хитка* («У меня была хитка, всю правду говорила, теперича её нет, лонись она из меня вышла; видно, умирать мне скоро» - д. Пегушино). Детально разработаны в крае антидемонические

средства. Так от порчи-хитки часто использовали траву *мойло*: «На болоте мойло растёт, его от хитки пьют» (д. Кузнецова). Так называют траву, растущую чаще всего на межах («Мойло, у его трава, как у морковки; выдернёшь - белая, как морковка; корешок-от ешь, а траву не ешь. На межах растёт» - с. В.Мошево).

Особые представления бытуют в связи с похоронами колдуна. «Говорят, колдуну надо на гроб железные обручи надевать. Хотя и обручи лопают. Обязательно осиновый кол» (с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной). Молва устойчиво соотносит колдовское занятие с передачей души чертям. «Был Григорий, он всем чё-то делал. Если не сделает, его мучит прямо. Женщина как-то шла, пожилая уж. А он помои вылил. Она возьми и перешагни их. И нарыв внутри стал. Одна старушка ей сказала: «Зачем ты перешагивала, он не хотел портить никого, вот на помои-то и наговорил». Потом она её вылечила» (с. Половодово, зап. от М.М. Мазутиной).

Разнообразны былички, описывающие насылаемых духов болезни (и саму болезнь). Посаженная колдуном порча могла иметь вид жука («Одна у нас болела, порчу содеяли. Дак знахарка смотрела - жук такой весь рыжий у ё из горла выпал» - г. Соликамск, зап. от А.И. Пачиной, 1907 г.р.). «Колдуны бисей имеют. Им каждому выдают по тринадцать штук. Колдун их хранит. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к ему пришел за чем-то. И подошел, поглядел через плечо, видит, в корчаге че-то шевелится. Насчитал тринадцать мышек, бесову дюжину» (с. Половодово).

Ещё один распространенный сюжет мифологической прозы – оборотничество. «Нечистая сила была, это верно. Вот отец у меня призывался в армию. А один старичок лошадей давал некрутам кататься, у его была каурая лошадь. Обет был - давать. Отец мой поехал раз на этой лошади. И тут лошадь встала: стоит поперёк дороги мужик. Отец догадался, ударил лошадь наотмашку как, и скакать. А тот мужик сделался поросенком, побежал за им. Доехал до деревни, и телега тут перевернулась. И поросенок исчез» (д. Бугаево, зап. от Н.Д. Шерстобитова, 1923 г.р.).

Ниже в разделе представлены тексты соликамских быличек, условно сгруппированные в несколько тематических групп: духи умерших, водяные духи, банники, домовые и дворовые, кладовики (красная корова, белый дядька), лешие (эта группа рассказов самая многочисленная), колдуны (среди рассказов о колдунах и «знающих» обращает на себя внимание разнообразие сюжетов о порче).

• Красная баба

«У нас вот там блазнит, ходит всё. Там наложены в логу-то, белые лежат. Когда воевали, так их на кладбище-то не пускали хоронить. А за речкой лежат красные, наши лежат, а тут белые. Все время выходит эта баба, ревёт, блазнит. Идёшь, помолишься - ничего нет. На Иванов день она выходит, вся красная, я сама видела в Ларьково-то, выходит и ревёт, да золото там закопано, белые-то бежали, тут его и закопали, всё время только блазнит. У неё завязано всё на ей, так всё привязано, в Ларьково-то видели, а сама вся в красном, как огонь горит на ей, сама видела, в двенадцать часов там собирались, смотрели. Конечно, к ней нельзя подходить-то, а то ведь она задавит тебя, а если не отговоришься, то тебя заберёт, или тебя черти задавят. Это уж сколько раз бывало. Не дались в плен, вот их тут убили и схоронили, а красные в могильники не пускали, хоронили так, куда попало, не пускали на могильники-то. Сейчас вот тоже поп к им не идёт, в субботу только идёт на могильники-то, в четверг-то не ходит, не отпеват» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Жена ходила

«Вот жена у одного умерла и начала ходить к своему мужу. Он вечером-то на лавочку выйдет и сидит, с ей разговаривает под окном. Все ходит, она ему дома подсказывает, чё делать надо. Вот его и натакали, научили, вот одежду какую-то вынеси за двери и обувь еёную. Выставил он за двери, и с той поры она ходить больше не стала» (с. Вильва).

• Мальчик заигрался

«Вот живет праздник Успеньев день. Стоит тут на берегу дом, где жила Татьяна покойная. Станция тут у нас ещё была, мололи. Это всё у нас снесло, вода раз подходила в пятьдесят первом году, вместе со станцией всё совсем унесла, с той поры больше не мололи, и станции не стало. Тут у нас сколько коней топилося, в этой речке-то. Гляжу тут, рыба идёт косяком. Вот такие вот косяки рыбы. И пошёл домой до моста. До него дошёл, сел, нет уж сил, гляжу: «О, рыбы сколько идёт». И домой-то хотел идти. Вижу, тут мальчик спускается, небольшой такой. «Здравствуйте», - говорит. Маленький такой, шапочка шитым надета, в котах, ноги-те переплётены поясочками, рубашка, как раньше ткали, по белому, бела да желта. Рубаха ещё в ремень подпоясана, раньше подпоясывали так, ведь носили и маленькие, и большие - всё мужики. Подошел вот: «Дедушка, чего сидишь?» - «Гляжу на рыбу, надо рыбачить». - «Так пойдём, порыбачим, сперва поиграем, а по-

том порыбачим». - «Чё с тобой играть-то? Чего, нечего делать?» - «Пойдём, дедушка, пойдём», - тащит меня за рукав-то. Ну, на дороге-то мы с им поиграли. Он со мной нормально играл перво-то. «Вот, давай, дедушка, в воду пойдём хоть». - «Неужто купаться? Так покупайся, тут вишь какой обрыв». Я же знал реку-то, тут ещё мать училась моя рядом. «Ну, чё делать-то?» - думаю, сужу, чего делать. Он тащит меня, схватился так, ничего понять-то не могу. Давай к воде-то, всё ближе пошёл, а в воде-то заигрался совсем, душить начал. Из меня пьянку-то всю как рукой вышибло. Как с леухи дам по башке-то ему, шапка слетела. «Ах, ты, сука», - напрямки-то так и сказал. И всё, ничего не стало. Я вылез из речки, ноги нашёл и домой. Какой там ещё, он меня опять потащит, пьяного-то. Назавтра только пошёл назад, река-то уже не очень большая была и рыба косяками не шла» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Как женщина, така же обезьяна

«У меня тетка была, работала на эм-тэ-эс. Воду носили, видимо, рано. Тётка Мария там дежурила и потом пошла по воду утром рано. И она сидит, с проруби-то вылезла и сидит, вот эдак же волосы чешет. Дак вот как женщина, така же обезьяна, длинная, такая же, сидит, чешет волосы. Тетка испугалась и убежала» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

• Прибитая

«Один мужик кулак был, такой был злой, а баба опять простая была. Вот он ей велел, а она с им не пила, она не пировала, траву пила всё. Потом он начал драться, она убежала, побежала в баню, а у нас на Рождество баню топят, ушла вот она в баню, пришла, сидит. Всё молитвы знает она, читает, ревьёт да читает. Тут пришла собака, огонь горит, на порог так встала. А с полка-то старушка идёт, говорит: «Ты, собака, не тронь её, плачет прибитая, нельзя. Он пьяный. На тебе хлеба». Хлеб-от так раньше специально месили в чашечке из ивы, из корня. Вот она хлеб-от отдает собаке-то, пихает в рот. Запихала, ушла. Собака-то ещё постояла, тоже ушла. «Да иди, не читай больше молитву, я уже всё прочитала, иди домой. Он лежит на пороге пьянуший, а печку затопил времянку. Иди, перешагни его и иди на печь. На печи лежи, не вставай, никуды до утра не ходи. Он встанет, будет ходить, голосу не подавай». Старушка это сказала. Она так и сделала. Он пил, ходил, всё шатался, искал ее, так и не нашёл, ниче не сделал» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• **Излешакался в бане**

«В Осокино это было. Один мужик парился в бане и излешакался. Дак банник с им чё-то сделал. Мужик из бани убежал, крест нательный на полку бросил. Потом показывал крест-от: весь помятый, изогнутый» (с. Половодо, зап. от М.И. Ждановой).

• **Собака Чупа**

«Было в деревне четыре брата. Все женились, у всех семьи. Один брат избу построил, баню поставил. Вот приехали как-то родня. Баню натопили, мужики пошли первыми. Ну, а потом уже тётя Катя. Говорила ещё, что после третьего пара банник может появиться. Я уж и не знаю, какой там пар был. Тётя Катя-то и говорит: «Ты, Фёдор, приди потом за ребятами». А Фёдор напился, спит в избе. Была у них раньше собака Чупа, рыжая, счас давно уж сдохла. Ну, вдруг в баню заходит эта собака. Тётку за шею и поволокла в каменку. Пичкала, пичкала там, ребята ревут в голос. Ну, Фёдор проснулся, прибежал, смотрит, а жена-то головой в каменке. Ну, потом она долго лечилась» (с. Половодо, зап. от А.К. Марзинской, 1921 г.р.).

• **Банний петух**

«Могли подстроить. Раз я пошла в баню к соседям. А они какие-то не такие были, не любила я их. Моюсь, посмотрела вверх - смотрю, а на банном окошке красной петух. Я тут смыкала, что че-то неладно, бегом из бани» (г. Соликамск).

• **Большой да маленький**

«Сноха родила маленького, пошла раз его в баню мыть. На лавку положила, раздевается. Заходит в саму-ту баню, а там большой да маленький, две. Шапки вострые на их, красные, и ноги мохнатые. Она без слов зашла, видать, не знала молитву, дак еле-еле убежала оттуда» (д. Тетерина, зап. от А.И. Пегушиной, 1917 г.р.).

• **Мужичок давил**

«Я ещё маленькая бегала, у нас дом худой был, старенькой. Жила одна, восемь годов одна жила. Он, муж-то, уходил сперва воевать, а потом где был, не знаю, не говорил. Восемь годов его не было. Ой, война-то была пять годов, я спала всё одна на кровати. Сплю, вот пришёл же, я знаю, я как вижу, я токо слышу всё, какой-то пришёл - и из кухни. Из кухни на печь встал, на

этот, на приступок, и на меня, давит. Вот давит меня, давит, я не вздохнуть, ничё не могу, давит меня. Я как мёртвая сделалась, и потом он пошёл, я его видела, вот такой маленький мужичок, и синие штаны на ём, белая рубаха, подпоясался эдак ремешком и пошёл обратно в голбец. Вот я это в самом деле помню» (д. Володино, зап. от М.А. Неклюдовой, 1914 г.р.).

• Сусидиха

«Раньше больше блазило. Домовой, говорят, вот домовой дома живёт. Но я, слава богу, на третью квартиру перешла и не зывала, никто не выгонял меня. Раньше нас пужали, мы маленькие были. Вот мама куда-тоси уедут в гости как на праздник. Вот мы тоже боимся. Мы всё свалим на голбец, чтобы не вышла сусидиха. Раньше сусидихой называли. Нас трое у мамы росло. На работу родители пошли. У нас такая скамейка была толстая, толстая, тяжелущая. А была открывать голбец-то дырка. Мы счас на эту дырку всё складём, всего поизбросам. Мама домой идут с работы вечером, быстрее это всё собираю, быдтэ ничего не было. Но боялися раньше-то» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

• Чёрненький ребёночек

«У меня мать рассказывала, она вон родила, и у кого-то животик болел из детей-то. Она ткань с лёну накинула на себя и в сени. «Я вот, - говорит, - взяла этот горшочек у ребёнка и в сени, а там вижу, такой ребёночек стоит черненький». Вылила вот она всё из горшка-то и легла спать. И только легла, под домом начало, как конь копытами. Посмотрела на часы-то - двенадцать. Потом утром сказала, что снился ей дедушка. «Вот, - говорит дед, - если бы ты ещё и другую ногу поставила через порог, там бы твоя смерть и была» (д. Бельская, зап. от С.В. Криштель, 1941 г.р.).

• Домовой к замужеству

«Вот помню, в деревне наши все уехали в гости, а ко мне девчонки вечером пришли и один парень молодой. Наступила ночь, и девчонки стали расходиться. Все разошлись, сижу одна, спать стала ложиться, и как будто кто-то по чердаку потом спустился, а потом в огород ушёл. Я думаю про себя: «Если что, я прыгну, в кадку с водой спрячусь». А домовой-то походил, поскрипел по огороду и по воротам как стукнет, аж изба задрожала, и всё тихо стало. На следующее утро побежала я к тётке. Она и говорит, что домовой, мол, к дому, к замужеству приходил. И хорошо, что из дому вы-

шел. И вправду, я скоро замуж вышла» (с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1928 г.р.).

• **Домовой как резина**

«У меня в доме домовой живёт, хрюкает, как поросёнок, перед несчастьем. Вот два поросёнка пропали, так он так ревел, так ревел. Два домовых-то у нас: у меня и у мужа, дак они бывает, что дерутся между собой. Я сейчас живу в доме у мужика-то моего, так меня его домовой гонит. Один раз дралась я с ним, руки как резина, и сам весь как резина. Воет, топочет, стучает по ночам, я слышу, а мужик-то мой нет» (с. Половодово, зап. от А.П. Хохловой, 1923 г.р.).

• **Домовой тебя держит**

«Суседко в каждом доме есть, без его дом не стоит. Ты его не видишь, а он тебя держит. Ты свою работу знаешь, он свою. Один раз меня одеялом одевал. Тепло мне стало, хорошо. Я у его спросила: к худу или к добру. «Пху...» То ли к худу, то ли к добру. И на следующий день приехал сын у меня с Дальнего Востока. К хорошему, значит» (с. Половодово, зап. от М.И. Ждановой).

• **Змей износит**

«Во двор как-то раз захожу, в хлеву свинья сидела у меня. Свинья весь пол изрыла, я ей и сказала на это: «Змей износит». Потом добавила: «Пушай с богом спит». Вдруг вижу - полоса света на стене. А огня-то нигде не было. Откуда свет, не знаю. Женщина мне потом одно объяснила: «Раз Господа помянула, змеина тебе и показался» (д. Белкина).

• **Дядька белый**

«Было две снохи. Одну сноху свекровь любила, вторую нет. Решила свекровь заморозить вторую сноху. «Иди, - говорит, - подбирайся в холодную избу». И закрыли её там. Легла вот сноха на край печки, лежит. Среди ночи появился дядька белый и говорит: «Страхнуться бы мне, сворохнуться бы мне». Сноха-то отвечает: «Страхнись, батюшка, сворохнись, батюшка». Дядька страхнулся, всю избу серебром завалил. Клады-то были в горшках, вот клад и вышел. Утром свекровь пришла проверить, замёрзла сноха-то или нет, а сноха-то и говорит из избы: «Открой меня, я вам ведро серебра дам». Вот её открыли, а любимую сноху решили закрыть там же. Истопили

ей печь, принесли перину и закрыли. Ночью вдруг из голбца выходит коро-ва черная и говорит: «Страхнуться бы мне, сворохнуться бы мне». Сноха-то и отвечает: «Вот ещё пришла тут встряхиваться». Корова встряхнулась, одна сажа полетела. В саже-то сноха-то и задохлась. Открывает утром свек-ровь двери, а кругом полно саж. Посмотрела свекровь, а сноха-то мертвая лежит» (с. Половодово, зап. от А.К. Марзинской, 1921 г.р.).

• Красная корова

«Тут меня блазило. Мы на хуторе жили, я маленькая была. Зимой дело было. Вот мы легли спать. Мама уснула, а я не сплю. Двери открываются, в избу заходит красная корова, заходит, рога большущие, глаза такие большу-щие, на выпучке, и вот так глазами мелет на меня, говорит: «Я тебя забоду». Человеческим голосом говорит. Я говорю: «Я маме-то скажу». Она обошла вот так, и залезла на меня ногами, и давай меня вот так пихать. Я захватила так лицо, а сама реву: «Мама, за волосы держи меня». Потом вот говорили ранешние люди, это клад на меня выходил. Медь. Надо было левой рукой его на отмашку ударить. Он бы рассыпался, и деньги были бы» (д. Марыги-но, зап. от А.К. Антипиной, 1921 г.р.).

• Отругала по-плохому

«Дедушка у нас за Касибом жил. Вот раз пьяный упал во дворе, бабушка его отругала по-плохому: «Хоть бы тебя унесло». Сидит вот он на крыльце как-то, а он и унёс его: «Садись давай». И только вершины мелькают. День он живёт у лешего. Баба у него длиннушшая, кормит его, хлеб белый от-резала, а он и не ест. Вечером прибежал лешак: «Что, поел?» - «Ничего не жрёт». Всё держат его. Назавтра лешак прибегает, а он опять ничего не ест. Вечером говорит жена его: «Убирай его». Посадил он его в кузов и опять на крыльцо унёс. Кузов у него большущий. У лешего есть нельзя, не отпу-стит» (д. Вавилова, зап. от Е.Е. Пегушиной, 1912 г.р.).

• Гаврила с уздой

«Дед у нас уголь на кузне жёг, поздно было, он ночевать остался. Вот ему блазило. У него был такой балаган. Лёг спать, а к нему знакомый из дру-гой деревни пришёл, Гаврила с уздой. Укладывались спать, дед и говорит: «Господи, благослови». Проснулся ночью, а вместо Гаврилы головёшка ле-жит. Видно, тому-то не понравилось, что дед перед сном бога помянул» (с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1928 г.р.).

• **Кто-то в белом**

«Господи, благослови», - идём в лес дак скажем, больше ничё не знам. Мы раньше малолетки были, лет по тринадцать нам, наверно, было. Чё-то раз баловали с ребятами, ругались. И потом в лес только зашли, какие нам крупные ягоды попалися! И вот баловались, баловались, его как поминали, чё ли. Только в лес зашли, стали собирать, ягоды такие крупные. И вот он там как засвистел, заходил, засвистел. И один у нас парень говорит: «Он нас уже кругом как стал обходить, видел, кто-то такой в белом. Большой, длинный». Дак мы давай бежать. Убежали» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

• **Леший ездил**

«Леший даже лошадей кружит. Отец мой был председателем колхоза. В колхозе ленивая лошадь была, тихо ходила. Вот её однажды привязали к колу и ушли обедать. Приходят, а лошади нет, вокруг кола круг вытоптан, что даже корни видно. Говорят, мол, леший на ней ездил. Потом жертву приносили в лес: махорку, бумагу и спички, молебны служили, искали. Вышла она в поле. Люди подъехали, а там круг вытоптан свежий, а лошади нет. Потом всё-таки вернулась она, худая вся» (д. Бугаево, зап. от Н.Д. Шерстобитова, 1923 г.р.).

• **Мужик в брезентовой курточке**

«Мы никого не боялись, малёхонькие ходили в лесу. Говорили, какой-то лесной живет. Если заблудишься, значит, меня, говорят, кто-то водил, лесной это. А кто его знает, есть там кто-то или нет. Под полями дорога была. Я там телят пасла. Мы пошли туда, как на дорогу выходить, дак вот какой-то вышел мужик. Мы идем. Мужик ли, кто ли, лесной ли он. Брезентовая курточка такая, шапка. А может, ихний же отец вышел, у девок. Вот это, говорит, лесной вышел. Он на дороге постоял, а мы дальше пошли, да и всё. Обратно уж забоялись идти, через Вильву пошли» (с. Вильва, зап. от М.М. Мичковой, 1928 г.р.).

• **Встреча в полдень**

«Раз блазнило мне. Идём с дочкой маленькой, по телят ходили. А полдень. Вижу, встречу мужик идет, в накидке, как плащ-палатка, защитный цвет. Сам мужчина здоровый, плечистый, в сапогах. Дочери сказала: «Гони телят». А сама ему навстречу пошла. Только пошла, и его не стало. Исчез» (с. Половодово, зап. от М.И. Ждановой).

• **Завил дорогу**

«Петровна нашего ещё семилетним слешовали. За конями его послали. Он идет по лесу, видит старуха большая на пню сидит. А это леший и был. Петрован потом сказывал: «Увели они меня с собой, дали мне зайца шкурить. Ошкурил, потом лег спать. А леший будит, грит: «Поешь, потом спи». Потом я просыпаюсь, леший будит: «Домой тебя зовут, печку затопили, в печку кричат, дым идет, тебя в трубу гаркают». Завил дорогу-ту мне, а тут отпустил: «Иди, - говорит, - только не оглядывайся. И скажи в деревне, чтобы меня не ругали» (д. Лызиб).

• **Леший унёс**

«Петька у нас был, ему семь лет было. Водили с собой, в лесу дрова пилили. Он тоже попилит, маленько сучки попилит, в семь-то лет. Все поля огорожены были, не было пастбищ, никто не пастушил ведь. «Иди, Петька, коров-то ведь нет, иди скоря, а то проходишь, промолишься, черт-то тебя утащит куда-то или леший унесёт». Ну, его и отправила. Пилу дала, тащить-то. Только мама в лес-то ушла, дед какой-то небольшой навстречу парню-то, борода такая большущая. Меня, говорит, схватил. «Пойдём, Петя, тебя до дому доведу». Пошли они быстро, как будто на машине, только ветки-елки. Пришли. Рассказывал потом: старуха сидит большая, толстущая, высокая изба такая, печка русская есть. Вытаскиват она мясо, зайца, ложит на стол, садятся есть. «По какой чёрт ты его привёл?» - «Мать его отправила, сказала, мол, к лешему. Завтра утром отправим его». А дома-то до солнца заката надо было затопить печь и в трубку звать. Он говорит: «Давай вставай». - «А чего?» - «Тебя мать звала». - «Как домой звала, где?» Ну, а мать-то своего сына гаркат, называет в трубу-то. Он был Петя, так она его все: «Петруша, иди домой. Я тебя зову, мы тебя ждём. А ты, дедушка лесной, увёл у меня его, зачем ты его забрал, ты возьми мои слова обратно, а мою кровь отдай мне обратно, моего детёнышка, мою кровушку». Потом «Отче наш» ещё прочитала. Тут дедушка-то сразу парня не отпустил. Заставил его семь зайчей шкурить. «Вот семь зайчей ошкуришь - я тебя отпущу, не ошкуришь - ещё будешь жить у меня. Парень-то всех зайчей ошкурил, видел, как его отец ещё это делал. «Я ошкурил». - «Ну, тогда молодец, бежи» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• **Андрюшка Гигановский**

«Вот мне Миша, мужик-от мой, рассказывал. Вот, говорит, пошли они в

лес. Лес такой хороший, навалишь его, весной распилишь, все сделаешь. Вот отрубил он, пошёл домой дрова складывать. Лесом пошёл. «Я по лесу пойду с собакой, хоть зверушку какую-то убью». Вот пошёл, пошёл и вышел. Видит, на пенёчке Андрюшка сидит Гигановский, сидит, курит. Ну, Миша-то к нему подошёл, тот у его папироску попросил. «Дай мне две папироски». - «Тут пачка, можешь всю взять». Ну, поговорили, покурили. Надо стало идти, у меня там дрова складывают, сколько уж там сложили. Андрюшка ему: «Много-то не складят. Сюда иди, не туда». Сказал и сел, остался на пенёчке-то, а Миша-то ушёл с ружьем, с собаками-те. Собаки подошли, понюхали, ушли. Потом он пришёл. Назавтра-то спрашивает: «Ты, Андрей, чего на горе-то делал?» - «Я там вовсе и не бывал». - «Как не бывал? Да ты сидел со мной, курил. Я тебе ещё пачку папирос дал». - «Я ведь не курю», - сидим так спорим, долго спорим. Тут Андрей: «Давай иди, у моей старухи спроси». У Федосии спросили, она говорит: «Да нет, он не курит, и не бывало». Вот тогда я и охнул: «Чё же это я, с дедушкой лесным разговаривал?» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• Змеи в лесу

«Тут один рассказывал. Пошёл он раз на ток глухариный. Пришёл, сижусь. И слышу тут шип. Гляжу - поляна, на ей пни, много, а на пнях-то видимо-невидимо змеи лежат. Головы высунули и шипят. Это вместо дичи-то» (д. Тренина, зап. от И.Е. Екимова).

• Заблудилась в крапиве

У нас одна женщина была, она с лесным зналась. Она раз сама напилась пьяная, а чертей-то не напоила. Они-то её и завели в крапиву. Я ей и говорю: «Давай, Анна, тебя выведу». - «Нет, я сама напилась, а их не напоила, они теперь меня мают. Пока они меня не выведут, мне не выйти». Как-то вышла же потом, намаяли дак. Дак всё на ей изодрано было, и сама на полу. Потом вот тяжело умирала» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.).

• Позавидовала

«Вот поехали мы как-то в Ильин день в гости. Одна женщина позавидовала и тронула меня по спине ниже шеи - со словами как-то. И сразу замаяло меня. И чё-то она мне там посадила. Я домой, домой приехала, меня всю ломать стало. Как страшно было. Все спать ложатся, а я ползаю на улице на коленях, у меня сил никаких. Потом нашли мне лекарку в Григорово. Как

только солнце начнёт всходить или на закате, очень сильные боли были. Она тут на свежую редьку читать стала. Её листу и прикладывала. Я уж без памяти была. На третий день утром, на солнцевосходе, лекарка сказала: «Я тебе делаю это в последний раз, если поможет, будешь жить, если нет - умрёшь». Билась я, металась по всей избе, ни одного угла не было, куда бы я не заползла, потом пала и уснула. Потом лекарка-то пришла и сказала: «У тебя пухлая широкая ладонь красная между лопатками была». И сошло всё с меня» (с. Вильва, зап. от Г.П. Жулановой, 1938 г.р.).

• С лешим отправил

«Приходил к нам раз старик из другой деревни. Хотел у отца собаку купить. Сказал нам: «Научу вашу дочь коней пасти. Они только будут вокруг тебя ходить, а ты на пенечке сидеть». Меня послали раз отнести ему - мама колябушек настряпала, молоко налила. Я пришла к старику, отнесла. Обрат-но иду - одни маслята, столько грибов на дороге! Вперед шла - не были. И вдруг теленок бежит, я грибы ломаю. Набежал и мне это место (лоб) задел. Черный такой. А потом дальше-дальше, и оказался мужик. Я испугалась, бежать. Бежу, а мужик рядом бежит тоже, трещит лес только, лес прямо ломает. Я на дорогу выбежала и уж больше никого не видала. Мне потом сказали, это мужик-от меня с лешим отправил. Захотел напугать» (с. Половодово, зап. от А.К. Антипиной, 1921 г.р.).

• Чё-то было

«Я работала на почте. Прихожу однажды в Григорово, пенсию принесла. Вот захожу в избу, не видали они меня. Смотрю, сидит старуха на печке, ноги свесила, а там у неё, видимо, чё-то было. Только увидала она меня, ноги через печку перекинула, как молодуха. Тутو пискотка пошла, токо крышка в голбец сбрыкала» (с. Вильва, зап. от Г.П. Жулановой, 1938 г.р.).

• Иванушки

«Был злостный колдун. У него дочь была Катя. У него туесок был. И все колдунские Иванушки у него лежали в туеске. А Иванушки-то - это колдунские приспособления. И вот Катя говорит подругам: «Пойдёмте, у нас у тяти в голбец маленькие котятка пишшат». Им-то родным-то они котятками казались. Отец с матерью в это время в лесу были. Достали они туесок, а в нём не котятка, а рыба чешуя, пишшит и пишшит. Хотели достать её. Только подносят сверху, а она опять вниз падает, они её достать-то не могут.

Вот какая нечистая сила, не могли ни одну чешуенку достать. Иванушки-то сообщили тятё, что что-то случилось, он прибежал домой, он девок-то всех в окно выкинул, а дочь свою избил» (с. Вильва, зап. от Н.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Сглазили

«У меня руки полные были, как у маленького ребёнка, на руках две перевязочки и ямочки. А на работе у нас две женщины было. Они увидели мои руки и говорят: «Сделай руки ладошками вниз». Хлопнули мне по руке и сказали: «Вот где ручки-то?» Сглазили. Прошёл день, прошёл два. Ой, как у меня палец стал нарывать, большой-то палец. Один прошёл, на другой перешло, потом на третий. Повели меня к старухе, а она говорит: «Надо было сразу идти, я бы боль перехватила, и не пошло бы на другие пальцы. А если не пришла бы - на другую руку перешло» Принесла она пенку с молока, наговорила на неё и помазала руки. Первый-то раз лук испекла и чешуйки привязала мне. Вот так она меня и вылечила» (с. Вильва, зап. от Н.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Порча домой просилась

«Вот умирала одна с порчей, так ребят всех из дома выгнали, форточку открыли, а эта опять: «Отпустите меня, - порча-то говорит, - я пойду домой к маме». Форточку-то и открыли» (д. Левина, зап. от А.М. Ромодиной, 1923 г.р.).

• Блазнёные молитвы

«Если блазнить начнёт - надо молитвы читать. У моей мамы были специальные блазнёные молитвы. Я вот не знаю ничё, иной раз только стукотня идёт, я и давай молитвы читать, дак и попустилось. Муж у меня умер. Я вот взяла и подумала о нём: не знала дак. Чё, я молодая овдовела, мне тридцать пять лет всего было, вот и подумала. Осталась одна спать, ещё сорока дён нету, гляжу - сапоги стоят, ну, и подумала о ём: осталась одна спать, он и придёт ко мне в сапогах. Вот мне надо было подумать. Только я зашла в дом, на крючок двери закрыла, и как застучало, и застучало в синях, и заходило, заходило. И на вышку, и там по лисенке, на заднем мосту! Ой! Я не знаю, что делать. Только стукотня идёт. Я ведь не знаю, чё делать, в сини не выглянуть! В окошко выпрыгивать? Высоко. Чё делать? У мамы на божничке блазнёные молитвы лежали. Я взяла, давай читать. И попустилось! А

потом второй умер мужик. Чё сосуткат? Я думаю, это кошка. Это кошка, всё на кошку. Не стала больше думать о нём. Не надо, значит, думать, казаться не будет» (д. Лызиб).

• Лечение по обету

«Одна женщина, у её муж умер, а на хуторе жили, осталась одна с грудным. Обмыла мужа, на лавку положила под святые, сама спать легла. А не спится. И видит: муж встаёт, идёт, руки связаны. Подошёл к печи, она на печке спала, зубами щелкает. Хочет он залезти, а никак не может. И тут петухи пропели, и он пал. И в избе попы оказались, два попа. Подымай, говорят, клади на место. Она им обет дала. В Ныробе есть место, из горы вода бежит проточная, там часовенка стояла, и люди этой водой лечились. Дала она обет сходить с робеночком к источнику» (с. Половодово, зап. от А.К. Антипиной, 1921 г.р.).

• Ведунья

«Ведунья вот была. Женщина одна к ней пошла, а та говорит: «Дай мне шкуру от свиньи». - «У меня нету, нету, нету». - «А в амбаре у тебя, - говорит, - целая свинья заваленная», как зарезана. Увела её домой, угостила, она ей тожно и сказала: «У тебя гумага придёт, после гумаги у тебя придёт мужик домой». А этой сказала: «Похоронная тебе придёт, сын у тебя убит». Так и получилось» (д. Сорвино, зап. от Е.П. Петуховой, 1931 г.р. А.П. Логиновой, 1932 г.р.).

• Красная рожа

«Один колдун был да умер, Господи, прости. Мне тоже на руку посадил красну рожу. Токо так по плечу задел. На автобус провожала Нину. Он тоже пришёл с Нюркой, тоже покойной. «Чё, подружка, кого провожаешь?» А мне надо было обратно отдать. А я тоже глаза-те уставила, гляжу. Я говорю: «Какая но я тебе подружка?» Ну и всё. Домой я пришла, у меня рука, зубы, всё. Хоть умирай, хоть давись, куды-то бежи. Пришла в больницу. Меня сказали - резать руку. Я говорю: «Какой меня резать, одне жилы». К старухе ходила. Тоже раз семь ходила, она сняла. Сказала: «Красна рожа у тебя. Тьфу, тьфу». Вот счас боишься, идешь там, дак черт-те знат, какая попадет встречу» (д. Сорвино, зап. от Е.П. Петуховой, 1931 г.р., А.П. Логиновой, 1932 г.р.).

• Уроки

«Вот ты, говорят, девку родила, а у тебя брюхо не убыло. Всё, уроки, как сказать. Человек зинёт, как на тебя скажет. Зинут - не одумаются ничего, а тяпнут. Колдун-от это. Девятого мая я песню запела. Он меня раз по плечу. Я опять обернулась: «Да на тебе обратно». Он глаза выпучил, не знает, чё и сказать. Девятого мая нашего брата собирают в столовой. А он тоже пьяник. С лесным знался. Касибская женщина пошла вот в лес. Вот Санко ей попал покойной. Он, видно, с лесным знался. Дак, говорят, в трубу где-то гаркают... Тпу, тпу [переплюнула]. Мы ничё не знаем, не надо. Она ему попала встричу, и всё, заблудилась. Вот токо зашла в лес и заблудилась. Ходила, ходила, как выйти? Она всё с собой сняла, перевернула всё на леву сторону и вышла» (д. Сорвино, зап. от Е.П. Петуховой, 1931 г.р., А.П. Логиновой, 1932 г.р.).

• Поргоматяна

«Знающие, кто знат, тот и пусь он знат. Они портят людей. Знают слова. Они в церкву не пойдут, вот если котора знат, она портит человека, а уже церковь не пускает её, бог её не пустит. У меня где-то бабушка жила, куда-то уехала, и то, мы с её подачи живём. Она и портила жива-то всё тут. Куда-то в город уехала, другой месяц нету. Лечила она с молитвами. И она знатся с этими, с поргоматянами. Ездят они, летают где-то, каких-то этих, планетян называют, она с имя знатся и молитвами ещё лечит. Они к ей прилетают. Они, говорит, у меня живут, со мной, гыт. Она тебя лечит, с тобой разговаривает. Потом они ей передают чё-то, она разговаривает со мной, грит, много энергии у ей. В руках у нее иконка, Иисус Христос вроде. Она всё с ей, всё ей лечит» (с. Вильва, зап. от Т.И. Ситниковой).

• Дорогу скрали

«Дорогу крадут, это я знаю. У меня отец рассказывал. Поехал, говорит, я, и один мужик идёт, колдун он был. Я, говорит, поехал в Соликамск на лошаде. Это было в тридцатых годах, может быть, и в двадцатых. И он, говорит, пошёл зимой и хлопнул лошадь по спине, и сам ушёл. Она метров пятьдесят отошла и начала пятиться. Я, говорит, понужаю, она в сторону, я понужаю, она в сторону. Ну, я её бить, она лягаться, я её бить, она лягаться. Бился, бился, ну, не могу уехать и всё. Конечно, он, колдун, мне чё-то сделал. Я, говорит, взял, распрёг лошадь. Она и вперёд не идёт, и взад не идёт. Взял, распряг её, обернул её мордой-то к возу, повернул, погладил,

погладил её. А он тоже слова знал, тятя-то. Он говорит, я погладил, погладил, перекрестил её, повернул, другим концом дугу сделал, и эта же лошадь пошла» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Порча

«У нас у одной бабы была порча. Вот покажи-ка ей лягушку, как она начнёт не своим голосом говорить, ой, как страшно! И ей сразу сноха ленточку в это место завязыват [горло], туго перевязыват, валит её, и всё, тихо будет, никто ничё не будет говорить, и она как бы заснёт. Потом только ленточку развяжут» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Одушье посадили

«У нас одна баба, уже здесь, уже явно было, она пошла с одной бабой пасти коров. А мужик у той бабы был на баканах. Раньше бакана были, по Каме-то издили, бакана засвечали, зажигали. Он видит, бочка плывёт, ну, маленькая, сто килограмма. Он взял эту бочку-то в лодку-ту, подцепил за крючок и подволок к берегу. Они шли коров-то пасти, отпаслись, у их коровы-то домой ушли. Етот мужик-от и говорит: «Идите, в лодке моей бочка, везите бочку-то домой. Я вам её в лодку-то положу». Они взяли, по речке по Вильве привезли её домой. А тут колдунья жила, она здорово колдовала. Она идёт. А её-то хозяин тоже там на баканах с тем же был мужиком, с Иваном, Степан, Степан был. Он и говорит: «Мы с тобой эту бочку-ту разделим, по-моему, лак в ей». Ну, ладно. Раньше лак ведь он очень хороший был. Эти привезли да ему и сказали: «Нет, нет, мы никакую бочку не увезли, ничё». Та идёт колдунья-то, како-то время прошло, идёт, и эту Палагию Иванову-то видит, что она идёт, взяла ей и посадила. Дак она кашляла, кашляла, кашляла, кашляла, годов десять. С кашлем и умерла. Она ей одушье посадила, одушье считается. А кто знат, как. Это надо слова знать» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Чужих коров в стаде не любят

«Колдунья. Мы к ей ходили, как я сюды пришла, с хозяином. Она как-то шла мимо нас и говорит: «Идите, Миша, придите ко мне». А у её сын был, ростом такой же, как мой хозяин был, годы-те одне были. Серёжка дома, мол, приходи. «Миша, - говорю, - айда, пойдём, сходим». - «Пойдём, сходим». Пришли. Она вот и завела: «Вы меня не бойтесь, меня зовут все колдунья, я не колдунья, вы меня не бойтесь». Она была из Косогору, здесь замужем

была. Она уже была страшная, чёрная, глаза чёрны в яме были. Така страшна была. Но мы посидели у ё. Она говорит: «Ты меня, Людмила, не бойся. Приходи ко мне, не бойся, я ничего тебя не сделаю». Я говорю: «Да я не боюсь, тётка». А чужих-то коров-то в стаде-то не любят. Она мне никогда ничего не делала. Одна пошла, со мной же одногодка, вот там жила, ниже меня, пошла, здешняя была, она пошла мимо её. Дак она ей посадила такую боль между лопатки, она рёвом ревела. Дак кого токо она не звала, её едва вылечили» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Чудесное исцеление

«Раньше домовые были. Говорили: суседко, сусидиха в подвале живут. Это точно, это есть. Это есть на самом деле. Мне было шесть или семь лет, я сильно заболела. А папе надо было дочь с именем Аннушка. У мамы дочь родилась, назвали Анной. Она померла. Вторая девочка опять родилась, дали опять имя Анна, она опять померла. И третья сестра родилась, он опять дал имя Аннушка, она опять померла. Потом я родилась, я родилась как раз перед Ильиным днём, второго августа, а третий, четвертый день, Марии Магдалины. Это Богородица Пресвятая Мать божья Мария Магдалина. И мама настояла на том, что раз Мария Магдалина, сходитесь день рождение, чтоб дать имя Мария. Папа не соглашался, но мама настояла. Всё же записали Мария. Мама рассказывала: «Ты в люльке качаешься, приходит цыганка, она ещё тебя за ручку взяла в зыбке и говорит: «Ой, девушка-то, она у вас, три годика исполнится, она у вас умрёт». Вот так, говорит, переживали, вот ребёнку год, второй год пошёл, третий год. Никуда не отпускали, ничего, значит, только берегли, чтоб только не умерла. Седьмой год пошёл, я заболела. Бегала отчаянная, такая была бойкая. Заболела. Меня парализовало всю, у меня отнялись руки и отнялись ноги. Вот помню только, каждую ночь папа меня какой-то мазью всю намажет, намажет, навтирает, завернёт в одеяло и как полено дров положит на печку. Я ни рукой, ни ногой. День мажут, два мажут, неделю мажут, месяц мажут, и никакого нет улучшения. Не хожу. Кормили с ложки, поили с ложки, на горшок возили на руках. Ну, чё, электричества не было, а раз я больная, керосин экономили. Стекло снимут с лампы, маленький огонёк оставят пятилинейный, чтоб видно было, вдруг пить запрошу или что ли. Полати - вот папа лежит, мама и дальше брат Ваня. И в одну прекрасную ночь кто-то мне внушает, я голоса не слышала, никто мне не сказал ни слова, но кто-то мне в нутро внушил: «Встань». Я же ни рукой, ни ногой, месяц целый лежала,

не ходила. «Встань и через брус посмотри перед печку, посмотри перед печь». Каминов не было, русская печка. И вы знаете, я одеяло раскинула, и у меня руки зашевелились и ноги встали. Вот здесь бы русская печка, тут полати, вот тут брус. Я облокотилась на этот брус и вот так туда заглядываю, перед печку-то. Вы знаете, стоит старик перед печкой на коленях, руки вот так назад сделал. Это наяву прямо, это не сон. Вот так на меня смотрит, вот така зелёная борода, глаза белые, большие. И вот так на меня смотрит. Я на него посмотрела, как я закричала, как я махнулась с печи на полати между отцом и матерью! Они испугались: «Это чё такое?» Посмотрели: никакого старика нет. Видела: борода зелёная, глаза большие, руки назад, он на коленях стоял. Мама говорит: «Это домовый взял всю твою болезнь на себя». И больше меня ни разу не намазали, и больше ни разу на печку не положили. До сих пор помню, мне шесть лет было, седьмой год. Мама говорит: «Всё, еду в город в церковь, самую дорогую свечку куплю, в алтарь поставлю. Девку исцелило это привидение. Это ведь не сон, а наяву». Папа говорит: «Зачем одну, ты купи уже три свечи». И мама поехала в город, самые дорогие свечки купила и в алтарь поставила: три дорогих свечки, что вот исцеление ребёнок получил. Вот, бегаю до сих пор» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Сосед

«Однажды на мой луг сосед бросил кошку дохлую. Я её за дорогу унесла. Через неделю снова кошка дохлая на моём лугу. Ну, я поехала в церкву с монашками советоваться. Они-то мне и говорят: «Жди третью кошку и пробросай её на огород соседу». И ещё слова при этом сказать надо: «Откуда ладила, откуда пришла, иди к нему». Я так и сделала. Дак у соседа два кабана подошли, жена с дочкой от него уехали. Один теперь живёт. Присел он как-то на мою скамейку, я на него закричала, калитку ему открыла, чтобы уходил скорей. Он в эту ночь в больнице умер. Вот так мне колдовать» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• Жаба

«Мужики рассказывали: в деревне у колдуна сын был. Отец ему и говорит: «Айда, Ванька, научу тебя, пойдём в баню». Пришли, там жаба, лягуша большущая сидит. «Ты, - говорит, - полезай ей в рот, она тебя как-то обратно вынесет». Парень как эту жабу увидел, ревёт, домой бежит» (д. Вавилово, зап. от Е.Е. Пегушиной, 1917 г.р.).

• **Большие мухи**

«Черти и порча как мухи большие. Живут они в доме. Она, Мария, их в подвале держит и на ворот людям садит. Как заругается, она в тебя залезет, эта муха» (д. Вавилово, зап. от Е.Е. Пегушиной, 1917 г.р.).

• **Большушши мухи**

«Я тут у одних была, они нам родственники. Она с ребёнком лежала в больнице, у них корова была. Я иду с работы, парень говорит мне: «Тётя Нюра, зайди к нам, корову подой». Я зашла, корову подоила. Он говорит: «Пойдём к нам в избу, смотри, чего у нас в корчаге». Раньше ведь корчаги были. Открыл мне, и вот такие мухи большущие, всякие, всякие: светлые, блестящие, большушши! «А вот, говорит, никого дома нет, они ись хотят и гудят». Колдуны выпускают их. Они их выпустят, муха маленькая залетит в тебя и все, будешь жить и мучиться. Вот эти порчи-то и ухают. Муха-то там растёт в человеке, болеет человек, болеет да всё равно умрёт. Она там у него всё проест, точит его. Она, как человек, умрёт, так улетат, кому-то ещё полетит. Колдун отправлят. Если уж он такой злой, колдун-то, ничего не сделаешь» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.).

• **Рыбья чешуя**

«Их шесть девчонок было, они уже своими глазами видели. Мы жили там внизу. Отец с матерью ушли через речку туда на поле, там в лесу готовить дрова. А вот эта Катя, ихняя дочь, всех девчонок собрала и говорит: «Пойдёмте, девчонки, пойдёмте, у нас у тяти, он держит котятков маленьких. Раньше, знаете, из бересты делали большие туески. «В туеске у нас, - говорит, - тятя в туеске держит маленьких котят. Так они там пищат. Ну, пойдёмте, посмотримте». Она их привела. Я ешшо стару избу помню. У них двери были такие круглые сделаны, как церковные двери. Окна были примерно метра полтора-два от земли-то. Она выносит, эта Катя, туесок-то. Мы, говорит, все слышим, там: пи-пи-пи-пи-пи, - пищат. Открывают крышку. Никакие не котята. Это Зина, сестра рассказывала. «Там, - говорит, - такая по пятаку рыбья чешуя». Кате-то кажется котятами, а остальным-то людям кажется чешуя. Мы, говорит, вот так, хотим поднять, все руки туда, чешуя шумит только, пищит. Мы, говорит, забираем вот так, вот эту чешую и хотим достать наружу. Только до краёв доносим - на руках ничего нет. Друг друга толкаем. Одна говорит: «Ой, ты уж не могла вытащить, а я вот вытащу!» Она тоже берёт, хочет токо перевернуть на пол - ничего на руках

нет. И их взяла икотка там, в лесу. Они узнали, что у них вот это ихнее чудовище, там что лежит, там кто-то достал, смотрят это всё. Они прибегают. Он, Илья, жену оставил в лесу, а сам прибегает. Всех, кого за руку, кого за ногу, всех через окно выкидал на улицу, кто был. А Катю, свою дочь, он так избил, что она месяц лежала, что кое-как её отводили, он ее всю исхропал, до полусмерти исхропал свою дочь. Вот тебе и колдун» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Смерть колдуньи

«У нас одна умерла, до войны ещё, Ориной звали, в соседях была. Она шибко была колдунья. Дак слышала я, одна бабушка тут у нас была слепая, она видела, но плохо. Она не рбила ничего, токо кто-то ей вязать носочки давал. Это тоже было в тридцатых годах. Она и говорит: «Орина-то умерла, у меня Анна-то созвала, сноха-то созвала с ей поспать, боится одна-то». Уже ребята были трое, маленькие были. Дак она говорит: «Я всю ночь на западне спала. Всю ночь токо шум стоит. Мыши-то на её набежали, на по-коёную-то, всю ночь у неё на груди лежали мыши-те. Я пошевелюсь, они прыгают, я пошевелюсь, оне прыгают». Я говорю: «Анна, Анна, погляди, сколько мышей-то на ей». А она на пече с ребятами-то залезла, говорит: «Ты чё меня тамо-ка повалила книзу-ту, а если меня мыши заденут?» - «Ничё не сделают они тебе, ничё не сделают. Пускай, они убежат». И под шешток с её, и под шешток. Она слезла, Анна, зажгла лучинку. Их много соскочило и под шешток убежали. Куда они девались потом? Вот. Вот она колдунья была. Или это черти были, наверно, черти были! Кошки-то бы не допустили мышей-то» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Санко Копыто

«У нас здесь женщина была. Этих уже стариков вообще нету в живых никого. Она эту всю порчу, разное колдовство снимала. Один колдует, а другой лечит. Эту женщину звали Пелагея Петровна, она внизу жила. А у этого колдуна был сын, Сашка его звали, его звали Сашка Копыто. Его маленького жеребёнок лягнул вот так здесь, в лоб, и ранил, видимо, этим копытом-то всё у него, всё заросло, и как копыто осталось, шрам такой, его всё звали Санко Копыто. Ну, ни одна девчонка с ним не дружила. Он хочет с девчонкой подружить, а никто с ним не дружил. Нехороший он такой был, да из-за этого из-за шрама он такой, значит, видимо, девчонки не хотели с ним дружить. А он им в отместку делал. Килу посадит им. Говорят, такое

слово у них есть, вот зёпнул на человека, и всё. То, значит, шщёку у одной сбарабанит, то, значит, горло сбарабанит, то ещё что-нибудь. И эти же девушки все ходили к Пелагее Петровне, она снимала. Она на хлеб наговорит, то на масло наговорит, намажет, то так наговорит, брызнет на воду, и всё сходило» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Колдовская сумка

«Женщина вот рассказывала, это действительно было. Она работала. Раньше же в школу не ходили, она неграмотная. Она так хорошо работала. Их уже нет сейчас в живых, этих людей. И колдун пришёл, говорит, так на огород навалился и на ее маму смотрел. А слова-то, видимо, пускал. Ну, у них свои молитвы. Это же всё надо с молитвами делать. Он маму-то исколдовал. И она, значит, полгода носила. Он ей посадил сумку на плечи, она не могла ходить. Вот, говорит, пуда два у меня сумка на плечах, вот весится, я, говорит, чувствую. Пойду, куда-нибудь прислонюсь, как поставлю эту будто бы сумку, что легче будет. Ну, этого звали Илья Николаич, мужчину-колдуна. Ну, а папа, говорит, увидел его и сразу: «Ну, Илья Николаич, смотри, попадешься ты мне один на один, я тебя убью». Мама говорит: «Вот закрою глаза, вот такие передо мной лягуши, смотрят на меня лягуши; глаза открою - никого нет». Мама говорит: «Я шесть месяцев носила эту сумку за плечами, не могла ни сидеть, ни лежать, давит меня, как большой груз несёшь, тяжело, вот такой тяжесть я носила». И потом папа стал ему угрожать. И он пришёл и говорит: «Андреевна, дай мне попить». Она говорит: «Да за твою-то совесть я бы тебе и не дала, даже не только квасу, и воды бы я тебе не подала». Но этот: «Я у тебя квасу не прошу, ты мне воды бросай». Мама и говорит: «Что делать?» - всё же вынесла ему в ковш воды. Он испил, вот так, говорит, повернулся, в рот набрал, брызнул на меня и всё, ушёл. Прошло немного времени, я говорит, так и почувствовала, у меня не стало этой сумки. Это может только другой колдун снять, который лечит» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Уроки наложили

«Меня самую ведь женщина одна испортила. Это было давно уж, я уж на пенсии была, тут продавец, с торговли вышла на пенсию, она говорит: «Мария Петровна, помоги мне с месяц поработать со мной, в отпуск одна ушла». Но я два месяца с ней поработала. Женщина одна зашла. И просто, ну, говорят, зёпнула на тебя. Я уже пожилая. Она и говорит: «Вот видали,

пожилая, а как быстро всё спускает, быстро шевелится, всё, не сравнишь с молодой-то». У меня вот эта щека зачесалась. Часа через два, через три щека зачесалась. Ну, не могу никак вытерпеть, чешу, чешу. Потом эта щека у меня опухла и вся покраснела вот так. А эта женщина, которая работала в магазине, там внизу жила женщина Анна Васильевна, говорит: «Мария Петровна, сходи к Анна Васильевне, она знает молитвы, она снимет с тебя это, тебя просто изурочили, уроки на тебя наложили». Я пришла к этой Анне Васильевне. Она и говорит: «Такие уроки на тебя большие наложили, что я даже говорить не могу! Я только позеваю, позеваю, не могу слово выговорить». Вот люди какие есть. И три раза я к ней ходила. Три раза она мне молитвы читала, слова давала на шшеку. Вот такие люди есть нынче, в это время! Как говорят, изурочили, недобрым глазом на тебя посмотрели, на тебя уроки пали. Дак вот это же, испортили человека, бог его знает. Они садят килу, у человека может воспламениться лицо или руки, ноги заболеть. Вот это и есть порча. Икота, порча есть ещё, внутри человека сидит. Она даже разговаривает. Это через еду передают колдуны. Вот она хочет порчу посадить, скажем, вот этот злой человек, она знает и хочет порчу посадить. Скажет: «Покушай вот это что-нибудь». А в этом хлебе или стряпне или чем-нибудь она посадит эту порчу. Порча у неё будто бы сидит внутри (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Полна баня свинок

«Рассказывали, одна старушка колдовала, и решила перед смертью это передать дочери. Повела ее в двенадцать часов в баню. Открывает дверь: «Заходи, Маринка». Та глядит - полна баня свинок, некуда ступить. Маленькие свинки. Та и скажи: «Господи, сколько свинок!» И свинки пропали, не стало» (с. Половодово, зап. от И.В. Головнойой, 1927 г.р.).

• Смерть колдуна

«Который маму испортил, Илья Николаич, у него Наталья жена была. Он, когда стал умирать, никак не может умереть. У него это всё колдовство нужно принять кому-то. Он никак, мучается, мучается, никак не может. А вот это всё колдовство вышло на окна, раму всю облепили, вот как пауты большие летают летом, вот такой величины мухи. Всё облепили полностью-полностью, даже ничего не видно было, окно облепили эти мухи. Наталья пришла. Видит, он уже сутки мучается, вторые, всё равно не умирает. Она пришла, взяла тазик. Но я не видела, это уже только говорят. Взяла тазик,

взяла веничек. Пришла, в этот тазик всех забрала. И он душу отдал. Она ушла. А она сама помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие цыплятки бегали, по всем бороздам бегали цыплятки. Их хватали, дочь хватала. Пока она их всех собрала, всех поймала. Там и красные, и желтые, зеленые, всякие бегали. Поймала, и она тогда тоже померла. Они - отец, Наталья и вот этот Илья - колдуны, злые были колдуны. И у меня уже две сестры Зина и Дуся, они уже очевидцы» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• Молодчик

«У нас во время войны, там ниже, в своем я родном доме жила, стояла женщина. С матерью жила. У неё был мальчик Герман, три годика. А ленинградские дети были сюда привезёны, в школе жили. Она там стирала, эта Анфиса. А у матери была порча. И она, значит, звала его, эту порчу, Молодчик. Она когда выкатится, она говорит: «Смотрите, смотрите, в этом месте как мышонок вот такой». Она его поймает и говорит: «Я тебя сейчас задушю». А был посажен мужчина ей, мужская порча была, как начнёт матькаться, как начнёт матькаться. Она говорит: «Я тебя с голоду заморю, я тебя с голоду заморю!». Никак эта старушка не могла ложку взять, не могла кушать, она не давала, эта порча ей есть. Вот день она голодует, два, три. Потом же опять эта порча ей скажет: «Ну, что, поумнела? Ладно уж, иди, пожри маленько». Вот так. Потом она говорит: «Пойду в больницу, и сделают мне операцию, и тебя выбросят». А порча ей отвечает: «А я к этому, молодому молодчику. Шиш они с матюка меня поймают. Я к ему же уйду». Это страшно даже. Знахарки эту порчу уже не могут убрать. Они только, которые снимают всё колдовство и порчу, они могут наружнее всё знать, а внутри они не могут» (с. Вильва, зап. от М.П. Пантелеевой, 1925 г.р.).

• ЗАГОВОРЫ, «СЛОВА», МОЛИТВЫ •

Заговорная традиция Соликамского района достаточно развита и в наши дни (это соответствует общей тенденции развития и функционирования жанра; многие фольклористы замечают ее активизацию в последнее время). Наибольшее количество заговорных текстов ориентировано на избавление от порчи, сглаза, заговоры «способны» избавить «от всех болезней»; немало также промысловых (в частности, охотничьих), бытовых и хозяйс-

твенных заговоров. Характерная особенность магической практики в районе – обилие письменных молитв-заговоров, которые не функционируют как устные тексты, содержат большое количество старославянских элементов (по большей части, искаженных) и активно используют христианские сюжеты и образы. В частности, в словах, используемых для защиты вне дома (в поле, лугу), фигурирует святая Устинья. Как известно, имя Устинья есть русифицированный вариант латинского слова «справедливая», а за ним стоит образ покровительницы, святой мученицы Иустины Антиохийской.

В разделе представлены также специфические религиозно-магические тексты, близкие к текстам жанра «магическое письмо», который представлен в большей степени не в сельской, а в городской местности. Они оперируют образами и понятиями традиционной христианской культуры, причём, языковое их оформление демонстрирует, с одной стороны, достаточно низкий образовательный уровень их переписчиков, принадлежность их к низовым, маргинальным слоям (вероятно, такие тексты переписываются старыми людьми, представителями прицерковной среды, возможно, даже детьми). Заговорно-магические тексты, близкие к так называемым «святым письмам» (см. тексты «Священные буквы от всяких напастей», «Сон Пресвятой Богородицы», «Слово от всех напастей», «Свиток «Уерусалимское слово» о спасении души» и др.) отличает использование при оформлении произвольного набора слов и фраз, логически и грамматически не всегда согласованных, использование буквенно-цифровой абракадабры, что и сообщает им магическую окраску.

• От уроков

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Стану я, раб Божий Василий, пойду я благословясь. Крещусь из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в восточную сторону. Оболюсь я черными облаками, опояшусь мелкими звездами, ограждусь я чудными крестами со всех четырёх сторон. Стану я, раб божий, отговариваться от злого, от лихого, от сатаны, от дьявола, от всех вселенских, от черного, от черёмного, от русого, от белого, от девки от простоволоски, от бабы от косматки, от сутула, от горбатки, от килы, от заботы, от попа, от пономаря, от дьякона, от просвирки, от жидовки, от пьяного-поганого, от всякого зла лихого, от своей думы, от своего промышления. Аминь. Я, раб божий Василий, в роте-небе мой язык ключ. Брошу я ключ, чтобы его не выбивало и не заметало. Будьте мои слова крепки, крепче камня. Три раза, девять раз Аминь» (д. Никино, зап.

от В.Г. Пантелеева, 1924 г.р. Исполнитель отметил, что этот заговор делают только на один год, потому что его действие укорачивает жизнь).

• **Слова, чтобы звери в капкан шли**

«Я, раб божий Василий, помолюсь и покорюсь Михаилу Архангелу и Егору Храброму, Григорию Салынскому и Евлану Златоусскому, и попутчику, и всем святым. Церковь Божья, на этой церкви божьей стоит дуб двенадцать отростелей, на каждом отростеле сидит по Марье. «Вы пойдёте на небеса и помолитесь и покоритесь обо мне самому Иисусу Христу. Растворите свою широкую пазуху на своих драгоценных зверей, на лис бурастых и красных, вы возьмите на них ружья, плетви шелковые и гоните их, спалите, чтобы они, рабы Божьи, бежали старыми тропами, не вертались, рядом не пятились, духу никакого не слышали и не замечали. Тут бы им, оглянувшись, крутая гора, по другую сторону - быстрая река, по левую сторону - глубокая проточина, вперёд - зелёные луга, мелкие кустарники. Они бы бежали денную и ношную, днём придневную, ночью приночную, месяце на перед, на исходе пятницы. Век по веку, аминь. Я, раб божий Василий, помолюсь и покорюсь Михаилу Архангелу и Егору Храброму, Григорию Салынскому и Евлану Златоусскому, и попутчику, и всем святым. Силы небесные, обведите вокруг моих ловушек тын железный от земли до небеса. Стану я на гробицу от сатаны, от дьявола. Они бы, рабы Божьи, бежали из быстрых рек, высоких гор, высоких трав, из глубоких лугов, из-под мелкой роши, из-под пня, из-под корней, и от дерева они бы бежали, денную и ношную, бежали бы старались тропами, свежими следами на мои ловушки, на мои поставушки, на мои железные капканы, на мои укладные пружины, бежали на сторожки, сшибали, никакого духа ни чура не замечали, назад не оглядывались, тут бы им и крутая гора и быстрая река, по левую сторону глубокая проточина, вперёд зелёные луга и чистые леса, бежали и не оглядывались, денную и ношную, при свете, при младе месяце, при чистых облаках. Месяц на млад, на исходе пятницы. Веку по веку, аминь. Я, раб Божий Василий, в роте мой язык-ключ. Брошу ключ вдруг, чтобы его не вбивало и не заметало. Будьте мои слова крепки-лепки, крепче камня булата. Три раза, девять раз Аминь» (д. Никино, зап. от В.Г. Пантелеева, 1924 г.р.).

• **Слова бане**

Заходя в баню, нужно было попроситься: «Впусти, матушка-банюш-

ка, честна каменка. Где ты, хозяйюшка, где ходишь? Кто у вас-то хозяин?» (с. Вильва).

• **Слова обидчику, который не возвращает деньги**

«Перевернуть стол, воткнуть в центр столешницы (с обратной стороны) нож и сказать: «За мою доброту, за мою простоту бог тебе судья». И перекрестить» (г. Соликамск зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Заговор на скотину**

«Поросенка или корову покупаешь, узнать надо, когда он родился. Если купишь в тот день недели, когда скотина родилась - умрёт скоро. А купишь, так через верёвку надо перевести и сказать: «Суседушко-братанушко, принимай скотинушку. Береги, стереги. Дай же бог доброго здоровья моему хозяйству» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Заговор на сон**

«Когда ребёнок не спит, молитву надо читать: «Господи, благослови. Дай Бог сон да угомон, доброго здоровья. Утренняя заря Мария, вечерняя Маремьяна, благослови и помоги. Аминь». И водичкой его надо sprysnuty» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Слова лесу**

«Святая Устинья, спаси, сохрани в чистом поле, зелёном лугу от всех зверей, от злых людей и от неприятелей» (д. Белкина). «Заходишь в лес - скажи: «Свят дух по земле, окаянный сквозь землю» (д. Белкина).

• **Слова от нечистой силы**

«Господь всегда с нами, ангелы летайте везде и всюду, дорогу очищайте, спаси меня от холоду, от голоду, от царского огня. На каждый день, на каждую минуту спаси и сохрани» (д. Белкина).

• **От колдуна**

«Ты, колдун, пей свою кровь, ешь своё мясо, а до моего тела нет тебе дела» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.). «Колдунам-веретенам синовий кол в грудь» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.). «Все твои речи - тебе на плечи, все твои речи - тебе навстречу. Пей свою кровь, ешь своё мясо, а до моего тела нет тебе дела. Дай Бог мне доброго здоро-

вья» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.). «Колдун-ересь, змеиное тебе жало, чтоб в рот тебе стало, ешь своё мясо, пей свою кровь» (с. Вильва, зап. от А.А. Жулановой, 1925 г.р.). «Ставят кукишку со словами: «Колдуну-еретнику железный клин в зубы» (с. Вильва, зап. от П.В. Барановой, 1918 г.р.). «Надо от колдуна оберегаться. Я всегда руки в карманах держу: в правой крест двуперстный кержакский, в левой - кукишку навожу и говорю: «Колдуну-еретнику пить свою кровь, есть своё тело, до меня нет дела» (д. Вавилово, зап. от Е.Е. Пегушиной, 1912 г.р.).

• **Слова, чтобы муж не дрался**

Брали из одежды умершего нить, вшивали её в рукава мужниной рубахи со словами: «Как покойник раб божий (имярек) рот не разевает, руки-ноги не поднимает, так и пусть у раба божьего (имярек) рот не разевается, руки-ноги не поднимаются на рабу божью (имярек)». Могли ещё эти слова говорить, когда давали обмылок мужу, которым мыли умершего (с. Касиб).

• **От головной боли**

Чтоб снять сильную головную боль, нужно взять гребень умирающего, почесать им свою голову и воткнуть гребешок в волосы сходящего в могилу человека со словами: «Унеси с собой в могилу все мои болезни и боли» (с. Касиб).

• **От колодбища**

«Если забьёт сына у матери, она садилась своей ж... к нему на лицо и говорила: «Пи... родила, пи... и пускай декуется» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• **Слова, чтобы мужская сила была**

«Вот цветок у подорожника срываешь и говоришь: «Как эта место стоит, так и у мужика будет стоять». Потом тёплой водичкой цветок залиют и пить подают, а можно так жевать» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• **Слова на приплод скотины**

«Достать из печки золу и со словами: «Как золушка в печке копится, так у меня и скотинушка копись». Бросать в углы двора» (с. Вильва).

• **Слова о судьбе**

«Есть три иконы: Гурия, Бабурия, Амурия. У них надо просить судьбу. «Дай, Бог, судьбу хорошую. Дай, Бог, мне счастья. Раб божий (имярек)» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Слова на дальнюю дорогу**

«Мира заступница, Мать Исопета, бедная грешница, я мраком одета. Я перед тобой с мольбою в трудный час в жизни, при гибели» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.). «Николай-Спаситель, Николай-Святитель, спаси и сохрани в трудную минуту раба божия (имярек)» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Молитва от несчастного случая**

«Николай-Спаситель, Николай-Святитель, Григорий Победоносец, победи ото всех врагов раба божия (имярек)» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Молитва от болезней**

«Пантелеймон-исцелитель, исцели меня ото всякой скорби и болезни, раба божия (имярек)» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Слова грому**

В сильный гром надо три раза перекреститься и сказать: «Свят, свят, свят, Бог Саваоф, прославь себя и свою землю» (с. Вильва).

• **Слова домовому**

«Мужик приводит в дом вторую жену беловолосую и говорит: «Суседушко-братанушко, люби эту белую баушку» (д. Бельская, зап. от П.И. Сидоровой, 1924 г.р.). «В новый дом переходишь и называешь домового: «Суседушко-братанушко, пошли к нам в дом, на другую квартиру ли» (с. Касиб, зап. от А.С. Бахановой, 1930 г.р.). «Из летней в зимнюю избу переходят и говорят: «Суседушко-батюшка, пошли с нами» (с. Половодово). В новый дом переезжают, берут лапоть и говорят: «Суседушко-братанушко, вот тебе сани, поедem с нами». В новом доме лапоть клали в голбец (п. Лызиб). «Я пришла в новый дом, дак там помело, хлеб-от когда пекем. Вот веник там привязываешь, пихту ли. Вот я пришла, хрёстна говорит: «Вот неси помело и там бросай его в подвал». Я помело бросила и сказала: «Суседушко-ба-

тюшко, любви и уважай нас, мы сюда приехали жить». Как мы ещё приехали, крестная нам хлеб испекла» (д. Сорвино, зап. от А.П. Логиновой, 1932 г.р.). «Первым заходит в новый дом мужчина соседский. Он первый идёт в избу и не пускает никого. Ещё спрашивают: «Кто идёт?» - «Я иду». - «Как идёшь?» - «Хозяйничать буду». - «Что несёшь?» - «Хлеб несу». Дети если есть, идут сзади, несут кадушку, хлеб несут, квашенку-то. Их спрашивают то же, только добавляют: «Что несёшь?» - «Хлеб несу, пекчи буду». - «Чего выпивать несёшь?» - «А чё захочешь, то и пить будешь». - «Хочу сто грамм». - «Несу двести». - «Кого ведёшь?» - «Скотинушку веду, суседушку веду». Ребята помело волокут, помело-то - пихта, веточки сделаешь, веник. Ответчали - открывают. А кто попадет дорогой, вот когда этот веник-то волокёшь, спрашивают: «Кого волокёшь?» - «Суседку волоку» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.). При въезде в новый дом в левой руке кошку несут в правой - икону. Кошку в подвал бросали, затем иконку и квашёнку в дом заносили, близкие родственники встречали у ворот с хлебом, солью и караваем (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

• Слова на хороший удой у коровы

Зачерпывали текущую воду в ложку, несли эту воду и поили ей корову, чтобы та не сбавляла молока, со словами: «Как водичка в речке бежит, так бы и молоко у коровушки» (г. Соликамск).

• Слова, чтобы мужа домой вернуть

«Гаркать в трубу надо: «По полям, по лугам, по лесам, по рекам, по воздуху приходи, милый, домой». Три раза надо прокричать, он почувствует. Только определённые часы надо знать, то ли на закате, то ли на восходе, у нас бабы так мужиков домой возвращали» (с. Городище, зап. от А.В. Прибытковой, 1914 г.р.).

• Молитва от недобрых людей

«Матушка пресвятая Богородица, спаси меня, сохрани меня, Ангел-божий, хранитель Архангел Михаил, великомученик Григорий-победоносец, Иван-святитель, Николай-чудотворец, Кирилл и Улита, священномученник Киприян, спасите меня, сохраните меня от мудреца и мудрого, хитреца и хитрого, колдуна и колдуньи, еретика и чародея» (г. Соликамск, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• **Молитва Ангелу-хранителю о спасении души**

«Святый Ангел, предстоят окаянной моей душе и страстей моей жизни. Не оставу меня грешной, ниже отступи от меня за невоздержание моё. Не даждь место лукавому демону, обладателю много насильствам смертного с его телеса, укрепи бедствующую и худую мою руку и наставь меня на путь спасений. Ей святой Ангеле Божий хранителю и покровителю окаянные моя души и тела, всё мне прости, великими ты о скорбях во все дни живота моего, и ещё что согрешу в предстоящую ночь, что покрой меня в настоящий день и сохрани меня от всякого искушения противного, да ли моем грехе прогневаю Бога, и молися за меня ко Господу, да утверди меня в страхе своём её, достойно покажет меня раба своея благодати. Аминь» (г. Соликамск, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• **Священные буквы от всяких напастей**

«Носить с собой записанные буквы - «Т. П. Д. Н. т. ф. Т. Г. л. к. м. н. В. К. и. ы. В. ф. к. В. Н. М. В. В. С. К. П. Е. Г. л. Н. В. и. Е. Б. З. П. П. З. Е. Е. Е. Е. А. Д. т». Вот одному солдату присудили отрубить голову, не могли ничего сделать. Все удивились тогда, а солдат показал письмо с буквами, что сам Бог написал: «В. Б. Е. Д. М. Л. О. К. Л. Д. Г». Или вот у кого из носа кровь будет идти, надо положить ему письмо с этими буквами на нос, и кровь не будет идти. Кто этому письму не верит, пусть возьмёт нож, заколет скотину и положит письмо на нос, на кровь, и кровь не побежит. Если женщина будет иметь письмо, пусть в доме его носит, и если хозяин проклят, пусть дети его носят, и тогда никогда никто не постоит. Кто этому письму верит, тот увидит с неба трёх ведьм в день святой смерти» (г. Соликамск, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• **Сон Пресвятой Богородицы**

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Спала здесь Пресвятая Богородица во святом граде в месяце марте. Прийде к ней Господь Иисус Христос. О, сын мой возлюбленный, я видела во сне распятого тебя на кресте на кипаристе от книжников и фарисов, от змей-людей, от каменных сердец и во тернов венец на главу твою святую возложением, и жалостью отец во уста плёван был, и по ланитам ударен, а наутро прийде один воин, копьём ребра твои пронзил. Абле изойдет кровь, и вода к земле потрясётся, и камни расколуются, и телеса умерших восстанут на спасение всему роду, Христос, никому благообразный Иосиф снял сурева принятое тело твоё,

плащанистую чистую обвив и во гробе новее покрыв помже. Поутру зело рано приют дали, и ко гробу жены мироносицы помазать тело Христово миром, и глаголе им огнём Господен: «О, жены мироносицы! Всему миру живот даров и по воскресенью от гроба, гробы отверзашася, и телеса умерших восстанут преисподняя земли, дверные ворота железные, и сокрушила свеча, и рукописание Адамово раздрались». И рече Господь Иисус Христос: «О, Мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, воистину не ложен сон твой Богородичен, праведный есть, который человек сон твой, Пресвятая Богородица, держит в чистоте, тому человеку ни дьявол, ни дух злой, и от места то почтение, скоро облегчение получит, и в котором дому сон твой, Пресвятая Богородица, будут держать, к тому ни огонь, ни тать, ни разбойник, ни злой, ни меч, ни стрела, ни пуля вредить не может, и в дом прибудет благодать божья рабам и скоту. Ещё который человек сон твой, Пресвятая Богородица, держит при чистоте, тому человеку на водах тихое плавание, в торгах прибыток и в бытѣ честь. Который человек сон твой, Пресвятая Богородица, носит на войну с собой, тот человек пожнёт врагов твоих, ещё который человек сон твой, Пресвятая Богородица, при смерти держит и при себе или даёт кому прочитать, а сам с верою послушает, то примет смерть лёгкую и избавлен будет от муки и огня неослепимого, червей неусыпающих и тартара преисподнего, возьмут душу его чистую и понесут в царство небесное, в недра Авраамово, и Исаково, и Иакова, еси мест гроба Господня Иисуса Назарея царя Иудейского, ему же честь и слава во веки веков. Аминь» (г. Соликамск, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• Слово от всех напастей

«Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Сеё слово на сей свет послано от самого Господа Иисуса Христа, православного царя, против неприятеля. И тот лист такую силу имел, что неприятель был побеждён или кто его похочет читать и с прилежанием слушать будет и станет давать списывать, тому человеку на сорок грехов отпускается, его никакого человеку вредить не может. В котором дому сей лист прибывает, ни злой человек, не иначе какая пакость злая прикоснуться не может. И в котором дому жена беременна будет, и если лист при себе с верою носит, легко будет родить отрока, и стережёт Господь Бог наш во дни и в ночи, сбережёт от дьявола скаредного. Сей же лист найден в земле Греческой перед образом архистратига Михаила. Кто же его похочет читать или с прилежанием послушать, то сам Господь наш Иисус Христос подаст ему во всяком дне счастье и при-

быль, от грехопадения избавлен будет, и написан сей лист золотыми литурами. Аз глаголю вам, власть Божества моего, дабы день недельный чтили, а не работали, и худых дел не производили, и корни в огороды не копали, и прибыток думами своими не творили. Ибо Господь Бог дал в неделю шесть дней работать, а седьмой вспоминать дел Божьих, молитву творили и ходили в церковь Божию слушать Божественные писания и апостольских поучений, если позволения моего не исполните, то буду вас морить голодом и злым поветрием, погибнете, и спущу всякую войну и кровь, на землю пущу, царь на царя, король на короля, папу на папу, отец на сына, брат на брата, сосед на соседа, да будет между собой великое кровопролитие на земле, и пущу отприкивающего, ещё буду вас кропить грозными громами и блистанием огненным, якобы признали гнев Божий и справедливость место, успокойтесь от сих дел ваших. Пущу на вас птицу черную, и носы у них железные станут над вами кричать, и всех вас поедят, и злым поветрием погибнете, и ещё приказываю день Воскресенье Христово не работать, праздники господни чтить, среду и пятницу питать душевно, а не телесно. Отца и мать почитайте, друг друга любите, в церковь Божию с женами и со своими детьми ходите. Божественные писания слушайте, вдовых сирот не презирайте, убогим братьям моим возлюбленным милостыню творите и матерною бранью не браните, прилежно молитесь Богу о грехах своих, что согрешили в ту неделю. Мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, Ангелы ваши хранители не молились и не просили бы, то давно бы погубил вас скоро смертью, ещё протерплю для Пресвятой Богородицы своей матери и ангелы ваши хранители. И не божитесь ни небом, ни землёй и никакою божественной клятвою, кроме как ей, ибо я вас сотворил по образу своему по подобию, ни на злое, ни на всякое. На всякие благие, а вы, люди, заповедей моих не забывайте, а если станете слушать словеса мои, то отверзу вам царствие Божие и покой вечный и отпущу грехи ваши. В последний же раз приказываю, если кто не будет верить письму моему, то человек допустит покаяние и умрёт злой смертью, а кто держит и почитает священное писание моё и при себе держит, носит в чистоте и станет давать переписывать и читать если же, а сам с верою послушает человек, если бы имел грехов как песку в море, или листьев на дереве, или звёзд на небесах, то все грехи его отпустятся, и в царство допустит, ему же честь и слава бесконечная. Во веки веков. Аминь» (с. Половодово, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• Несчастные дни

«Иисус Христос и Евангелие у святой православии это благословляющем Т.С.С. на то сказал не для меня и на голос, если говорю вам, войдет довольный. Усердной думой на все сердце. Третий раз благословляю. Январь 11-18-26, февраль 18-11-17, март 1-13-31, апрель 1-3-13-12, май 3-10-30, июнь 12-15, июль 15-12, август 13-17, сентябрь 12-18, октябрь 11-13, ноябрь 11, декабрь 11-17. Эти дни несчастливые. Кто заболит, тот никогда не выздоровит, которые родятся, те будут несчастливые. Кто в эти дни женится, несчастный, при том родился, то был несчастным, 13 августа хотя он жил с горем. 1 августа созданы несчастные духи неба, как говорил Иисус Христос, избегавший грехов. В воскресные дни не работай. Дни проводите в молитвах, чтобы вы ходили в церковь Божию, и если не исполните, то я вас накажу огнем и поморю голодом и после страшного суда. Господь сказал, что может восстать против своих дочерей, брат против брата, тогда они вас откажут за вашу неправду, что вы воскресные дни работали, и я вас накажу страшной молнией и громом. Пойду на вас на двух острых саблях на страшный суд, судить буду вас своей отцовской думой, до тех пор, пока не покаетесь. Я вам говорю, молодым и старым, церковь раскроется от всех грехов и на всего мира близящем, что не сумеете тогда пойти чему нуждающимся. Кто это письмо держит, тому хоть скольких грехов, как в море песку или как на земле травы, а на небе звезд, то он будет прощен, и кто увидит и не перепишет, тогда не будет никакого счастья, и не дает письмо переписать, тот человек будет проклят. Иисус Христос говорил: вы бы должны исполнить закон Божий во имя отца и сына и Святого Духа, как это письмо кто при себе держит, никакого несчастья у него не будет. Ни от проклятых духов. Он говорил, страшного бояться не надо, кто при себе письмо хранит, тот всяких неприятных врагов, грабителей и всяких жестокостей нас условных видных, невидных и несчастных. Записку привязать к собаке на шею и стрелять в нее, и никто не попадет, во имя отца и сына и Святого Духа, как говорил Иисус Христос, во имя отца Господа Бога моего, описанию вас от всякого рода не портите. Кто моему письму верит, тот никогда лично не терпит наказания. Господь Бог всякой будет хранить или смертельным ударом тебе никто не тронет, будет избавлен бед несчастных. Аминь» (с. Половодово, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.).

• Молитва Михаилу Архангелу о спасении души

«Михаил Архангел судья праведных, зашёл он на святую гору Елеонс-

кую, вострубил в золотую трубу, восстали живые и мёртвые грешники по левую руку, а праведники по правую руку, и пошёл же Михаил Архангел через огненную реку. Идут они как-то по полю, идут как-то по маслу, идут, стихи поют. Херувимских и грешников погнали через огненную реку, пылают пламенем за семь верст, грешники испугались и заплакали. «Увы! Увы! Михаил Архангел грозный воевода, судья праведный, сходи поди к самому Господу Иисусу Христу, помолись за нас, за грешников». - «А вы, рабы, люди грешные, нельзя мне за вас идти к самому Иисусу Христу, нельзя мне за вас Господу Богу молиться? Жили вы рабы на вольном свету и на спасение, Господу Богу не молились, в церкву Божию не ходили и телеса свои не носили, среду пятницу не почитали, светлое Христово Воскресенье. Нищего-убогого не находили, а мимо голодного не направляли, нагого и босого не одевали. Нет вам прощенья. Аминь. Напущу звериные языки и кровь. Кровь вашу за неправду и беззаконие ваше и отпущу мороз и глад великий, и отверзу небеса, и спущу камень горячие, воду кипящую. Можете под крепкие мои руки убежать или укрыться от всевидящего моего ока. Ещё спущу на вас змей лютых, двуглавых и крылатых, поедят плод сердца и за неправду и за неподобленную матерную брань, и ещё безумные зело вещи не воспокоитесь и не обратитесь от худых дел. Видя таковой грех, и аз и напущу на вас зверей лютых и главы у них львиные, и носы у них железные» (г. Соликамск, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• Свиток «Уерусалимское слово» о спасении души

«Божье Уерусалимское знамение во святом граде Уерусалиме бысть явление во святой соборной церкви. Глас невидимо исполнен, и спаде с небес камень мой и студень, а тяготы его никто не может ведать, и спаде тот камень в четвертом часу дня, патриарх же Уерусалимский во всем собором освященным начал служить молебное пение на моя камне по три дня и по три ночи, а в четвертый день развалился тот камень надвое, и в нем обретен свиток, Богом написан, така глаголет Господь: «Послушайте, люди ли и человеколюбие моего наказание. Аз есмь Господь вам Бог, а он, люди мои, послушайте сего моего божественного писания. Ещё кто послушает заповеди мои, сохранит тот человек от моего небесного отца, от меня получит великое счастье и прибыток, и при конце живота сойдёт ему благословление и покой вечный, аз пишу к вам первое - четырнадцатое, второе - последнее от отца моего небесного: делайте правду между собой, друг друга любите, матерную брань не бранитесь, блуда не творите, аще который день

взбранитеся у моего человека невидимо, то уста кровью затекутся, ангелы Божии вострепунутся и возглаголят: «Господь, сотвори суд праведный, да погибнет его память, а преблагословенная Богородица за ваше скверное действие приступит к престолу моему со слезами просить об вас окаянных: «О! Сыне и Боже мой Иисус Христос, прости сему народу. Да успокаются от вся брани!» О! Злы и скверные человецы, если бы Мати моя Пресвятая Богородица не молилась и не просила бы за вас, окаянных, то давно бы я вас погубил горькою смертию, яко погибнет от лица ветра да ещё аз протерплю и наказание, и разумеите словес моих, аз есмь Господь Бог, вам первое и последнее глаголю вам, и живот сотворю на небо и землю, мимо идут словеса мои, никогда не пройдет на вас окаянных. Минут времена, лета и годы, оканчивается страшный суд. Господи готовится крестом его поста для причастия матери моя Девы Мария. О! Люди мои, успокойтиса от злых матерных браней и скверного блуда, ещё который человек блуд сотворит, то не только душу свою погубит, но все тело и суставы свои осквернит, послушайте, люди мои, сего моего Божественного писания» (г. Соликамск, зап. от М.Г. Санниковой, 1910 г.р.).

• НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ •

В рецептах народной медицины используются разнообразные магические приемы: имитативная магия, оперирование с обереговыми и продуцирующими символами (хлеб, соль, яйцо, вода, масло, молоко, веник, красного и черного цвета ткань). Большое место занимает в сфере народного медицинского знания траволечение. В разделе приводятся и описания применения в народной медицине разнообразных трав (типа девять сил , или девятисил, мойло).

• От ожогов

Соплями лечили от ожогов (д. Никино).

• От колодбища

«От колодбища трава есть, её пьёшь, трое суток спить надо, не шевелить, не трогать. Если тронешь, тут же забьёт, тут же умрёт» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• **От испуга**

«В чёрную одежду одевали ребенка, которого лечили от испуга, повязывали его черным платком, затем молились богу» (г. Соликамск).

• **От насморка**

«В Великий четверг соль кладут к божнице, потом эта соль полезная станет, если кто болеет, ему дают в ноздри» (г. Соликамск).

• **От недомогания**

«Когда недомогаю, наклонюсь, руками о землю ударю, и легче будет, от болезней тоже это помогает» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

• **Грыжу (грызь) лечить**

«Грызё лечили, прикладывая к ней старинную медную пятикопеечную монету, потом её носишь» (г. Соликамск). «Кота когда холостили, брали от его кровь и кровью грыжу смазывали, чтобы не грызло» (д. Лызиб). «Грыжу у ребёнка лечили в бане. Баушка грызёт грыжу эту, над ребёнком встаёт и как грызёт. Я спрашиваю: «Чё грызёшь?» - «Грыжу». - «Грызи пуще, чтобы век не было». Три раза скажу, и всё. И три бани истоплю, вот эти слова говоришь, и не будет грыжи» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• **От сглаза**

«От сглаза у меня свекор брал девять ложек, полоскал их в воде и через сито изо рта брызгал на детей» (д. Лызиб, зап. от А.Г. Белкиной, 1926 г.р.).

• **От зубной боли**

«Яйцо наполовину разрежут, солью посыплут и со словами дают съесть. Это зубы так лечили» (с. Вильва, зап. от А.Н. Мальцевой). «Зубы-те топлёным маслом лечили, если болят, смазывали» (с. Вильва, зап. от А.М. Федуриной, 1920 г.р.).

• **От сдернутого пупа**

«Пуп сдернул если, берут клубок шерсти, ложились на него пупом-то и так катались по ему» (с. Вильва, зап. от А.Н. Мальцевой).

• **От камчука**

«Вот у мужика камчук какой-то был в паху. Так вот у нас бабушка была, красную тряпочку нашла, наговорила на неё и на камчук-то положила. Он как комок такой в паху. Вот наговорили на тряпку и на камчук-то и положили, а тряпка-то должна шерстяная быть и красная» (д. Сорвино, зап. от К.Ф. Чекотиной, 1926 г.р.).

• **От всяких болезней**

«Есть трава хорошая, девять сил называется. Всякие болезни лечит. Её нельзя показывать, а то силу потеряет. Она в огороде растёт» (г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.). «Громова-то стрела ещё есть, ей лечили. Она от всего помогала. Вот она куда падёт, в дерево-то, и в это же время через три года выходит, видала я такую. Вот сколь звезд на небе в этот день было, столь и на громовой стреле их и было» (д. Лызиб, зап. от А.С. Корпенко, 1927 г.р.).

• **От удущья**

«Удушье вот если, бабка у меня тёрла камень о камень кремь-то, в порошок тёрла, потом этот порошок-то и пила» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

• **От красной болезни (оспы)**

«От красной болезни, от оспы, брали красную тряпку, мочили в квасную гущу или в плесень от кваса и прикладывали больному на лоб» (с. Касиб, зап. от М.К. Журавлёвой, 1935 г.р.).

• **От золотников**

«Золотники мучают, это такое сокращение матки у роженицы. Они даже сильнее родов мучают. Вот когда мучают, хмельное выпей, или просто хмель заварить, они, золотники-то, чуть-чуть отпускают» (с. Вильва, зап. от Г.П. Жулановой, 1938 г.р.).

• **От шпоры на ногах**

«Вот ещё шпоры лечили. В лесу трава такая росла, заячьи подвязки, она такая с мохнатыми зелёными листьями. Её заваривали в кипяток и к ноге-то прикладывали» (с. Вильва, зап. от Г.П. Жулановой, 1938 г.р.).

• **От оглазы (печь-ячменя)**

«Оглаза-то лечится так: горячий хлеб прикладывают из печки, вот и проходит, это ячень-то» (с. Вильва, зап. от Г.П. Жулановой, 1938 г.р.). «Ячень сводишь, так хлеб горячий подогреть, мякину-то тёплую прикладывать на глаз, а потом собаке все отдать» (с. Рубцово, зап. от Е.Н. Олейниковой, 1926 г.р.).

• **От порчи-хитки**

«На болоте мойло растёт, его от хитки пьют». «Мойло, у его трава, как у морковки; выдернёшь – белая, как морковка; корешок-от ешь, а траву не ешь. На межах растёт» (с. В. Мошево).

• **От бессоницы**

«Ребенка, который мучился бессоницей, парили в бане трехгодовалым веником, после чего продевали его через венчик, сплетенный из цветов» (г. Соликамск).

• **От бесплодия**

Свиное молоко считалось средством от бесплодия (г. Соликамск).

• **На хороший удой**

«Если у коровы пропало молоко, нужно ей дать молока сорок капель от сорока коров» (г. Соликамск).

• **Полуношницу лечить**

«Не спал ребенок, ревел. Раз сходили к бабке, два, третий раз пошли, он говорит: «Не буду я, опять она парить меня будет». Парит-то на пороге. Из-под порогу виник возьмёт и напарит. Три раза надо ходить. Она парит и про себя шепчет» (с. Вильва, зап. от М.А. Пантелеевой, 1935 г.р.).

• **Кочергу выводить**

«А кочергу у маленького выводили, молоком своим же, нацедишь на спинку, нацедишь и пошёркаешь, пошёркаешь. Раза три, четыре делаешь, и всё, никакой кочерги. В бане грудным молоком, распаришь ребёнка» (д. Зуева, зап. от Л.И. Пантелеевой, 1928 г.р.).

• Глава IV • ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Песенная поэзия Соликамского района близка по своему репертуару к песенной лирике Северного Прикамья в целом; в ее составе немало текстов старых, сохранивших достаточно древние мотивы и образы; текстов с развернутой сюжетностью, с богатством стилистических форм. Связь с обрядностью (прежде всего, календарной, троицкой и святочной) очевидна для целого ряда текстов (см. также соответствующие разделы в главе «Календарная обрядность»).

С постепенным разрушением традиции песни теряют свою чисто обрядовую отнесенность и уже используются просто как «праздничные» - проголосные, застольные и плясовые. В обряде с помощью исполнения («играния») песни достигалось, как известно, перевоплощение участников обряда по отношению к обычному миру и повседневности. Пением воссоздавалось идеально организованное сообщество (отсюда обилие идеализирующих номинаций - действие происходит в песенной игре не на полянке, а в «Казань-городе», в игре участвует не девушка, а «царевна-королевна», не юноша, а «царевич»). На этой основе через пение и круговое движение в определенное календарное время осуществлялось приобщение участников ритуала к гармонии вселенной. Если в контексте обряда (календарного или свадебного) функцией песни было вовлечение всего деревенского сообщества или его части (чаще всего молодежи) в обрядовый континуум, то вне обряда эти песни существенно переосмысляются, их исполнение становится знаком этнической общности собравшихся.

В разделе представлены игровые песни, изначально связанные с троицким и святочным обрядами, шутливые плясовые песни (соликамская традиция богата на этот жанр, отличающийся тягой к алогизмам, намеренной несурязице, см. песни типа «Был я у Яна» или «Это что у нас за шум да учудился»), песни семейные и любовные, тюремные песни (см. в частности, вариант чрезвычайно распространенной по всей России песни о загадочном герое по фамилии Ланцов), наконец, «жестокие» песни более позднего времени, как правило, основанные на сюжете о реальной или желаемой гибели героини или даже всех героев.

• ПЕСНИ ИГРОВЫЕ •

На горе-то кáлина

На горе-то кáлина, да на горе-то кáлина,
На горе-то кáлина да кáлина, под горою мáлина,
Да под горою мáлина, под горою малина да мáлина.
Там-то девонька гуляла, да там-то девонька гуляла.
Там-то девонька гуляла да гуляла, калинушку ломала.
Да калинушку ломала, калинушку ломала да ломала,
На дороженьку бросала, да на дороженьку бросала .
На дороженьку бросала да бросала.
Край-то дорожки, да край-то дорожки
Край-то дорожки да дорожки
Ехал парень молодой, да ехал парень молодой.
Ехал парень молодой да молодой.
- Тый возьми меня с собой, да тый возьми меня с собой.
Тый возьми меня с собой да с собой.
Назови меня женой, да назови меня женой.
Назови меня женой да женой.
Я те службу сослужу, да я те службу сослужу.
Я те службу сослужу да сослужу.
Ворона коня напою, да ворона коня напою.
Ворона коня напою да напою
В чисто поле отпущу, да в чисто поле отпущу,
В чисто поле отпущу да отпущу.
Чисто поле широко, да чисто поле широко,
Чисто поле широко да широко.
Убежал конь далеко, да убежал конь далеко.
Убежал конь далеко да далеко.

(с. Половодово, зап. от Е.А. Пермяковой, 1927 г.р. Песня известна прежде всего как троицкая хороводная).

За лесом-лесом, да перелесом

За лесом-лесом, да перелесом, да кáлина, да мáлина,
Там девки играют, да красавицы гуляют, да калина, да мáлина.
Меня, молоденьку, в три голоса кличут.
Да лишь бы ни в четвертый, да калина, да мáлина.
Пятый-от голос да чуть-чуть надносит,
Малехонько подносит, да калина, да малина.
Свекор домой кличет, лютой-от домой кличет,
Да калина, да мáлина.
Печку топоти, щей, кашу варити, да калина, да мáлина.
Я во сердце войду, во ретиво войду, да калина, да мáлина.
Сама на игрища уйду, да калина, да малина.
За лесом-лесом, да перелесом, да кáлина, да мáлина,
Там девки играют, да красавицы гуляют, да калина, да мáлина.
Меня, молоденьку, в три голоса кличут.
Да лишь бы не в четвертый, да калина, да мáлина.
Пятый-от голос да чуть-чуть надносит,
Малехонько подносит, да калина, да малина.
Свекровка домой кличет, лютая домой кличет,
Да калина, да мáлина.
Кросна ткати, да калина, да мáлина.
Я во сердце войду, все кросна иссеку, да калина, да мáлина.
За лесом-лесом, да перелесом, да калина, да малина,
Там девки играют, да красавицы гуляют, да калина, да мáлина.
Меня, молоденьку, в три голоса кличут.
Да лишь бы не в четвертый, да калина, да мáлина.
Пятый-от голос да чуть-чуть надносит,
Малехонько подносит, да калина, да малина.
Милой домой кличет, любимой домой кличет,
Да калина, да мáлина.
Постелюшко стлати, да калина, да мáлина.
Я домой пойду, постелюшку постелю,
Да калина, да мáлина

(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой, 1902 г.р. Песня известна как игровая
троицкая).

Девушка садочком шла

Девушка садочком шла, раскрасавица зелененьким,
На ней платице белеется, полушалочек красуется.
Во правой-то ручке розов цвет, во левой ручке немецкий веерок.
Веерочком помахивает, со молодцем разговаривает.
- Здравствуй, милая, хорошая моя, красота ты ненаглядная моя.
Ох, сколько бесед изошёл, красоты твоей я лучше не нашел.
Только ты у меня во сердце одна, красота неочищенная твоя.
Сердце вьется-увивается, поцелуя дожидается.

(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой, 1902 г.р. Исполнялась на троюцких гуляниях и в поцелуйных играх).

Ох, я-то на острове я родилась

Ох, я-то на острове я родилась,
Недолго ли у родни росла.
Во чужбинушку ли я попала,
Показалась мне она тюрьма.
Ох, я-то не вирила своим подружкам,
Что на свете есть любовь.
Я тогда только ли да поверю,
Наживу ли я да дружка.
Ой, нажила себе ли я милого,
Унимала его ночевать.
Ты-то ночуй, ночуй, мой друг любезный,
Ночуй ноченьку ли у меня.
Уж я рад бы, рад бы ночевати,
Боюсь, до свету я ли да просплю.
А того пуще ли я боюсь -
Боюсь, дома меня забранят.
Ах, ты не бойсь, не бойсь, мой друг любезный,
Я сама ли я ранешенько встаю.
Ах, я-то пораньше тебя, милой, встану,
И подальше тебя провожу.
Провожу ли я до горушки высокой,
Ой, да до конторы, ой, да до реки.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Как на горе

Как на горе да на пригорке, на пригорке
Стоит новая деревня.
Как во той новой деревне, деревне
Да, ой, живет вдовушка вдовая,
Да солдатушка молодая, молодая.
У этой у вдовы, у вдовы
Были три дочери хороши, хороши.
Одна - Саша, друга - Маша,
Третья - душица Катюша.
У Катюши друг Ванюша,
Ванька белый, кудреватый, кудреватый,
Да он для девок вожеватый, вожеватый.
Он по девкам часто ходит, ходит.
Не по множку денег носит, носит.
Когда рубль, когда полтину,
Когда синеньку бумаженьку,
Когда ситцу да рубашечку,
Когда ему шаль с кистями,
Да косыночку с кружевами,
Когда миленькой на платье,
Круг подолу коленкору,
Коленкору непростого, голубого.

(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой. 1902 г.р.).

Ох, цыганка молодая

Ох, цыганка молодая, ох, ворожейка непростая.
Встань, проснись средь ночи.
Бери ключи от комода,
Бери деньги золотые для цыгана молодого.
Цыган едет за границу да ищет Машу-красавицу.
Маша жала рожь-пшеницу.
Маша жала, приустала, пошла к речке отдохнуть.
Я с-по жердочке шел, я с-по тоненькой,
Я с-по тоненькою, с-по жаровенькою.
Тонка жердочка гнется, не ломится,
Не со милою живется, не стошнится.
Не стошнится, не сгорюется.
Я сегодня, ребятушки, сладко спал,
Я на шубке, на юбке, на войлочке,
Соболино одеяло в ногах стоптал,
Во ногах стоптал, целоваться стал.

(д. Попова-Останина, зап. от П.С. Москалевой, 1912 г.р.).

Тонка жердочка гнется, не ломится

Тонка жёрдочка гнётся, не ломится,
Мне со миленьким живется, не стошнется.
Пойду я, выйду, молода, да за новые ворота.
За новые, кленовые, за решетчатые.
Все решетчатые, семикошетчатые.
На счастливый выход мой да едет миленький домой.
Да во кафтане голубом, да во кафтане голубом.
Штаны по золоту ткани да по атласу вышиты.
Еще наши-те ребята, они белы-кудреваты.
Охочи были погулять, да стали танцы танцевать,
Стали танцы танцевать, красных девок целовать.
Что меня ли молоду целовали во ряду.
Целовали, миловали, за хорошу почитали.

(д. Оськино, зап. от П.М. Сазоновой. Вариант известной плясовой песни).

Хотела меня мать замуж выдати

Хотела меня мать замуж выдати
Не за милого дружка, не за Ванюшку.
Хотела меня мать замуж выдати
За стара мужа.
У стара мужа борода больша,
Борода больша, глаза острые,
Глаза острые, зубы долги.
Бородой большой во сенях мести,
Зубами длинными на крыльце скрести,
Глазами острыми по лесам следить.
По лесам следить, медведей ловить.
Выдай меня, матушка, за пару да за ровнюшу,
За мила дружка да за Ванюшу.

(д. Попова-Останина, зап. от П.С. Москалевой. Исполнительница прокомментировала песню: «Пели на вечеринках. Сидит рядом нелюбой парень, вот и затягаешь»).

• ПЕСНИ ПЛЯСОВЫЕ •

Чисто ходишь, где берешь

- Чисто ходишь, где берешь, дай расписку, с кем живешь.
- Я расписку не даю, с кем гуляю, не скажу.
Я гуляю с молодцом, с ярославским со купцом.
Разудал молодец ярославский-то купец.
Он и ходит, он и носит шляпу черную с пером.
Черна шляпочка смеётся, перчаточки говорят,
Перчаточки говорят - велят шляпу приподнять,
Велят шляпу приподнять, сударушке честь отдать,
- Сударушка, ой, душа, сударушка-девушка,
Иванова Любушка.
Ехали мы, ехали да в огород заехали.
Бочку пива налили, бочку пива пролили,
Всю рассаду полили.
В огороде-то мужик да бабу коробом зашиб,
Он за то её зашиб, что портянки не сушит

(д. Ескина, зап. от А.С. Арестовой, 1902 г.р.).

Не стыдно вам, ребята

- Не стыдно вам, ребята, чужо пиво пить.
Не пора ли вам, ребята, своё заводити.
- У нас солоду-то нету, хмелю не бывало.
- У нас солод на овине, хмель-от на точиле.
Точилюшка в землю льется, хмель-от пуще вьется.
- Совыкайся, совыкайся, молодец с девицей,
Совыканье было тайно, расставанье явно.
Совыкаюся годочек - расстаюсь часочек

(с. В. Мошево, зап. от А.П. Гилевой).

Был я у Яна...

Был я у Яна, да был я у Яны,
Сыновья у их буяны,
У их дочери упрямы,
Ой, калина, ой, малина,
У их дочери упрямы.

Они в город-то идут, высоко себя ведут,
А из городу идут, да алы ленты разнесут,
Ой, калина, ой, малина.
Девка пряла, девка пряла, у ё пряжа не явится.
У ё пряжа не явится, веретно из рук валится.
Веретно из рук валится, красота с лица менится,
Ой, калина, ой, малина.
Скатала моток да на свой локоток.
Она выткала холстище с коровье хвостище.
У ё из трех-ту аршин да был дубас без морщин,
Ой, ты, калина, ой, ты, малина.
Из пяти аршин дубас - да это вылюдье у нас.
У Ефима на сарае киснет пиво в сарафане.
Пиво встанет, пиво ляжет, пиво голову протянет.
Пиво встанет да пиво ляжет, пиво голову протянет,
Ноги на стену сдерет.
Взяла Настя туесок да побежала по квасок.
Принесла Настя Кириллу, его тётку потурила.
Тётка пала с ног да как овсяной сноп.
Испекла Настя пирог, она положила вперед.
Села Настя в сани, гостите, бабы, сами.
И поехала с котом, встречалася с попом.
Это вто́ра хлопота - чуть не смяла я попа.
Вот пошла наша Варвара во чисто поле гулять,
Во чисто поле гулять да ярового хлеба жать.
Перву горсточку нажала, ко сердячику прижала.
А другую-ту нажала - оглянулася назадь.
Оглянулася назадь, по меже идет казак.
По меже идет казак, да он башмачки несет.
- Ишо, наша-то Варвара, ты башмачки надевай.
Перву ноженьку обула - выше пупу подоткнула,
А вторую-ту обула - выше титек подняла

(д. Толстик).

Это что у нас за шум да учудился

Это что у нас за шум да учудился,
То комар-от на мухе пожанился.
Он и взял себе да жонку не хозяйку,
Не умеет шити, мыти, поварити.
Полетел-то комар да в лесочек,
Ишо сел-то комар да на дубочек,
Он и взвисил свои ножки на пенёчек.
Поднялась тамока да шуря-буря,
Комара с дуба сдуло.
Ехал тою дорожною полковник:
- Попытаем, что лежит да за покойник?
А это мухи-зеленухи сплюбовник.

(д. Толстик, зап. от А.А. Брагиной).

Пошли девки на работу

Пошли девки на работу,
На работу, кума, на работу.
На работе припотели,
Припотели, кума, припотели.
Покупаться захотели,
Захотели, кума, захотели.
Сняли девицы рубашки,
Эх, рубашки, кума, рубашонки.
В ту пору да вор Игнашка
Забрал девичьи рубашки.
Эх, рубашки, кума, рубашонки.
Одна девка посмелее
Побежала за Игнашкой,
За Игнашкой, кума, за Игнашкой.
- Отдай девичьи рубашки,
Эх, рубашки, кума, рубашонки.
- Ты, девчина, постыдися,
Постыдися, кума, постыдися.
Ты прикрой свою миронью,
Эх, миронью, кума, эх, миронью,

Своей правою ладонью,
Эх, ладонью, кума, эх, ладонью.
(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

На горе стоит избушка

На горе стоит избушка, вся обмазана глинушкой,
В землю выросла.
Как из этой избушки выходили все девушки,
Тайны девушки.
У первой носу нету, у второй затылок бретый,
Третья без косы.
У четвертой платье длинно, а у пятой плечи видно,
Шестая босиком.
А седьмая-то милая - кралечка моя.
Нос у ей утиный, три аршина с половиной,
Вот какой большой.
А ещё тому добавка - три аршина бородавка,
Это для красы.
- Дядя Еремей, уж ты, дядя Еремей.
Из избы девка выходит, алы цветики выносит,
Дядя Еремей, уж ты, дядя Еремей.
- Уж ты, Таня, не Параня, у тя ноги-те не пара,
У тя ноги-те не пара, хоть и пьяна не была.

(с. Касиб).

Вчера вечером Ванюха приходил

Вчера вечером Ванюха приходил,
Полну пазуху паренки приносил.
Не суседиха-то пир завела,
Завела пир тараканья жена.
Тараканы в барабаны, все клопы-блохи насвистывали.
Вот на что меня мать родила,
Вот такую большеглазую,
Вот такую незадачливую.
Не умела в церковь ходить,
В церковь ходить, Богу кланяться.

Весь народ удивляется, а пономарь-от - последняя тварь.
Он замуж меня сватался, решето мне просвинок посулил.
Мне просвиночки-то хочется, а за его замуж не хочется.
- А я, батюшка, просвиночку возьму,
А за тебя я замуж не пойду.

(д. Попова-Останина, зап. от А.И. Москалевой. «Песня плясовая девичья, поет кто как умеет - кто на смех, кто на грех»).

Песня про мяконьки

Вяткинская бабенка принесла муки в зобенке,
Растворила - ничего, поставила во чело.
Квашня кисла, не выкисла,
На четвертую неделю стала пениться,
Со печки двинуться.
Я на пятую неделю стала мяконьки катать,
Под лавочкой валять.
Все под лавочкой валяла, на пороге загибала,
На телеге в печь катала,
Три лопаты изломала,
А четвертую клюку изогнула, как дугу.
Склала мяконьки в коробок,
Поехала в городок.
Никто мяконьки не купит, никто даром не берет.
Пришла грязная свинья, пакостливая была.
Она хлеба не купила, только мяконьки разрыла,
Только цену обложила.
По копейке каравай, куда хошь его девай.

(с. Половодово).

• ПЕСНИ СЕМЕЙНЫЕ И ЛЮБОВНЫЕ •

Понапрасну, Ваня, ходишь

Понапрасну, Ваня, ходишь, понапрасну ножки мнешь.
Ничего ты, Ваня, не получишь, дурачком домой уйдешь.
Было денег рублей триста, остается рублей пять.
На последнюю пятерку нанял тройку лошадей.
Дал я кучеру на водку, приказал: «Гони скорей».
Коренная рысью, рысью, пристяжная так и рвет,
Сидит Ваня во карете, с горя песенки поет.
Подъезжает Ваня к дому, колокольчик динь-динь-динь.
Выходила мать Ванюши, начала Ваню бранить:
- Ты ответь мне, сын-бродяжка, куды денежки девал.
- Я во карты, во биярды все-то деньги проиграл,
Распроклятая-то дама выманила сто рублей

(с. Половодово, зап. от Ф.П. Каравасовой. Исполнительница указала, что песню «пели за столом по праздникам»).

Сама я розоньку садила

Сама я розоньку садила, сама я буду поливать.
Сама-то я милого любила, сама я буду с ним страдать.
Уехал мой милый, жалко стало, тоска на сердце налегла.
Шутить я, смеяться перестала и слезно плакать начала.
Ой, не ходите девки взамуж, замужем-то каково.
Одна-то бедняжка вышла взамуж, она окружена детьми.
Один-то кричит: «Мамаша, чаю», другой кричит: «Я спать хочу».
А муж-то, злодей, сидит на стуле и просит трубку табаку.
Первого я чаем напоила, второго спать я увела,
Мужу я трубку раскурила и с уваженьем подала.
Подай-ка мне, Сонечка, гитару, я тебе песенку спою.
Я тебе песенку спою же, ой, про женитьбу про свою.
Ох, мне не нужно ваших песен, жаль только девичье лицо

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

На улице дождик

На улице дождик заливной идет, ой, люли, да ой, люли,
Дождик споливает на новые сини, ой, люли, да ой, люли.
Брат-от сестру любит, на коленях держит, ой, люли, да ой, люли.
На коленях держит, на ручках качает, ой, люли, да ой, люли.
Сестра ли, сестрица, вырасти большая, ой, люли, да ой, люли.
Отдадим тебя взамуж, ой, люли, да ой, люли.
Отдадим тебя взамуж во большу деревню, ой, люли, да ой, люли.
Во согласну семью, ко свекру-свекрови, ой, люли, да ой, люли.

(д. Толстик, зап. от А. Брагиной).

Как над речкой, над рекой

Как над речкой, над рекой стоит куст раkitовый.
Как на этом на кусту сидит млад сизой орел.
Во когтях-то держит он черного ворона.
Он и бить его не бьет, все только выпрашивают:
- Где ты, ворон, был, где, сизой, разгуливал?
- А был я, спобывал на крутой-то на горе.
- А че ты, сокол, видел да видал?
- Видел диво дивное, диво дивное, тело мертвое.
А никто к этому телу не приступится.
Приступились к нему три ласточки.
Первая ласточка - то родимая мамонька.
А вторая ласточка - то любимая сестрица,
А третья ласточка - молода жена.
Как быстра река течет,
Так же плачет родима мамонька.
Частый дождичек сечет - то родима сестрица.
Как река падет - так же плачет молода жена.
Красно солнышко взойдет - роса высохнет.
А молода жена замуж уйдет

(д. Оськино, зап. от П.М. Сазоновой).

Кого нету, того пуще жаль

Кого нету, того пуще жаль, да жаль.
Да, ох, уезжает мой милёнок вдаль,
Ох, уезжает, меня покидает,
Ой, да, мил на ласковы слова.
На поминочек оставил
Да со рученьки золотой перстенёк.
Днём на рученьке кольцо носила,
Да к ночи взголовы кольцо клала,
Поутру ранёшенько вставала,
Да, ох, доставала кольцо из взголов.
Доставала Маша, говорила,
Да, ох, умывалась Машенька слезьми:
- Распуховые да вы, мои подушечки, да ох,
Не согрели да вы мою белую грудь.
Распухово да моё одеяльце, да, ох,
Пролежало всю ночь во ногах,
А другое моё шелковое, да, ох,
Потонуло да всё во слезах

(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

Сегодня день, какая скука

Сегодня день, какая скука,
Да пришла с миленьким разлука,
Да разлучает поневоле
Чужая дальняя сторонка,
Да Петроградская дорожка.
Да сколько раз по ей я бывала,
Да сколько слёз я проливала.
Во слезах письмо я писала,
Слугам верным отсылала.
Слуги верные, злодеи,
Да разлучить меня с милым хотели.
Да вы тогда нас разлучайте,
Да когда во гроб меня положат,
Да гробовой доской закроют,
Желтым песком меня засыплют.

Да зарастёт моя могила
Да все травами-муравами,
Да бело-розовым цветами.

(д. Караваево, зап. от А.П. Брезгиной, 1924 г.р.).

На серебряной речке

На серебряной речке, речке, на желтом песочке,
Ой, тут, где был молодой-от, да он искал цветочки.
Ой, он искал, да не мог найти, нет, как не бывало.
Ой, да я услышал в тишине, речка взволновала.
Ой, вся душа-то обмерла, широко раздалася.
Ой, сел я мигом на коня да шевелил уздою.
Ой, дал я шпоры под бока, да бежит конь стрелою.
Да, бежи, мой добрый конь, бежи, торопись.
Ой, против церкви на пути да, конь, остановися.
Я на паперту зашёл, Богу помолился,
Я во божий храм зашел, весь народ толпою,
Вижу, милую мою да водят круг налою.
Ой, да на главах златы венцы да во руках по свечке,
Да на обоих на пальцах да золоты колечки.
Ой, вижу, милая моя да на меня взглянула,
Ох, на меня взглянула да тяжело вздохнула:
- Ой, со мной стоит не муж, да со мной стоит бродяжка,
Ой, будешь, милый, ты счастливый, буду я злосчастна.

(д. Караваево, зап. от А.П. Брезгиной, 1924 г.р.).

Экой мальчик, экой бравой

Экой мальчик, экой бравой, весь ты ласковый такой.
Вложил мысли в мое сердце, не могу дружка забыть.
Я думала, не обманешь, начала крепко любить.
Пустил, пустил худу славу вдоль по улице в конец.
Про то люди все узнали, все соседи говорят.
Позавочь девку ругают и во глаза её срамят.
- Экой мальчик сам собою, ты смеешься надо мной.
Я сповырасту большая - все насмешки отсмею.
У тя тятенька богатый, не позволит бедну брать.
Твоя маменька сердита, не научит меня ткать.

У тя братчики хороши, не будут в гости ходить,
У тя сестрицы гордые стороной будут корить.
(д. Оськино, зап. от П.М. Сазоновой).

Ох, ты, ноченька, ночка темная

Ох, ты, ноченька, ночка темная,
Мне, сиротинушке, не с кем ночку ночевать,
Да не с кем разговаривать.
Нет у меня ни тятеньки, нет у меня ни маменьки,
Нету дружка милого, да нет ни коня, ни седёлышка.
Запрягу ли я своего ворона коня,
И поеду я во зелены луга.
Пущу коня во долину зелену,
Сам я лягу под рябину красную.
Мне, мальчонку, уснуть хочется,
Я не спал уже три ноченьки.
На четвертую-то ноченьку
Меня конь-от разбудил.
Нет, не конь-от, сера утица,
И не утица, красна девица,
Красна девица-душа
(п. Черное, зап. от Т.Ф. Тимофеевой).

Что ты, пташка, приуныла

- Что ты, пташка, приуныла, не слышать твой голосок?
- Я иного полюбила, я злодея своего.
Ты, злодей ли мой мучитель, за что мучаешь меня?
- Я за то тебя тираню, что со мной долго жила.
- Я жила с тобой два года, а с мамашей двадцать лет,
Не знавала такой скуки, как с тобою, подлецом.
Сядь-ко, сядь, мой голубочек, сядь на правое плечо.
Сядь на право, сядь на лево, взглянь на белое лицо.
Мое личико беленько, завсегда оно горит.
Моя маменька родная завсегда меня бранит.
Не брани меня, мамаша, раз судьба моя така
(п. Черное, зап. от А.Е. Сивковой, 1908 г.р.).

Сызмалёшенька я жила

Сызмалёшенька я жила
Да не слушала ни мать, ни отца.
Ох, и не любила да холосту дрянь-молодёжь.
Ой, да полюбила женатого бравого.
Ой, да у женатого жена-то зубатая.
Ой, да где мы сойдем, со ей соймёмся.
При моём брате, ой, да наложницей была.
- Ой, да наложница моя, ой, да разлучила меня,
С молодым мужем меня.
Ой, да не дала мне во совете с мужем жить.
Ой, да не дала мне тёпло гнёздышко совить.
Ой, не дала мне малых детонек поднять.

(с. Половодово, зап. от А.П. Брезгиной, 1924 г.р.).

Уродилась я в поле, как былинка

Уродилась я в поле, как былинка,
Моя молодость прошла, ох, и у чужих в неволе.
До семнадцати лет по людям ходила,
Где качала я дитя, ох, и где коров доила.
Подоивши я коров, молочко цедила.
Процедивши молоко, ох, и я дитё кормила.
Накормивши я дитё, спать я уложила.
Уложила я дитё, ох, и с милым укатила.
Пойду с горя в монастырь, Богу помолюся,
Пред иконою святой я слезой зальюся.
Ох, и не спошлёт ли мне Господь доли той счастливой,
Ох, и не полюбит ли меня молодец красивый.
Разбедным-то я бедна, плохо я одета,
Никто замуж не берёт девушку за это.
У волчицы есть дитё, есть дитё у птицы,
У одной лишь у меня никого на свете.

(г. Соликамск, зап. от М.К. Неустроевой, 1916 г.р.).

При лунной ноченьке осенней

При лунной ноченьке осенней
Скрывался месяц над рекой.
Пришла красавица слезой:
- Встань-ко, встань-ко, мой друг любезный,
Мне стало скучно без тебя.
Пришла красавица слезой,
Своими нежными руками она могилу обняла,
Своими русыми волосами она могилу устлала,
Своим тонким голосочком будила милого дружка:
- Встань-ко, встань-ко, мой друг любезный,
Мне стало скучно без тебя.
Вдруг могила задрожала, из гроба голос раздался:
- Уйди, уйди ты, негодяйка, дай-ка молодцу покой.
Вдруг красotka испугалась, от могилы отошла.
Зачем, зачем было влюбляться, зачем, зачем кольцо дарить,
А лучше б было повенчаться и вечно друг друга любить

(д. Белкина).

Ай, вспомни, милка дорогая

- Ай, вспомни, милка дорогая,
Как начинали мы гулять,
К тебе ходил - весёлу видел,
Одну лишь стал тебя любить.
Шёл в деревню - было тихо,
Она сидела у окна,
Сидит, сидит и горько плачет:
- Пусти, мамаша, погулять,
Сегодня мой приедет милый,
Его мне надо увидеть.
- Иди, иди, дочка, ненадолго,
А то не выйду открывать.
Вышла дочка на крылечко,
Слышит, миленький идёт,
Редко редкими шагает,
Тихонько песенки поёт.
Мил заходит на крылечко,

Со мной заводит разговор:
- Довольно, милка, погуляли,
Теперь кончаем мы любовь,
Отец и мать велят жениться,
Не доверяют тебя брать,
Разрешите, дорогая,
Последний раз поцеловать.
- Иди, иди ты, мой изменник,
Иди, не смейся надо мной.

(д. Белкина).

В зеленом садике гуляла

В зеленом садике гуляла,
Цветочки алые рвала.
Лет семнадцать миновало,
Я полюбила старика.
Старик высокий, чернобровый,
А я, как розочка, цвела,
Старик дарил мне подарки,
Дарил кольцо, дарил браслет,
А я, как глупая девчонка,
Его подарочки брала.
Три года мы с им гуляли,
Не знала мать, не знал отец.
Отец узнал - из дому выгнал,
А мать навеки прокляла.
Пошла по той же я тропинке
И увидала старика.
Ему я пала на колени:
- Теперь я навеки твоя!
- Ведь ты сама про это знала,
Что я старик, а ты дитя.
Старик толкнул меня ногою:
- Иди ты к чёрту от меня,
Ведь ты сама про это знала,
Что я старик, а ты дитя.
Пошла по той же я тропинке,

Котора к линии вела.
Вот мчится, мчится быстрый поезд,
А я на линии легла.
Вот и жизнь моя пропала
Из-за измены старика.

(д. Сорвино, зап. от А.П. Логиновой, 1932 г.р., Е.А. Петуховой, 1931 г.р.).

В одном прекрасном месте на берегу реки

В одном прекрасном месте на берегу реки
Стоял красивый домик, в нём жили рыбаки.
Рыбак с женой рыбачкой рыбачили всегда.
У них было три сына, красавцы хоть куда.
Один любил ткачиху, другой любил княжну,
А третий молодую охотника жену.
Вот раз пошёл охотник в лес уток пострелять,
Навстречу шла цыганка, решил судьбу узнать.
Цыганка молодая умела ворожить,
Раскинула всё карты, боится говорить:
- Жена твоя неверна, целует рыбака,
Охотнику младому смерть присуждена.
Охотник пошатнулся, цыганке заплатил,
Он тропочкой знакомой назад поворотил.
Подходит близко к дому и видит у окна,
Жена его неверная в объятьях рыбака.
И вот раздался выстрел, рыбак молодой упал,
Блеснул тут острый ножик и в грудь жены попал.
И вот жена упала на тело рыбака,
И тихо прошептала: «Как рана глубока»

(с. Касиб, зап. от А.С. Чекотиной, 1930 г.р.).

Я встретил розу

Я встретил розу, она цвела
И ароматом была полна.
Я эту розу сорвать готов,
Но побоялся её шипов.
Сорвали розу, помяли цвет.
А этой Розе семнадцать лет.
- Ой, Роза, Роза, - я закричал, -
Зачем тогда я Вас не сорвал?
Я побоялся твоих шипов,
Теперь ты, Роза, в руках других.
Ай, парни, парни, мой вам совет:
Не рвите розы в семнадцать лет.
Розы прекрасны, розы нежны,
И эти розы нам всем нужны.

(г. Соликамск, зап. от Н.И. Умецкой, 1933 г.р.).

Где эти лунные ночи

Где эти лунные ночи, где это пел соловей,
Где эти карие очи, кто их ласкает теперь?
Бывало, весенней порою выйду я в сад погулять,
Но уж, конечно, не скрою, буду я милого ждать.
Жду я его не дождуся, видно, не любит меня,
Видно, он любит другую, ой, как несчастлива я.
Слышу, шаги раздаются, верно, мой милый идёт,
Я, как плетень, обовьюся и расцелую его.
Тут уж пойдут разговоры, тут уж пойдёт болтовня,
Вспомнятся прежние ссоры, ссоры те были шутя.
Годы пройдут за годами, складки покроют лицо,
Я хоть умоюсь слезами, но не забуду его.

(с. Половодово, зап. от И.А. Якимовой).

Знать, пора нам с тобою расстаться

Знать, пора нам с тобою расстаться,
Позабыть, позабыть мне тебя,
Все часы и минуты считаю,
Долго жду, я сижу у окна.

Пойду, выйду на ту я скамейку,
Где сидели мы раньше вдвоём.
Прихожу и сижу я с тоскою,
Со слезами я вспомню тебя.
Все подруги меня замечают,
Почему ты сегодня одна?
Растеряюсь, не дам им ответа,
И заплачу, домой уйду.
Прихожу я домой не на радость
Начинает ругать меня мать:
- Брось ты выть, брось дурную заботу,
И послушай родимую мать.
Ты худая и бледная стала,
Люди все про тебя говорят.
- Хоть убей ты меня, мать родная,
Хоть живую положь меня в гроб,
Больше видеть и слышать не буду,
Когда кончится с милым любовь.

(г. Соликамск, зап. от А.Я. Поповой, 1903 г.р.).

Мой любимый был застенчив

Мой любимый был застенчив, о любви не говорил
И при каждой нашей встрече по ромашке мне дарил.
Я страдала, я вздыхала и нередко в час ночной
На ромашке той гадала, приходя к себе домой.
И тайком, а не на людях, выходило каждый раз,
Что одну лишь любит, любит.
И надеждой той согретой лишь жила душа моя,
Я поверила в приметы и любви открылась я.
Как-то раз мы с ним гуляли за околицей вдвоём,
Всё ему я рассказала о гадании своём.
Он, улыбки не скрывая, мне смущенно прошептал:
- Я, ромашки собирая, лепестки на ней считал.

(г. Соликамск).

• ПЕСНИ ТЮРЕМНЫЕ •

О Ланцове

Звенит звонок насчет поверки:
Ланцов задумал убежать.
Не стал зари он дожидаться,
Проворно печку стал ломать.
Сломал он печку и заслонку,
Тихонько камешки скидал.
В трубу он тесную пробрался
На тот высокий на чердак.
По чердаку он долго шлялся,
Себе веревочку искал.
Нашел веревку тонку, длинну,
К трубе тюремной привязал.
Перекрестился, стал спускаться,
Его заметил часовой.
Ох, часовой парень не промах,
На вольный воздух выстрел дал.
В казарме сделалась тревога -
Ланцов из замка убежал.
Бежал большим сибирским трактом
И повернул направо в лес.
По лесу долго он шатался,
Чего он пил, чего он ел?
С травы рососою умывался,
Молился Богу на восток.
С публичной барышней спознался,
Ланцов опять попал в острог.

(д. Тетерина, зап. от Е.А. Белкиной).

Солнце всходит и заходит

Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно,
Днем и ночью часовые стерегут мое окно.
Как хотите, стерегите, я и так не убегу.
Мне и хочется на волю, цепь порвать я не могу.
Эх, вы, цепи, мои цепи, вы железны сторожа,
Ни порвать вас, ни порезать без напильного ножа.
Во тюрьме сидел четыре года, пятый вздумал убежать.
Нашел товарища родного и стал решетку с ним ломать.
Сломал решетку, вниз спустился, за нами выстрел раздался.
- Прощай, камера сырая, прощай, длинный коридор,
Прощай, тюремный ты начальник и ты, растяпа-часовой.
Нашел девчонку там одну я и всю ей правду рассказал,
А та девчонка разболтала, и снова я в тюрьму попал:
- Здравствуй, камера сырая, здравствуй, длинный коридор,
Здравствуй, тюремный ты начальник, и ты, растяпа-часовой.
(с. Половодово, зап. от Е.А. Пермяковой, 1927 г.р.).

Пред мной луною озарился

Пред мной луною озарился старый кладбищенский двор,
И над могилою сырою плакал молоденький вор:
- Милая, милая мама, зачем ты так рано ушла?
Свет белый покинула рано, отца-подлеца ты нашла.
Живёт он в хорошеньком доме, с другою семьёй прокурор,
Осудит людей по закону, не знает, что сын его вор.
Вот на скамье подсудимых наш маленький мальчик сидит
И голубыми глазами на прокурора глядит.
Окончилась речь прокурора, тут смертнику слово дано:
- Судите вы граждан, судите, на это вам право дано.
Раздался коротенький выстрел, на землю наш мальчик упал,
И голубыми глазами отца-подлеца он проклял.
- Маленький мальчик, ты, мальчик, зачем ты так рано пропал?
Сказал бы ты это мне раньше, и я бы тебя оправдал.
Бледной луной озарился старый кладбищенский двор,
И над могилой двойною повесился сам прокурор
(г. Соликамск, зап. от Н.И. Умецкой, 1933 г.р.).

Голова ты моя удалая

Голова ты моя удалая, до чего ты меня довела.

С малых лет я с тюрьмой спознался

Да всю тюремную жизнь испытал,

Похоронят меня кое-как,

И родные про то не узнают,

Да не поплачет родимая мать

Там на той на горе на высокой,

Да стоял деревянный мой крест,

Да все малые пташки,

Ох, не жалобну песенку пели

Над моим деревянным крестом.

Они пели, они говорили:

- Ешшо кто тут несчастной лежит.

(д. Караваево, зап. от Л.П. Брезгиной, 1924 г.р.).

• «ЖЕСТОКИЕ» ПЕСНИ •

Ты вспомни комнатку уютну

Ты вспомни комнатку уютну, где сидели мы раньше вдвоем.
Тебя я в губки целовала и называла «милый мой»
Ты обещал венец и славу и, как ребенка, вдаль манил.
Увлёк-увлёк ты для забавы, а сам другую полюбил.
Уехал ты в страну чужую, оставил ты меня одну.
Одну ты счастьем одеяешь, другую счастьем ты даришь.
Богачка золотом займётся и все забудет про тебя.
Но если в жизни так случится, меня уж нет, и я мертва.
И скоро-скоро, друг мой милый, венок терновенький сплетут.
И скоро-скоро гроб дубовый со мной на кладбище снесут.
Моя терновая могилка травой зеленой зарастет.
Кого я в жизни так любила, к моей могилке не придёт.
(с. Н. Мошево, зап. от Т.Д. Ветчаниновой, 1904 г.р.).

Любила меня мать уважала

Любила меня мать уважала, что я ненаглядная дочь.
Я с миленьким в лес убежала в осеннюю темную ночь.
Бежала я лесом дремучим, бежала я рождю густой.
Беглянская жизнь надоела, я вспомнила родную мать,
Я вспомнила рощу зелёну, я вспомнила свет голубой,
Я вспомнила милого речи, зальюся горячей слезой.
Подруга к подруге ходила, подруга отраву дала.
Отрава моя недорогая, всего она стоит пятак.
Куплю я коробочку спичек и выпью отраву до дна.
(с. Половодово, зап. от А.Г. Репиной, 1923 г.р.).

На что я на свет родилася

На что я на свет родилася, на что меня мать родила.
Лучше б в море меня утопила, чем сиротскую жизнь испытать.
Лежу я в сиротской постели, вспоминаю родимую мать.
Слезы капаят так не по правой, не по правой моей по щеке.
Скоро-скоро меня здесь не будет, скоро-скоро, я скоро помру.
Гроб сколотят из старого теса и наденут сиротский халат.
Никто обо мне не заплачет: ни отец, ни родимая мать.
Только вольные пташки слетятся на сырую могилу мою,
Пропоеют они громкую песню про несчастную жизнь про мою
(с. В. Мошево, зап. от А.П. Гилевой).

Послушайте, товарищи, сейчас вам пропою

Послушайте, товарищи, сейчас вам пропою
Про Манино гуляние, про Лёнину гульбу.
На Лёнино гуляние Маруся не пришла,
Знать, тайная товарочка за нею не зашла.
Идёт Лёня по улице, а пыль ему в лицо,
А в это время Манечка спешила на крыльцо:
- Лёня, Лёня, Лёничка, зачем ты меня звал?
- Зарежу за измену, - так он ей сказал.
- Я не изменила, а изменил ты мне,
А если ты зарежешь, сидеть будешь в тюрьме.
- Если я зарежу, то я буду знать,
Из-за чего мальчишка в тюрьме будет страдать.
Левой же ручонкой он Маню обнимал,
В правой же ручонке кинжалец засверкал.
- Манечку зарежут, - вдруг голос простонал.
Подруга закричала:
- Давайте лошадей,
Повезёмте Маню в больницу поскорей.
Привезли в больницу, клали на кровать,
Доктора с сестрицей старались жизнь спасать.
- Спасайте, не спасайте, мне жизнь недорого,
Я милого любила, такого подлеца
(д. Марыгино, зап. от А.К. Антипиной, 1921 г.р.).

Зачем я вас полюбила

Зачем я вас полюбила и душу я вам отдала?
На свете я все позабыла, а счастье своё не нашла.
Отдай, отдай, милый счастье, которое взял у меня.
Сорвал ты меня, как цветочек, сам бросил, ногами стоптал.
Зачем же ты топчешь ногами безвинную душу мою,
Да будь же ты проклят словами, злодей, за измену свою.
Сегодня у нас воскресенье, милый ко мне не пришёл.
А завтра у нас понедельник, меня повезут хоронять.
Заройте, заройте могилу, поставьте на ней белый крест,
Проедет мой милый с гостина и будет прощенья просить.
Поздно, уж поздно, мой милый, поздно прощенья просить,
Не надо, не надо, мой милый, не надо другую любить
(д. Марыгино, зап. от А.К. Антипиной, 1921 г.р.).

Шарова Леночка

Споёмте, девушки, споём припевочку
Про несчастную Шарову Леночку.
Сперва споём про то, как влюблялися,
А потом споём, как расставалися.
А влюблялися на горе крутой,
Расставалися под сосной густой.
На горе стоял тын берёзовый,
Гуляла Леночка в кофте розовой.
Гуляла Леночка, прифасонилась,
Через года она опозорилась.
Ой, позор, позор, ой, какой, какой,
Ходила Леночка по горе крутой.
Ехал Лёничка, взял корзиночку,
Через год она родила Зиночку.
Глазки чёрненьки, как у Лёнички,
Стыдно стало тут Шаровой Леночке.
Стыдно стало ей, она заплакала,
Взяла девочку, в сарай запрятала.
Взяла лопаточку, вырыла ямочку,
Взяла корзиночку, зарыла Зиночку.
Приехал Лёничка, спросил про Леночку,

Ему ответили: сидит за девочку.
Подошёл к дверям, дверь железная,
Шарова Леночка сидит любезная.
Подошёл к дверям, дверь холодная,
Шарова Леночка сидит голодная.
На столе стоит каша манная,
Ой, любовь, любовь, ты обманная.

(д. Марыгино, зап. от А.К. Антипиной, 1921 г.р.).

Как на главном Варшавском вокзале

Как на главном Варшавском вокзале
Станционный смотритель прошёл,
А на лавке под серой шинелью,
Призадумав, сидел офицер.
Перед ним вся в слезах на коленях
Стоит дева краса и млада.
Её глазки слезами налились,
По плечам распустилась коса.
- Ты останься, останься, мой милый,
Пожалей хоть немного меня,
Вспомни прежние наши свиданья,
Говорил, что ты будешь любить.
А теперь что стало с тобою,
Ты совсем на меня не глядишь,
Полюбил уж ты, верно, другую,
Что-то злое на сердце таишь.
- Верю, верю тебе, дорогая,
Что по-прежнему любишь меня,
Но ведь должен я слушать начальство,
В полк явиться я должен чрез час.
Вот и поезд к вокзалу подходит,
Все поспешно в вагоны вошли,
Но в вагоне ему не сидится,
Очень жаль ему девы красы.
Со слезами в глазах вспоминает,
Как бедняжка любила его.

- Обманул я её так жестоко,
Так погибну же вместе я с ней.
На платформе народ взбунтовался,
И начальник ходил сам не свой,
Его дочь за любовь, за измену
Под машину легла головой.
Через час в том же самом вагоне
Мёртвый труп офицера нашли.
И погибла тут жизнь молодая
Из-за этой несчастной любви.

(г. Соликамск, зап. от А.Я. Поповой, 1903 г.р.).

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

• Б

Ба́лька - овца.

Благословёсь - благословясь.

Большу́ха - старшая невестка в семье.

Боярка - меховой женский головной убор.

Бра́во - красиво.

Бра́вый - хороший.

Бра́жница - емкость для браги.

Братáн - двоюродный брат.

Бряка - колотушка.

Бу́де - частица, используется в значении «разве что», «или».

• В

Ве́рбно - Вербное воскресенье.

Веща́льный праздник то же что *обетный* - праздник с молебном, с выносом икон.

Взвоз - помост для подъема на сеновал на лошади с возом.

Воссиять - сверкать (о молнии).

Враг - черт.

Выга́ркивать - выкрикивать.

Выто́е - момент свадьбы, когда невеста с плачами прощалась с девичеством.

• Г

Годи́ны - поминки в год со дня смерти.

Гостино - гощение.

Гнус - грызуны (мыши, крысы).

Годова́лая (ночь) - длинная ночь в ноябре-декабре.

Гранча́тый - граненый, с гранями.

Гу́нька - верхняя одежда.

• Д

Дивья - удивительно.

Дубле́на - дубленая шуба.

• Е

Еми́нь (в сочетании *три еминь*) - аминь.

Ёство - блюдо.

• Ж

Жевако́тина - нажеванное.

• З

Завеча́ть - загадывать.

За́гонье - заговенье.

Западня - помост над входом в подполье у печи.

Запу́ки - суеверия.

Засвеча́ть - зажигать освещение.

Заурчи́ть - заурчать.

Зверёзый (год) - урожайный на зверя.

Зе́нуть - сглазить, причинить, наслать порчу.

Зе́пнуть - сглазить; то же что зенуть.

Золо́ - зола.

• И

Има́ть - ловить.

Ино́ - союз, близкий по значению союзу «или».

• К

Кади́рь - кадильница.

Кадрі́лка - кадрили.

Камчу́к - болезнь в виде нарывов, опухолей.

Карна́тка обычно - название плетеных из корней сосудов для сыпучих продуктов; здесь: емкость для напитков.

Като́к - приспособление для катания с горок в виде подбитой железом доски.

Кова́шки - санки, полозья которых обтянуты железом.

Ко́жа - шкура животного.

Коку́рка - женская прическа с собиранием волос в пучок.

Коло́дбище - падучая болезнь.

Кон - место сбора молодежи на праздник.

Ко́пта - кофта.

Коренной - основной.

Корзина - плетенный из виц верх легкой повозки.

Кориться - подчиняться.

Кóчи - небольшие санки.

Красная болезнь - оспа.

Кра́сота - лента, используемая невестой как символ девичества.

Кудри - свадебное печенье.

Кулики́ - шаньги из пресного теста.

Ку́ть - кухня.

• Л

Лену́ть - налить.

Леуха́ - левая сторона.

Леша́каться - ругаться, упоминая нечистую силу.

Ли́шко - много.

Лони́сь - в прошлом году.

• М

Майдáнка - место сбора молодежи для совместных увеселений.

Ма́тница - матица, поперечная балка в крестьянском доме.

Мо́лосное - скромное.

Мяко́ньки - булочки.

Мясоё́ды - мясоед, время после Крещения до Масленицы.

• Н

Нада́тить - посоветовать.

Нале́вник - наливная шаньга.

Нару́шник - хлеб, испеченный на сочне.

Натака́ть - посоветовать.

Наха́йкивать - прикрикивать.

Нача́ть - ожидать, ждать, надеясь.

Наши́алкивать - пощелкивать.

• О

Обжа́нно - праздник в честь окончания уборки хлебов.

Обрядова́ть - справлять обряды.

Огла́за - сглаз.

Одо́уше - затрудненное дыхание.

О́хнуться - испугаться.

• П

Па́ра - юбка с кофтой как женский наряд.

Па́ужинать - принимать полдник (обед в поле).

Па́ужна - обед в поле.

Переме́киваться - переворачиваться.

Писко́тка - писк.

Пи́стерная (лошадь) - пристяжная.

Пли́шка - незрелый стручок гороха.

Пови́ть - чердак у надворного строения.

Пови́тник - высокий настил для въезда с сеном на поветь.

Под - основание для льда на масленичной горке.

Подла́вича - место под лавкой.

Подша́льник, подша́лок - платок-полушалок.

Пожня, поженка - луг, место сенокоса, обычно у реки, а также паровое, поросшее травой поле.

Покро́мочек - поясок.

Поли́шка - лепешка.

Поло́зница - след, выбоина в снегу от полоза.

Полу́дновать - есть полдник.

Помо́рговать - побрезговать.

По́мочь - совместное выполнение хозяйственных работ.

Пони́ток - верхняя одежда из ткани, сотканной из льняной и шерстяной нити.

Понови́ть - обновить.

Пону́жать - притеснять.

Попусти́ться - перестать.

Посажё́ный (гость) - почетный.

Посиде́нок - вечер во время невестиных девишников.

Приставля́ться - притворяться.

Продо́льная лавка - поставленная вдоль половиц (иначе женская).

Проско́к (в сочетании на проскок) - озорство.

Про́стенъ - наряденное на веретено.

Пучегла́зник - соглядатай на свадьбе.

• Р

Ремкі - рваная одежда.

Ростáнь - перекресток дорог на выезде из деревни.

Рукобѣть - исполнять обряд рукобитья.

Рукотѣрник - полотенце.

• С

Сбарабáнить - раздуть, разнести (о мягких тканях).

Сбóрник - головной убор замужней женщины в виде чепца.

Сватовья - сваты.

Светильня - светец для лучины.

Семѣйцы - члены семьи.

Сестрянка - двоюродная сестра.

Скачки - санки.

Слешовáть - отправить во власть лешего.

Слиянка - особый напиток на свадьбе из слитых вместе напитков от родственников жениха и невесты.

Смотрѣльщица - согладатай на свадьбе.

Смыкнуть - догадаться.

Спобастя - красивее.

Сукмáнка - ткань сукно и одежда из нее.

Сумѣрничать - сидеть вечером в доме, не зажигая света.

Схóдбище - сбор.

• Т

Та́бор - приспособление из досок для коллективного катания с масленичных горок.

Тамока́ - там.

Таратóнить - бить с шумом.

Твону́шка - интимная часть тела.

Тельні́к - пояс.

Тожно́ - теперь.

Тыні́на - тонкая жердь из тына.

Тыно́вник - тын.

• У

Убру́шны - участники обручения.

Уновод - небольшой промежуток времени.

Уро́ки-прико́ки - порча, колдовство.

Уско́тье - пропавший скот.

• Ф

Фа́сное (полотенце) - вероятно, вышитое или браное.

• Х

Хво́рост - печенье.

Хле́бины (хли́бины) - приезд недавно вступивших в брак в гости к родителям невесты.

Хле́бно - в достатке.

Христóсоваться - приветствовать друг друга в Пасху.

Хрястать - с силой бить, хлестать.

• Ч

Ча́вка - нажеванное.

Челпа́н - каравай.

Четверо́жная (соль) - приготовленная на Великий четверг.

• Ш

Шабарку́н - вид шаровидной подвески на конской сбруе для звона.

Шами́ура - чепец замужней женщины.

Ши́вик (от *вишивик*) - маленький, подросток.

Шули́кин (шуликан, шувыкын) - один из календарных (святочных) духов, а также персонаж святочного ряжения.

• Я

Яру́шничек - каравай.

Яшневый - из ячневой муки.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИНФОРМАТОРОВ

Ниже приведены фамилии основных информаторов, жителей сел и деревень Соликамского района, беседы с которыми стали основой для настоящего издания. В силу разных причин у составителей не было возможности назвать в книге поименно всех, с кем мы общались, всех, чьи воспоминания хранятся в архивах, однако мы считаем своим долгом с благодарностью вспомнить и назвать своих основных «соавторов» (многих из них, к сожалению, уже нет в живых). Некоторые фамилии и имена упоминаются в книге очень часто - так, исключительный по своему богатству песенный материал получен нами от А.А. Брагиной из д. Толстик, от Ф.П. Караваемой из с. Половодово, А.С. Арестовой из д. Ескина, устные рассказы о местных обычаях и верованиях записаны от замечательных сказительниц Л.И. Пантелеевой из д. Зуева, Н.П. Пантелеевой из с. Вильва, А.С. Корпенко из д. Лызиб.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали также Григоренко Л.Г., 1958 г.р., Першина М.Г., 1919 г.р., Петухова С.А., **п. Бараново**; Пегушина В.М., 1929 г.р., Пегушин Н.Ф., 1930 г.р., Криштель С.В., 1941 г.р., Сидорова П.И., 1924 г.р., **д. Бельская**; Шерстобитова Н.Д., 1923 г.р., **д. Бугаево**; Пегушина Е.Е., 1912 г.р., **д. Вавилова**; Гилева А. П., **с. Верхнее Мошево**; Баранова П.В., 1918 г.р., Баяндина Е.Я., 1913 г.р., Волегова В.В., 1944 г.р., Габова Н.В., 1928 г.р., Мальцева А.Н., Мичкова М.М., 1928 г.р., Пантелеева М.А., 1935 г.р., Пантелеева М.П., 1925 г.р., Ситникова Т.И., Ушакова М.А., 1931 г.р., Федурин А.М., 1920 г.р., **с. Вильва**; Неклюдова М.А., 1914 г.р., **д. Володино**; Арестова А. С., 1902 г.р., **д. Ескина**; Белкина А.В., 1922 г.р., родом из **д. Тетерина**; Богоченкова М.А., 1921 г.р., Попова Е.И., 1915 г.р., родом из **д. Бакалдиha**; Прибыткова А.В., 1914 г.р., **с. Городище**; Смольникова А.Н., 1926 г.р., **п. Затон**; Пантелеева Л.И. 1928 г.р., родом из **Пегушинского промколхоза, д. Зуева**; Брезгина А.П., 1924 г.р., **д. Караваемо**; Ярогина П.С., 1925 г.р., род. в **д. Конахино**, Баханова А.С., 1930 г.р., родом из **д. Уловки**, Егорова З.Н., 1931 г.р., родом из **д. Зуева**, Жуланова А.И., 1924 г.р., родом из **д. Мысы**, Пантелеева А.Е. 1928 г.р., Пантелеева А.Ф., Ромодина Т.Д. 1919 г.р., Чекотина А.С., 1930 г.р., родом из **д. Конопьево**, Черноусова З.К., 1932 г.р., Чистогова Н.С. 1931 г.р., родом из **д. Лызиб**, Шибанова К.А., 1926 г.р., родом из **д. Дубы**, Попова А.С., 1914 г.р., Рызаева П.И., 1935 г.р., Чекотин К.С., 1927 г.р., Чистогова А.И., 1909 г.р., Чистогова Н.С., 1931 г.р., Журавлева М.К., 1935 г.р., Журавлев В.А., 1934 г.р., родом

из д. **Дубы**, Гостюхина Т.А., 1959 г.р., с. **Касиб**; Макарова М.Д., 1907 г.р., д. **Косинка**; Ромодина А.М., 1923 г.р., д. **Левина**; Жданкова А.Г., 1924 г.р., Корпенко А.С., 1927 г.р., Мальцева Е.Д., 1932 г.р., родом из **Косогора**, Чекотина А.С., 1932 г.р., родом из д. **Мыс**, Чекотина Е.Ф., 1926 г.р.; Пантелеева А.А., 1923 г.р., Чистогов Н.Ф., 1938 г.р., Попова Т.П., 1903 г.р., родом из д. **Малая Вильва**, Чекотина А.И., 1936 г.р., родом из д. **Ларьково**, Москвина П.Е., 1906 г.р., Белкина А.Г., 1926 г.р., д. **Лызиб**; Антипина А.К., 1921 г.р., д. **Марыгино**; Ветчанинова Т.Д., 1904 г.р., с. **Нижнее Мошево**; Пантелеев В.Г., 1924 г.р., д. **Никино**; Пантелеева М.М., 1910 г.р., д. **Павино**; Кибанова А.А., 1918 г.р., д. **Пальники**; Шерстобитова М.Ф., 1907 г.р., родом из д. **Борисово**, Аристова А.С., 1902 г.р., родом из д. **Ескина**, Аристова А.Г., Лаврова А.И., 1920 г.р., Мазунина М.М., 1921 г.р., родом из д. **Санниково**, Макарова М.Д., 1907 г.р., Мальцева М.И., 1912 г.р., родом из д. **Харино**, Олейникова Е.Н., 1926 г.р., родом из д. **Рубцово**, Шерстобитов Н.Д., 1923 г.р., Репина А.Г., 1923 г.р., Якимова И.А., 1928 г.р., Мальцева А.Д., Караваева Ф.П., Брезгина А.П., 1924 г.р., Антипина А.К., 1923 г.р., Жданова М.И., Марзинская А.К., 1921 г.р., Хохлова А.П., 1923 г.р., Головнова И.В., 1927 г.р., Пермякова Е.А., 1927 г.р., с. **Половодово**; Москалева П.С., 1912 г.р., д. **Попова-Останина**; Сазонова П.М., д. **Оськино**; Клочихина А.В., 1904 г.р., д. **Рогали**; Черноусова А.В., 1928 г.р., д. **Самодуры**; Санникова Т.И., 1912 г.р., д. **Санниково**; Пачина А.И., 1907 г.р., Попова А.Я., 1903 г.р., Неустроева М.К., 1916 г.р., Санникова М.Г., 1910 г.р., Умецкая Н.И., 1933 г.р., г. **Соликамск**; Чекотина К.Ф., 1926 г.р., Малышева А.Е., 1929 г.р., Петухова Е.П., 1931 г.р., Логинова А.П., 1932 г.р., д. **Сорвино**; Белкина П.А. 1901 г.р., Белкина П.М., 1919 г.р., Белкина Т.М., 1915 г.р., Белкина Е.А., Белкина В.А., 1928 г.р., Неверова А.И., 1915 г.р., Пегушина Е.Е., 1912 г.р., родом из д. **Вавилово**, Пегушина А.И., 1917 г.р., Белкин В.К., 1914 г.р., Мельникова З.П., 1924 г.р., Филипьева Д.Ф., 1923 г.р., д. **Тетерина**; Брагина А.А., Брагина Л.А., Брагина Е.П., Баранова А.Ф., д. **Толстик**; Попов А.Ф., 1928 г.р., Попова А.П., 1920 г.р., Белкина А.Н., 1930 г.р., п. **Тюлькино**; Баранова А.И., д. **Ушакова**; Мальцева М.И., 1912 г.р., д. **Харино**; Селюнина Е.Н., 1936 г.р., Сивкова А.Е., 1908 г.р., Тимофеева Т.Ф., п. **Чёрное**.

5	7
6	8

КОММЕНТАРИИ

Обложка

1. Соликамский пейзаж.

Вкладыш 1

1. Соликамский календарь.
Коллекция А.Ю. Янченко. Из собрания УИИМ, КП 22.
2. Туес. УИИМ, КП 36\12.
3. Традиционное оформление жилища, Соликамский район, с. Вильва.
4. Рубель. СКМ.

Вкладыш 2

1. Соликамский календарь.
Коллекция А.Ю. Янченко. Из собрания УИИМ, КП 23.
2. Хранительница традиций А.С. Карпенко, 1927 г.р.,
Соликамский район, д. Лызиб.
3. Дуга. Соликамский район, д. Лызиб.
4. Наличник окна жилого дома. Соликамский район, с. Вильва.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	3-8
Глава I. КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ	9-84
Весенние праздники и обряды	12-42
Летние праздники	43-46
Праздники и обряды осени	47-51
Зимние праздники и обряды	52-76
Престольные и местнотимые праздники	77-84
Глава II. СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ	85-140
Соликамская свадьба	85-128
Обряды и представления, связанные с деторождением и детством	129-131
Проводы в армию	132-135
Похоронный обряд	135-140
Глава III. НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	141-180
Демонологические представления	141-165
Заговоры, «слова», молитвы	165-177
Народная медицина и лечебная магия	177-180
Глава IV. ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР	181-211
Песни игровые	182-187
Песни плясовые	188-192
Песни семейные и любовные	193-203
Песни тюремные	204-206
«Жестокие» песни	207-211
СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	212-217
СПИСОК ОСНОВНЫХ ИНФОРМАТОРОВ	218-219
КОММЕНТАРИИ	220

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В.

Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. - Усолье: «Пермское книжное издательство», 2006. - 224 с.; илл.

В фольклорном сборнике, созданном на основе полевых и архивных фольклорно-этнографических материалов по Соликамскому району (в основном собранных в 80-е - 90-е годы XX века и в начале XXI века), дается подробное описание наиболее значимых сторон традиционной крестьянской культуры края: календарной, семейной, магической обрядности. В сборнике также публикуется характерный для соликамской традиции фольклор - обрядовые песни и плачи, былички, заговоры, лирическая поэзия. В комментариях авторов-составителей характеризуются особенности местной речи, отмечается локальная специфика описываемых аспектов народной культуры и фольклорных текстов.

Сборник предназначен для диалектологов, фольклористов, историков, этнографов, всем, кто интересуется народной культурой Прикамья. Также он может быть полезен краоведам, преподавателям народной словесности, специалистам по традиционной культуре.

Научно-популярное издание

Подюков Иван Алексеевич,
Черных Александр Васильевич,
Хоробрых Станислав Валерьевич

Земля Соликамская.

Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района.

Научный редактор И.А. Подюков.

Корректор Н.Н. Хоробрых.

Фото С.В. Хоробрых.

Подписано в печать 01.10.2006. Формат 60х88 1/16.

Усл. Печ. л. 14. Тираж 200 экз. Заказ № _____

Отпечатано в Березниковском филиале

ОГУП ИПК «Пермское книжное издательство»

ИД «Типография купца Тарасова»

618400, Пермская обл., г. Березники, ул. Химиков, 7. Тел./факс: (34242) 6-72-88.

Обложка и цветные вкладки отпечатаны в ООО РПК «Графикс».

618400, Пермский край, г. Березники, ул. Циренщикова, 10. Тел.: (34242) 6-66-59.

Дизайн и верстка: С.Ф. Широков. Тел.: 8-904-844-79-92.

ЗЕМЛЯ
СОЛИКАМСКАЯ

